

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕСПУБЛИКИ
БУРЯТИЯ



ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№2 /96/ 2023



Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания. /В. Кузнецов/

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские ОГНИ

Авторский литературный журнал

№2 /96/ март-апрель 2023

Учредитель и издатель – Виталий Кузнецов
Основан в 2008 году
С 2010 г. выходит 6 раз в год
Издаётся при финансовой поддержке ООО Артель старателей «Западная»

Главный редактор: Виталий Кузнецов (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь-референт: Елена Зяблова (Усолье-Сибирское, Иркутская обл.)

Зам. главного редактора по связям с общественностью: Татьяна Логинова (Северомуйск, Бурятия)

Зам. главного редактора по литературной критике: Александр Шерстюк (Москва)

Зав. отделом прозы: Анжелла Седых (Киренск, Иркутская обл.)

Редактор отдела прозы: Дарья Фомина (Балашиха, Московская обл.)

Редактор отдела публицистики: Наталия Каретникова (Москва)

Редактор отдела поэзии: Александр Балтин (Москва)

Редактор литературного отдела «Рыбохотобзор»: Сергей Малашко (Магадан)

Редактор отдела культуры: Татьяна Лапахтина (Таксимо, Бурятия)

Дизайнер-оформитель, веб-администратор: Дмитрий Игнатов (Воронеж)

Литературный экспертный совет

Байбородин Анатолий Григорьевич, прозаик, публицист, член Союза писателей России, главный редактор журнала СП «Сибирь» /Иркутск/.

Бильтрикова Елизавета Михайловна, поэт, член Союза писателей России /Улан-Удэ/.

Брагин Никита Юрьевич, поэт, член Союза писателей России, доктор геолого-минералогических наук /Москва/.

Ерёмин Николай Николаевич, поэт, член Союза российских писателей (член Союза писателей СССР – с 1981 г.), Русского ПЕН-центра всемирной ассоциации «Международный ПЕН-клуб» /Красноярск/.

Нечипорук Иван Иванович, поэт, член Межрегионального союза писателей, Союза писателей России, членкор Славянской литературно-художественной академии (Болгария) /Горловка, ДНР/.

Орлов Максим Томасович, поэт, публицист, член Союза писателей России /Братск, Иркутская обл./.

Румянцев Андрей Григорьевич, поэт, публицист, член Высшего творческого совета Союза писателей России, Народный поэт Республики Бурятия, действительный член Петровской академии наук и искусств /Москва/.

Рябчиков Лев Анатольевич, поэт, прозаик, публицист, председатель Правления Крымского РО ЛСПР, президент Крымской литературной академии им. Ю. В. Бондарева /Симферополь, Крым/.

Скиф Владимир Петрович, поэт, секретарь правления Союза писателей России /Иркутск/.

Чепров Сергей Васильевич, поэт, публицист, член Союза писателей России /Темрюк, Краснодарский край/.

Ячеистова Наталия Изяславовна, поэт, прозаик, член Союза писателей России /Москва/.

Информационные партнёры:

- Литературный журнал «Приокские зори» /г. Тула/.
- Альманах «Тарские ворота» и лит. журнал «Иртышъ-Омь» /г. Омск/.
- Литературные сериальные издания «Крылья», «Параллели» /г. Самара/.
- Литературный журнал «Аргмак. Татарстан» /г. Набережные Челны/.
- Издательство «Союз писателей» /г. Новокузнецк/.

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Редакция вступает в переписку только с теми авторами, материалы которых приняты к публикации.

За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Фото на страницах обложки: из архива редакции.

Подписано в печать 07.03.2023.
Формат А4. Стр. – 88.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 500 экз.
Отпечатано в ООО ПЦ «КОПИР»,
г. Новосибирск, улица Ленинградская, 102.

© Северо-Муйские огни, 2023

Адрес редакции и издателя:

671564, Бурятия, Северомуйск, улица Геологическая, 2.
Тел.: 8 (902) 458-28-89; 8 (908) 595-72-30

Сайт: <https://smogni.ru/>

Е-мэйл для общих вопросов: catalog3@yandex.ru

Связь с главным редактором: vitalicatalog3@yandex.ru

Содержание**Публицистика**

Татьяна Бирюкова. Его Беатриче – жизнь.....	3
Татьяна Михайлова. Арт-брют? Это не про нас.....	4

Поэты конца советской эпохи

Свет Светланы Кузнецовой.....	6
-------------------------------	---

Привал на поэтической тропе

Нина Ищенко. Река забвения в стихотворении Елены Заславской «Платоники. У берега Леты».....	9
Лестница эротического познания в стихотворении Елены Заславской.....	10

Проза

Анжелла Седых. Дюжие чемоданы. Рассказ.....	11
Елена Думрауф-Шрейдер. Снеговичок. Рассказ.....	12
Наталья Ячеистова. «Придёт весна – придёт любовь». Рассказ.....	14
Дарья Фомина. На даче. Рассказ.....	15
Ирина Соляная. Подснежник Трофима. Сказка.....	17
Нина Гаврикова. Ленивцы. Рассказ.....	20
Людмила Брагина. Кот Пандоры. Рассказ.....	21
Татьяна Медиевская. Зачем русалочке купальник! Рассказ.....	28
Татьяна Белявская. Венский вальс. Записки о маме.....	32
Оксана Соснина. Гармоника маленькой Эвы (грустная мелодия, напетая губной гармошкой).....	41
Валерия Анненкова. О чём поёт океан? Рассказ.....	42
Светлана Анина. Подрывных дел мастер. Быль-небылица.....	44
Лидия Гусева. Уважительная причина. Рассказ.....	45
Светлана Чернышёва. Детские истории (из цикла «Девочка из детства»).....	47
Лариса Осокина. Рассказы.....	48
Людмила Бронникова. Сарма. Рассказ (из цикла «Байкальские сказки»).....	50
Тамара Селеменова. Тега. Рассказ.....	51
Татьяна Романенко. Байкальская Атлантида. Новелла.....	53
Екатерина Лимонова. Всего один день. Рассказ.....	57
Елена Зяблова. Первоцвет. Весенняя фантазия.....	59

Поэзия

Светлана Донченко. Весеннее.....	60
Ирина Резник. «Только с ней будет сердце живо...».....	61
Ольга Флярковская. «Для красивейших женщин земли...».....	62
Калина Изабела Жёла. «Бывает такая тишина».....	63
Дарья Фомина. «И сердцем любящим я буду ждать воскресения Христа...».....	64
Николь Воскресная. «...знаки капель на мокром стекле...».....	65
Ирина Апарченко. «Поменялись созвездия...».....	66
Лидия Пащенко. «А у нас во дворе...».....	67
Алёна Иванова. «Сквозит мечта из-под ресниц».....	68
Нина Турчина. «Я чувствую открываю дверь...».....	69
Ирина Артамонова. «... – часть Божественной Вселенной...».....	70
Галина Пиастро. «Взываю к Мессии, к Аллаху, шепчу в крест нательный...».....	71
Евгения Амирова. «Порхает бабочкой душа...».....	72
Алла Елисеева. «Светлая мысль святость...».....	73
Валентина Останина. «А ты ещё помнишь дыхание марта?...».....	74
Анфиса Третьякова. «Отцветут сады...».....	75
Елена Макарова. «Красной искрой снег зажгу...».....	76
Светлана Казакова. Стихи разных лет.....	77
Светлана Войтко. «Знаки – тени-образы бумажные...».....	78
Ксения Аксёнова. «Сквозь ночь, не разнимаясь, говорить...».....	79
Валентина Ефимова. «Из шести миллиардов обмана...».....	80
Юлия Грачёва. «Дорожная песня».....	81

Сатира и юмор

Ольга Борисова. Холодильник. Рассказ.....	82
Тамара Гордиенко. Мир выжил, потому что смеялся.....	84

Творческий совет журнала.....	88
-------------------------------	----

Публицистика

Западники были неправы потому, что они отрицали своеобразие русского народа и русской истории.
Николай Александрович Бердяев (1874–1948)

Татьяна БИРЮКОВА

г. Видное, Московская обл.

Член Союза писателей России, Союза краеведов России. Автор 7 книг стихов и прозы. Почётный писатель Московской области. Победитель ежегодной премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» за проект «Возвращение к истокам». Публиковалась в журналах «Поэзия», «Московский краеведческий журнал», «Параллели», в газете «Московский литератор», «Литературной газете», в альманахах и коллективных поэтических сборниках Москвы и Подмосковья.

Его Беатриче – жизнь

Когда мне предложили присутствовать на встрече с дочерью Владимира Владимировича Маяковского, я сразу же согласилась. Увидеть дочь великого поэта, одного из самых необычных и талантливых поэтов двадцатого столетия – об этом можно было только мечтать. Только в начале 1990-х мир узнал о том, что в Нью-Йорке живёт и здравствует дочь русского поэта

Как же она похожа на своего отца! Рост, брови, весь облик, а потом я убедилась, и внутренняя сила, темперамент, убеждённость – всё это от Маяковского.

Встреча с ней состоялась в Институте Мировой литературы им. А. М. Горького. Елену



Владимировну (она любит, чтобы её так называли) встретили так тепло и так рады были её приезду, как встречают только друзей. На самом деле дружба, настоящая дружба связывает группу научных сотрудников под руководством Александра Ушакова, изучающих много лет творчество Владимира Маяковского, с Патрицией Дж. Томпсон, американкой, профессором Лемановского университета в Нью-Йорке, дочерью поэта, которая сказала: «Я хочу, чтобы была правда». Правду об отце, о Маяковском мы узнали из книги «Маяковский на Манхэттене», которую написала Елена Владимировна.

Владимир Маяковский в июле 1925 года приехал в Америку, читал стихи и лекции о Советском Союзе, отвечал на вопросы и записки слушателей. Трудность была в том, что Маяковский говорил только на русском языке, вне эмигрантской среды он был нем и беспомощен. На поэтическом вечере Элли (Елизавета Петровна Зиберт) и Маяковский встретились. Кроме русского, Элли свободно говорила на немецком, английском и французском языках. Маяковский попросил девушку стать его переводчиком. Она согласилась. Три месяца они были вместе, гуляли по Бродвею, ездили на вечеринки, обедали в ресторанчиках. Когда у них установились близкие отношения, Маяковский спросил, не боится ли она последствий. «Любить – значит иметь детей», – ответила Элли.

Уезжая, Маяковский знал, что у него будет ребёнок. В день прощания на пристани было много людей, и Маяковский только поцеловал девушке руку. Она вернулась домой вся в слезах, хотела броситься на кровать, но кровать была устлана

цветами – незабудками. «У Маяковского совсем не было денег, но он был такой».

15 июня 1926 года у Элли родилась дочь, которую назвали Элен – в честь её бабушки по материнской линии и Патрицией в честь её крёстной матери. Только через два с половиной года в Ницце состоялась встреча Маяковского с дочерью. Вероника Полонская, последняя любовь поэта, рассказывала, как он говорил: «В этом ребёнке моё будущее. Я никогда не думал, что можно так тосковать о ребёнке». В записной книжке Маяковского на пустой странице написано одно слово: «Дочка». Долго не могли расшифровать, что же это означает.

«Дочка» – это единственное послание моего отца через пространство и время, напишет позже Елена Владимировна. «Маяковский любил мою мать и, несомненно, любил меня, маленькую девочку. Я знаю, каким был Маяковский отцом, я знаю, какая я мать и бабушка, и я знаю, как нелегко быть дочерью великого поэта».

Когда Елена Владимировна в первый раз приехала в Россию, отвечая на вопросы тележурналистов, сказала: «Моя мама завещала мне любить Россию».

На фото — дочь Маяковского Елена Владимировна и ст. научный сотрудник ИМЛИ им. Горького РАН Зименков А. П. (фото автора).

Любовь к России, интерес к своим корням, в 2003 году привёл её в Башкортостан, в этом красивейшем краю, недалеко от Уфы, в городке Давлеканове в семье Петера Генриха Зиберта в 1904 году родилась её мама Елизавета. Отец занимался производством зерна. До сих пор сохранился остов элеватора, который построил отец. Много раз остов пытались снести, но он не поддаётся разрушению. Последние немцы уехали из этого края в 1925 году. Элли работала после революции переводчицей в американской организации гуманитарной помощи. Там познакомилась с Джорджем Джонсом, британским служащим. Они поженились и переехали в США. В 1924 году остальные Зиберты покинули Башкирию. Брак Элли был недолгим, и вскоре они стали жить отдельно.

Незадолго до своей смерти, в 1985 году, Элли наговорила шесть плёнок на английском языке с подробными воспоминаниями её встреч с Маяковским. Всю жизнь она тосковала о России и бесплатно обучала русскому языку.

Побывав в Америке, Маяковский написал книгу с названием «Моё открытие Америки». Патриция Дж. Томпсон написала книгу «Моё открытие Башкортостана». Книга написана ярко и талантливо. «Хочу, чтобы народ Москвы знал правду и о моей маме».

В следующий свой приезд в Россию Елена Владимировна с удовольствием гуляла по улицам и переулкам Москвы и всё время повторяла, что считает себя москвичкой. Патриция проделала большую работу, чтобы из жизни дорогого ей человека, отца, убрать всё выдуманное и наносное.

Впервые будет выпущено 20-томное издание произведений Владимира Маяковского, наиболее полное, научное, академическое. В него войдёт всё то, что ранее было запрещено или по каким-то причинам не опубликовано, будет показан Маяковский, как режиссёр и художник, как один из первых дизайнеров и создателей рекламы. (На сегодняшний день выпущено четыре тома.)

В книге, подаренной Елене Владимировне, «Творчество Маяковского в начале 21 века», изданной ИМЛИ им. А. М. Горького Российской Академии Наук в 2008 году, помещены две статьи, написанные Патрицией Дж. Томпсон. Дарственная надпись гласит: «Глубокоуважаемой Елене Владимировне Маяковской – Патриции Томпсон в память о нашей многолетней дружбе с пожеланиями крепкого здоровья и чувством громадной благодарности за всё, что Вы сделали и делаете для создания правдивого образа вашего отца – гения русской культуры 20-го столетия».

В 1923 году Владимир Маяковский записал: «Исчерпывает ли для меня любовь всё? Всё, но только иначе. Любовь – это жизнь, это главное».

Прощаясь с коллективом, Елена Владимировна сказала: «Главной доминантой творчества моего отца, Владимира Маяковского, была всё-таки не любовь, а одиночество. Если искать его Беатриче, то это будет жизнь в её наивысшем напряжении, в её предельном выражении».

В стихотворении «Я здесь!» дочь поэта обращается к отцу: «Маяковский! Это я громко стучу в дверь Товарища Истории. Я знаю, ты – там. Впусти меня! Я знаю, ты – там со своими истёртыми чемоданами, в которых незаконченные стихи, разбитое сердце и выцветшее фото маленькой девочки, сидящей на балконе в Ницце... Ты навсегда моложе меня...».

Хелен Патриция Томпсон, дочь Маяковского, умерла 1 апреля 2016 года в возрасте 89 лет в Нью-Йорке. Она мечтала получить Российское гражданство и завещала развеять прах над могилой Маяковского.

Сегодня на пространстве квартиры на Большой Пресне 36, 24, где семья Маяковских проживала с августа 1913 по май 1915 года, и где им было написано более 40 поэтических произведений, расположена выставка «Дочка». В рамках выставки воссозданы кабинет и гостиная американской квартиры Патриции. Мемориальные вещи, предметы мебели, очень много фотографий, архивные документы – материалы о знаменитом отце, которые она собирала долгие годы.

2020 г.

Татьяна МИХАЙЛОВА

г. Тверь

Журналист, переводчик, поэт, краевед. Автор 10 книг и ряда публикаций в российских и зарубежных литературных журналах и сборниках Союза писателей РФ. Лауреат международного конкурса «Приключение приходит само: Мир без насилия и войны» (2011). Член жюри международного поэтического конкурса «Согласование времён» (Германия, 2012).

Арт-брют? Это не про нас

Если на пешеходной тверской Трёхсвятской – на молодёжном жаргоне она, конечно же, Трёха – вы увидите человека, практически в любую погоду оберегающего уличный вернисаж, притормозите немного. И... вы даже не заметите, как вашим собеседником окажется художник Александр Наумов. «Не был, не состоял, не привлекался», но – ровесник второй половины 20 века – свидетель многих телодвижений этого века и прекрасный рассказчик с сатирическим складом ума. Представитель, как сам он считает, арт-брюта (с французского это «грубое искусство»). Течения, давно уже известного на Западе, а также объединившего несколько советских и российских имён. Их труды заполнили музеи современного искусства во многих европейских столицах и за океаном, Ростова-на-Дону и

Перми, а также пяти филиалов аналогичного музея в Москве, созданного Зурабом Церетели (главное здание ищите на Петровке, 25).

Попробуем не согласиться с самоидентификацией автора.

Как многие знают, в предвоенные 30-е годы в Мюнхене (где же ещё могла случиться такая мерзость!) состоялась так называемая выставка дегенеративного искусства. Составила её коллекция работ шизофреников, любовно подобранная неким Принцхорном – философом, искусствоведам и психиатром. Профессиональную лепту в распространение по миру термина «арт-брют» внёс своей книгой «Душевнобольной как художник» и Моргенталер. Так новый термин «пометил» картины непрофессиональных художников (работы Карри или Рапа, Босха или Дали нередко меркнут рядом с ними), не ориентирующихся на внешний рынок или случайного зрителя (*изо-лированностью изо-бражающих* назовут это позднее искусствоведы, наряду с откровенной *изо-бретательностью*).

Самым известным представителем арт-брюта для советского человека стал глухой художник Александр Лобанов из ярославской психбольницы. Писал он только автопортреты – практически всегда с ружьём, героев революции и Сталина. Но тут на мою сторону встаёт даже несовершенная Википедия: даже сами психиатры (в ней вы найдёте их имена) считали его работы проявлением скорее детскости, чем психических расстройств!!! Невольно вспоминаются споры психиатров, вышедшие за пределы медицинского сообщества: считать ли вообще шизофрению болезнью и, соответственно, лечить ли её сильнодействующими препаратами, превращающими пациента в овощ, или – Боже упаси – лоботомией (мы помним страшные судьбы и литературно-киношного персонажа из «Полёта над гнездом кукушки», и кумира нескольких поколений Хемингуэя).

Итак, галереи современного искусства. Постоянная экспозиция, экскурсовод в штате, возможность приобретения работ непосредственно с выставки, серьёзный письменный договор с автором. Откровенная коммерческая составляющая. Немудрено, что галеристы умело привлекают в ряды своих подопечных и авторов – представителей наивного искусства.

В этом смысле Тверская область может похвастать несколькими именами. О кимрской наивной художнице «бабе Любе» Майковой профессор Михаил Строганов из Твери написал даже целую книгу. Работы нелидовских художниц Людмилы Кузнецовой (ныне покойной журналистки, потомка доблестной фамилии Потоцких) и «портретирующей» окрестные дома Екатерины Болдиной входили в каталоги московских выставок наивного искусства. Читатель, надеюсь, простит моё «биение себя кулаком в грудь», если я напомню, что помогала с персональной выставкой в библиотеке Тверского госуниверситета Екатерине Болдиной, которой посвятила отчасти шуточные строчки «Болдинская осень»:

Тепло в провинциальных городах.
Сентябрь. Двадцать восьмое. Бабье лето.
Нет, осень – смущена, полураздета,
И капли рос на старых проводах.

И шорох – нам его за шум дождя
Легко принять сонливым ранним утром:
В тумане с его тусклым перламутром
Прощально шепчут листья, уходя.

В провинциальных городах живут
Художники – наивные, не очень:
Под кистью их убожище обочин
Значительней, чем всё живое тут.

Здесь пиво пьют, как вся Россия пьёт,
И кормят голубей, ругаясь матом...
В райцентре, парадоксами богатом,
Екатерина Болдина живёт.

Но вернёмся к Александру Наумову. Внешне простецкая композиция, чистые краски, любимые герои, покрытые флёром авторской иронии, целые серии (объёмная пушкинская – только одна из них), сатирические подписи... И никакого раздвоения личности или пугающих своей энергетикой видений ада. Сплошной сатирический позитив, сказала бы я, существуй в нашем великом и могучем такое понятие. Пушкин (то брюнет, то шатен, но неизменно галантный и узнаваемый) в компании собственных литературных персонажей, Пушкин в окружении исторических личностей – в том числе куда более высоких по статусу, но подтянутых почти до подобострастия, Пушкин в окружении женщин – о, это вообще отдельная история!

Аутсайдер ли Александр Наумов? Ни в коем случае. Человек, состоявшийся и в личной жизни, нашедший себя в творчестве, прекрасный собеседник (хотя для дам, возможно, и несколько экстравагантный в языке). Наш современник и типичный представитель тверского наивного искусства.



Автопортрет Александра Наумова

Поэты конца советской эпохи.....**Кузнецова Светлана Александровна**

(14 апреля 1934, г. Иркутск – 30 сентября 1988, Москва) – русская советская поэтесса и переводчик.



Отец – Кузнецов Александр Александрович, директор школы, потомок ссыльных поляков – участников восстаний начала XIX века.

Мать – Амосова Лидия Ивановна, учитель русского языка и литературы, потомок семьи Дмитриевых из Самары, сосланных в Сибирь в начале XIX века по политическим мотивам.

Детство Светланы Кузнецовой прошло в Сибири на берегах Витима в центре Ленского золотопромышленного района в Бодайбо, где она окончила среднюю школу. Поступила в Иркутский государственный университет на филологический факультет. После смерти отца оставила учёбу. Работала редактором художественной рекламы.

Писать стихи начала в 9 лет. Первая книга поэтессы «Проталины» вышла в 1962 году в Москве, в издательстве «Молодая гвардия» с предисловием известного поэта Александра Прокофьева, который выделил Светлану Кузнецову среди молодых и напутствовал её в поэзии.

В 1964 году издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник Светланы Кузнецовой в серии «Библиотечка избранной лирики», в редколлегию которой входили Михаил Светлов, Борис Ручьев, Владимир Костров. В предисловии поэт Александр Макаров особо отметил «певучесть русской речи, так ласкающей слух, акварельную прозрачность образов, как будто сотканых из любви и света...».

Светлана Кузнецова переезжает в Москву в середине 1960-х годов. Поступает в Литературный институт имени Горького. Оканчивает Высшие литературные курсы в 1965 году. Её принимают в Союз писателей СССР по рекомендации Александра Прокофьева.

Творчество молодой поэтессы заметил Александр Твардовский: будучи главным редактором, он опубликовал в журнале «Новый мир» стихотворение Светланы Кузнецовой «Мои родители».

С 1964 по 1972 в московских издательствах – «Молодая гвардия», «Советский писатель», «Советская Россия» выходят сборники стихов Светланы Кузнецовой: «Соболи», «Только о любви», «Сретенье», «Забереги». В поэзии Светланы Кузнецовой современный по своему звучанию стих сочетается с фольклорно-песенными мотивами. Наряду с любовной темой серьезно и углубленно звучит тема России – первой и главной любви. Её стихи публикуются в ежегоднике «День поэзии», в Библиотеке журнала «Огонёк», в газете «Литературная Россия».

Она выступает перед большими аудиториями в московских вузах: в МГУ, в МЭИ, научно-исследовательских институтах. Песни на стихи Светланы Кузнецовой в исполнении дуэта популярных (с 2002 года – народных) артистов – Аллы Иошпе и Стахана Рахимова звучат на радио.

Далее – 10 лет молчания. Будучи человеком прямым, гордым и бескомпромиссным, она «посмела» открыто заявить свой протест против политики кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря КП (компартии) Узбекистана Ш. Р. Рашидова. С 1972 года по 1982 год книги не публикуются, имя Светланы Кузнецовой исчезает из средств массовой информации. На издания её произведений, на её имя правлением Московского отделения Союза писателей СССР наложен негласный запрет.

В эти годы Светлана Кузнецова расстаётся с мужем и теряет близких людей: умирают мама и брат. Остро ощущая одиночество, отлучённая от литературной жизни Москвы, она пишет свои самые значительные и совершенные стихи без надежды увидеть их изданными, пишет «в стол». Занимается переводами поэтов союзных республик.

В 1982 году после паузы в издательстве «Советский писатель» выходит новый сборник стихов «Гадание Светланы». В аннотации к сборнику отмечается: «Лирика Светланы Кузнецовой драматична: утраты и обретения зрелости, осмысление противоречий современного мира, живое чувство Родины и слова – все это образует в книге единый исповедальный сплав».

Появляются критические статьи в «Литературной газете». Журнал «Новый мир» публикует положительную статью-рецензию «Поэзия требует всего человека» известного литературоведа, критика Аллы Марченко.

В 1983 году в Восточно-Сибирском книжном издательстве выходит сборник стихов – «Соболиная тропа» с предисловием поэта, лауреата Государственной премии СССР Анатолия Преловского.

Поэзия Светланы Кузнецовой снова в центре внимания читателей и издателей. Её произведения печатают ежегодник «День поэзии», еженедельные газеты, «Литературная Россия».

Журнал «Огонёк» публикует девять стихотворений из цикла Светланы Кузнецовой «Русский венок». За эту работу ей была посмертно присвоена премия журнала «Огонёк» за 1988 год.

Светлане Кузнецовой присуждается государственная награда – медаль.

Последний прижизненный сборник Светланы Кузнецовой «Стихотворения» выходит в издательстве «Советский писатель» тиражом 35 000 экземпляров в 1986 году.

Главный редактор журнала «Новый Мир» Сергей Залыгин публикует подборку её стихов «Невидимый полёт».

В «Литературной газете» развернулась полемика о различии мужской и женской поэзии. В статье «Под женским знаком?» поэт Юрий Кузнецов, рассуждая на эту тему, приводит примеры, проводя параллели между Нобелевским лауреатом Габриеллой Мистраль и Мариной Цветаевой, между Анной Ахматовой и Светланой Кузнецовой.

Имя Светланы Кузнецовой по праву упоминается среди достойнейших поэтесс. А ведущий критик-литературовед, историк и философ Вадим Кожин в своём труде «Свет двуединый...» напишет: «Со всей

взвешенностью и ответственностью скажу, что лучшие из зрелых стихотворений Светланы Кузнецовой – самое значительное из того, что было создано в русской женской поэзии после Анны Ахматовой...».

Издательства ждут её стихи. Она готовит и сдаёт в печать два новых сборника: «Второе гадание Светланы» и «Светлана Кузнецова. Избранное. Стихи».

Популярность поэтессы растёт. Она – в центре внимания критиков, собратьев по перу и читателей. Но поздно. Десять лет опалы не прошли бесследно. Болезнь оборвала жизнь уникального русского поэта.

Светлана Кузнецова скончалась 30 сентября, в День Веры, Надежды и Любви, в московской городской больнице № 71. Похоронена на Ваганьковском кладбище Москвы.

Свет Светланы Кузнецовой

Сильно и свободно было её поэтическое дыхание, в недрах которого рождались бытийные открытия:

Я лишь недавно приняла
Наследство, дедами завещанное.
Я лишь недавно поняла,
Как вы сложны, простые вещи.

О, тут глубина мерцания, космос непостижимости жизни, словно умноженный на высокое детское удивление великолепием простых вещей: столь сложных, из которых и состоит реальность.

Стихи Светланы Кузнецовой пахнут первым снегом: чистотой, отливающей необыкновенностью красоты.

На окраине русского края
Ничего у судьбы не молю,
В сером сумраке лет вспоминая
Тех поэтов, которых люблю.

Уходили они в неизвестность,
Приминая зыбучие мхи.
Бессловесная наша словесность
Не такие не помнит стихи.

Глубина смешивается со своеобразием сострадания, с... осознание собственной участи: и стоическим принятием оной.

Принятие жизни: открыто, по-детски характерно для Кузнецовой.

... глухомань...

Очень русское понятие: и оно раскрывается Кузнецовой кристаллами магического смысла:

Над Саянами солнце проснуться готово.
Заревая туманится рань.
Кто придумал такое удачное слово,
Кто тебя окрестил, глухомань?
Глушь манит...
Значит, бьется в озерные чаши
Ветровой налетающий хмель,
Значит, снова встречают смолистые чаши
Открывателей новых земель.

Есть и хмельное, упоительное начало в поэзии поэта: и... пусть глухомань: о какова ширь! каковы небеса над нею!

Привкус неба отчётлив во многих стихах Кузнецовой.

Единый космос бытия хорошо прочитывается в кратких словесных вспышках:

Поведали вещие сны,
Что мы и природа – едины,
Что нашу кровью красны
Воспетые нами калины.

Сияющая, метафизическая кровь наполняет стихи: из закатов ли пролита, или – из упомянутой калины...

Просвеченный солнцем духа поэтический свод С. Кузнецовой, наполненный живою плазмой жизни, работая исподволь, медленно облучает мир красотой и гармонией...

Светлана КУЗНЕЦОВА. Стихи.....

На окраине русского края
Ничего у судьбы не молю,
В сером сумраке лет вспоминая
Тех поэтов, которых люблю.

Уходили они в неизвестность,
Приминая зыбучие мхи.
... Бессловесная наша словесность
Не такие не помнит стихи.

Не такая случалась погода.
Не такие творились дела.
Бессловесная наша природа
Не такие потери несла.

На окраине русской надежды,
На окраине русской беды
Я смыкаю усталые вежды,
И метель заметает следы.
(80-е)

Что я всё же думаю о доле?
Я её устала завлекать.
Ветер в поле,
А тебя на воле
Мне давно наскучило искать.
Сердце отлюбило
И забыло
Вспышки многоцветного огня,
Мне теперь не важно то, что было
Прежде очень важным для меня.
Важен цвет темнеющего неба.
Важен цвет темнеющей земли.
Важен терпкий вкус ржаного хлеба,
Важенка, бродящая вдаль.
Важен карандаш, клочок бумаги.
Ну а, может быть, важней всего
Важно осознание отваги
Гибнущего духа моего.
(80-е)

Над нами – Большая Медведица.
За нами – большое неведение.
За нами – большая война.
Пусть вам и в бреду не прибредится
Такое большое наследие,
Такая большая вина.

Хотя мы уже убываем,
На что-то ещё уповаем,
Наследство вручая сынам.
И кажется – всё забываем.
Но двери плотней запираем,
Чтоб счёт предъявили не нам.

Никнет над чёрной землей огорода
Птичья печальная трель...
Месяц рожденья и месяц ухода,
Мой среброглазый апрель!

Мой среброглазый! Певучие струны
Тянут сквозь годы утрат
Снова туда, где мучительно юны
Мы, то есть я и мой брат.

Мой среброглазый! Мы снова пригубим
Зрелости ранней вино.
Мой среброглазый! Мы снова погубим
То, чему жить не дано.

Мой среброглазый! Златой середины
Рок нам с тобой не судил.
Сплыли рекою холодные льдины,
Ветер мой лоб остудил.

Недолговечная наша порода,
Птичья короткая трель...
Месяц рожденья и месяц ухода,
Мой среброглазый апрель!
(80-е)

Жизнь моя – мимолетность в мире, –
Мимо, мимо той тесноты,
Что теснится на темном пире
В честь владетельной пустоты.
Мне ль под этим ветхим навесом
Умножать собой суету?
Жизнь моя – самолёт над лесом,
Устремившийся за черту.
Жизнь моя – золотой звоночек
Под невидимую дугой,
По-на брови чёрный платочек,
Зыбь болотная под ногой.
Жизнь моя – трепетанье слова,
По холодной равнине бег,
Красота и тщета улова,
Мною брошенного на снег.
Доживаю, собой хранима,
С неопущенной головой,
С верой в то, что непобедима
Кровь окраины вековой.
(80-е)

В память брата моего Олега
И отца, что спят в родной земле,
Старая, но точная «Омега»
Тикает тихонько на столе.
Тикает, и годы отлетают,
Вот и не осталось ничего.
Тикает, и мысли оплетают
Древо рода, рода моего.
Оплетают, словно повилика,
Тянут соки из его ствола.
Времени тягчайшая улика,
Между глаз морщинка пролегла.
Пролегла последняя дорога
По последней белой целине.
Я по ней пройду ещё немного,
И никто не вспомнит обо мне...
(80-е)

Привал на поэтической тропе.....**Нина ИЩЕНКО**

г. Луганск, ЛНР – Россия

Ищенко Нина Сергеевна (р. 1978) – кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член Союза писателей ЛНР с 2018 года. Редактор сайта новостей культуры «Одуванчик». Член Философского монтепевского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы» (2020), «Книжная полка Татьяны Лариной» (2020), «Город на передовой. Луганск – 2014» (2020), «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”» (2021), «Южный фронт: Россия – Украина – Донбасс» (2021). Редактор-составитель семи сборников Философского монтепевского общества Луганска. Редактор сборников стихотворений Е. Заславской «Год войны» (2015), «Бумажный самолёт» (2018), «Донбасский имажинэр» (2020), «Опыты пристального чтения» (2020), «Новороссия гроз. Новороссия грёз» (2020), «Настя, приезжай!» (2022) и «Эти русские» (2022).

**Река забвения в стихотворении Елены Заславской
«Платоники. У берега Леты»**

Русская поэзия часто является пространством воплощения философских смыслов. Сохранение платоновских образов в художественной литературе на русском языке осуществляется в рамках трансляции русской культуры. Рассмотрим трансформацию образа Леты из диалога «Государство» в стихотворении луганской поэтессы Елены Заславской «Платоники. У берега Леты» (2020).

Диалог «Государство» – один из самых сложных диалогов Платона. Важную роль в нём играет тема справедливого посмертного воздаяния, которая раскрывается и в рассуждениях персонажей, и в драматической ситуации самого диалога: беседа происходит перед поражением Афин в Пелопонесской войне и последовавшей за этим гражданской войной, в финале которой состоялась казнь Сократа.

О загробной жизни Сократ говорит, что души в Аиде выбирают свой жребий – новое воплощение, после этого «они все вместе в жару и страшный зной отправляются на равнину Леты... В меру все должны были выпить этой воды, но, кто не соблюдал благоразумия, те пили без меры, а кто её пьёт таким образом, тот всё забывает». Блаженство посмертного существования равносильно потере памяти.

Персонажи стихотворения Елены Заславской находятся в том контексте, в котором действовали персонажи диалога «Государство», ведь произведение создано в ситуации братоубийственной войны с Украиной. Строки «Мёртвые сраму не имут» означают честную смерть воина в битве.

Также в стихотворении сохранен платоновский топос: в загробном мире души пьют воду из Леты, на берегу которой невыносимо жарко: «Губы потрескались и пересох язык». Потеря памяти в стихотворении – это потеря любви. Если Сократ призывает любить мудрость и справедливость, для героев стихотворения «Платоники. На берегу Леты» конституирующим чувством, сохраняющим личность, оказывается тоже любовь, но любовь к конкретному человеку.

Тема всеобъемлющего эроса является центральной в диалоге Платона «Пир». Любить конкретного человека для Сократа – самый первый уровень движения, начальная точка, а цель движения – любовь к безличному Прекрасному. Для героев же Заславской любовь – это не только способ сохранить личность, но и цель космического движения. В стихотворении, как и в христианском учении, любовь побеждает смерть, проявляясь как космическая сила. В рассмотренной инверсии проявляется наследие христианской культуры: человек и его спасение является наивысшей ценностью, условием и целью космических процессов.

Таким образом, стихотворение современной русской поэтессы транслирует платоновский образ Леты – реки царства мёртвых, которая дарует забвение от тревог, что особенно актуально в пору смут и гражданских войн. Однако если для Платона забвение – шаг на пути осуществления всемирной справедливости, то у Заславской тема справедливости и забвения трансформируется в тему любви и памяти. Так стихотворение «Платоники. У берега Леты» транслирует и одновременно трансформирует платоновский топос в горизонте платоновской и христианской мысли.

Платоники. У берега Леты

Любить и помнить – это удел живых.
Мёртвые сраму не имут.
Смерть внезапна, будто удар под дых.
Сбивает с ног. Делает нас другими.

Помни меня, даже если придётся забыть.
Там, за чертой. Там, у самого края
Губы потрескались и пересох язык.
Но вот река. И вода у неё ледяная.

Иди, искупайся в этой реке.
Хлебни воды, как молока из кринки,

Почувствуй: тает на языке
Имя моё, как льдинка.

В речной песок оседают сны.
Всё поглощает река забвения,
Фантомный образ мой всё ж фонит
В районе солнечного сплетения.

Когда же остынет и этот след,
Ты выйдешь в мир, чтоб искать ответы:
Узнать, как любовь побеждает смерть!
А может, смерти и вовсе нету.

2020

Лестница эротического познания в стихотворении Елены Заславской

Стихотворение Елены Заславской «О попытках сердца с лестницы познания ступить на лестницу забвения» создано в Луганске в 2021 году. Это произведение насыщено платоновскими образами и категориями. В стихотворении использованы образы лестницы, подъёма, стрелы Эрота, а также термины имя, логос и докса. Рассмотрим роль этих платоновских идей в структуре поэтического текста.

Уже в названии произведения упоминается лестница познания – известный образ диалогов Платона, развитый в философскую концепцию платоническими школами античности. Разные ступени познания рассматриваются Платоном в диалогах «Теэтет» и «Пир».

В «Теэтете» собеседники ищут ответ на вопрос, что такое познание. Они рассматривают версии о познании как чувственном восприятии; как верном имени явления (логос); а также как верном имени с правильным объяснением (логос и докса). На последней ступени лестницы познания человек выходит за пределы рассудочной работы интеллекта и сливается с предметом познания в любовном экстазе. Именно на эту последнюю трансцендентную ступень выходит человек по лестнице познания, ведомый Эротом, демоном, соединяющим миры.

Все ступени эротической лестницы представлены в стихотворении Елены Заславской. В первом куплете подчеркнута телесность, чувственность впечатления: возлюбленный просыпается, ощущает нехватку кислорода, пытается поймать прикосновение ресниц любимой. Семантическим центром следующего куплета является имя (логос) – сияющее имя героини, мелькающее в тишине и самим своим появлением меняющее мир. Следующий шаг по лестнице познания, который делают герои, приводит к конкретизации их пространства, к воссозданию подробной летописи их встреч и расставаний в различных точках времени-пространства. Это уже не просто логос, это логос с доксой, имя с правильным объяснением. Героиня не только входит в мир любимого как имя, она преобразует каждую его точку, становится содержанием всей его жизни.

И наконец на последней ступени героиня появляется, минуя все преграды, без логических объяснений, отменяя правильные мнения, охватывая всё существо героя. В этой части возникает ещё один яркий платоновский образ, который правильней назвать героем Платона – это Эрот, любовь. Его стрела пронзает пространство и время, соединяет миры, любимая входит в сердце и в самую суть жизни. На этой ступени познания происходит полное слияние с предметом, соединяются гносеологический и эротический смысл познания, любовь правит миром.

Итак, в стихотворении Елены Заславской показана эротическая лестница познания, ведущая от чувственного восприятия через логос и доксу к трансцендентному. На вершине лестницы находится Эрот, сила, соединяющая миры, преобразующая жизнь, делающая возможным истинное познание вне логических категорий и объяснений. В таком качестве выступает Эрот и в творчестве Платона. Таким образом, в стихотворении современной луганской поэтессы использованы платоновские образы и платоновская терминология для выражения сокровенной идеи Платона о любви как преобразующей силе, позволяющей человеку во всем его существе соединиться с истиной.

О попытках сердца с лестницы познания ступить на лестницу забвения

Ты думаешь, что можно
просто так
взять вычеркнуть меня
из списка своих контактов?
Без риска вдруг
проснуться среди ночи
и ощутить нехватку
кислорода,
и скорчиться от боли и
тоски,
пытаясь уловить
прикосновение
моих ресниц
на заострённых скулах?

Ты думаешь, что можно
просто так
взять вычеркнуть меня
из своей жизни?
И будет течь она,
как было до меня?
Но лёгкой рябью
на волнах качаясь
моё сияющее имя
промелькнёт,
и встрепенёшься ты!
И тишину окликнешь!

Ты думаешь, что можно
просто так
одним лишь кликом
уничтожить переписку?
Все имена, что были мне
даны
в различных точках
времени-пространства?
Все доказательства, все
шрамы наших встреч?
Но только боль реальна,
не фантомна!
Хоть ты стараешься забыть,
а не сберечь
её источник.

Ты думаешь, что можно
просто так,
взять вычеркнуть меня
из снов бездонных?
Из снов, когда ... в поездке,
в забытьи,
лбом подпираешь ты
окно вагона,
Из снов других,
когда тебе «Поспи» –
другая шепчет
нежно и влюблённо?

Но ты закрыл глаза:
и я пришла!
Минуя все преграды,
и без спроса!
Мой поцелуй,
как лёгкая стрела
тебя пронзает!
Имя, логос, докса...
Стрела Эрота!
И дрожит аорта!

Так забывай меня!
Вычеркивай!
Стирай!
Я так устала приходить под
утро
в твоё холодное,
в твоё пустое сердце,
чтобы согреть его
живительным огнём,
чтоб ты познал
всю боль и радость жизни,
что нам дана
велением Любви.

2021

Проза

Расскажите любую жизнь, и вы расскажете мир.

Юлий Айхенвальд

Анжелла СЕДЫХ

г. Киренск, Иркутская обл.

Зав. отделом прозы журнала «Северо-Муйские огни».

Дюжие чемоданы

Рассказ

Есть вещи, о которых писать ответственно. Пожалуй, это тот случай. Получила задание от Владимира Георгиевича, редактора газеты, выбрала занятный экземпляр в музее. Чемоданы – каких поискать. Деревянные, фанерные, с выдвигаемыми и откидными крышками, лёгкие, ручной работы, дюжие. Пиши на здоровье. Села за работу – и не пошло. Мысли полетели. Это ведь чья-то судьба, родословная, не меньше. Кто-то их купил, носил, чинил, замочки на них вешал, сурьмил (условно), наконец, берёг, как зеницу. На всё причина была. А кто такой – не знаю?

Дмитрий Николаевич Тараканов, хранитель музейных ценностей, пару строчек написал. Мол, даритель – учитель начальных классов д. Воронина П. М. Попов. По большому счёту в историко-краеведческий музей ещё при Н. А. Анкудиновой был передано более трёхсот экспонатов домашней утвари, мебели, практически комната. Среди них сундуки, стол, перочистка, ручное точило, деревянные сани, берестяные туески, кровать, книги, которые «хранились хаотично в дедовских комодниках, в кладовой», документы, личные вещи. Машиной три рейса сделали по смерти владельца в 1997 году, когда их вывозили с усадьбы. На месте одноэтажного большого дома Поповых по ул. Калинина, бывший директор совхоза Макаров после купли-продажи поставил другой сруб. Внутренность же родового «петровского» гнезда, а значит, его большое, складное сердце ныне в музее. Это я сейчас могу подробностями сыпать, а днём ранее – голые две строчки и моя искренняя любовь к старине.

... Младшая дочь Анна родилась в д. Подъельниках (на свет помогла родиться бабка-повитуха). Главный проектировщик Иркутскгражданпроекта. В её портфолио генеральный план г. Киренска. По выходе на пенсию до 2016 года работала смотрителями музеев, и, судя по всему, мы с ней виделись в год олимпиады 2014-го в усадьбе Сукачёва. Поистине, неисповедимы пути Господни. Старшая дочь Валентина работала при Дворце пионеров в фотолаборатории, а позже в университете преподавателем географии на Южном Сахалине, ныне покойная. Благодаря им и появился деревенский кут в музее.

Мать – Полина Андреевна (в девичестве Пироговская, по отцовской линии имела польские корни), высокая, худощавая брюнетка с длинными косицами, отец – Пётр Михайлович, рождённый 29 января 1909 – высокий голубоглазый брюнет с характерным для того времени чубом. Рождённые до Октябрьского переворота, потому оба крещёные. Образованнейшие люди своего времени. Работали учителями начальной школы, более всего в школе д. Воронина (здание не сохранилось до наших дней, в одной из комнаток жила и работала сторожем, истопником баба Дуня). Школа была деревянной, одноэтажной. Рядом был разбит фруктовый сад, добротной обустроенная физкультурная площадка. Выходцы из школы могли быть спокойны – практические навыки они получали по полной. «Отец увлекался политикой, географией, имел потрясающую память, был талантливым, эрудированным, характер имел жёсткий, был требовательным, порой даже чрезмерно. Мы с сестрой не могли вспомнить того, чтобы родители нас обнимали. Тем более, никаких поцелуев. Издержки суровости времени». Революции, Сталинские репрессии, войны на веку.

Дом строили вместе дед и отец-подранок, светлый, в десять окон, без замысловатостей, деревенского типа, с капитальной стеной, с залом, прихожей и комнаткой для бабушки. Будучи в силе, она ткала на станке дорожки-половички, а теперь просто доживала свой век. Кабинетов не было. Стояло два рабочих стола для родителей, круглый – для гостей. По праздникам на нём появлялась белая вязаная скатерть работы жены (дочери чаще вышивали). Закадычным другом отца был однофамилец Попов и сосед через два дома, с ними они подолгу беседовали, играли в шахматы. Редкие минуты, если брались за инструмент. Мать аккомпанировала на гитаре, отец – на балалайке, две любимые тётушки – все пели красиво, голосисто что-то традиционное. «Соколовская гитара до сих пор в ушах звенит, – Анна Петровна довершает, – женская половина готовила рыбный пирог, картошка не переводилась. Самое любимое – мамина сдоба, студень, сальтисон».

Скоро Новый год. А как его встречала учительская семья? Мать сердчала: «Все празднуют, а у нас...». В секретный час отец подшивал детям валенки, другого времени у этого занятого человека не было. Сам в самокатках ходил, носил тужурку, а народ большей частью был в телогрейках, стёганках из чёрного сатина. Но при этом у воронинского жителя на устах было: «Идёт сельский

интеллигент». У него можно было учиться, подняться на более высокую ступень развития, благодаря его истинному трудолюбию и практической направленности. Он был константой для семьи, и это нормально для мужчины. Он сказал, он сделал и сохранил это верование до конца. Супруга, дети могли на него рассчитывать, а не так, что через пять лет передумал, что-то не понравилось – и всё, мужское качество при этом исчезает. То же самое происходит в дружбе, как высшем проявлении любви, в мировоззрении, в гражданских позициях. Можно сподвигать людей на что-то, менять их мнение, но важнее быть постоянной величиной, гореть, как свеча, ровно и спокойно. Пётр Михайлович был таким светильником.

В доме испокон веку от предков хранилось всё, ничего не выбрасывалось, потому что связано было воспоминаниями. Оригинальное (в данном случае, подлинное), по мнению Анны Петровны, – это очень старые предметы деревенского быта, которые собственно составляли уклад семьи. Вафельные доски, прадедовские и дедовские корчаги для мелкой рыбёшки (гольянов, ельцов), морды (перекрывали речку прутьями и в отверстие ставили эту морду для ловли хариусов), ткацкий бабушкин «станочек» (полюбовно, дословно), прялки. Всё домашнее, чужого нет и быть не могло. Среди прочего турсук (берестяное ведро) для хранения лука, чеснока, тельницы для провеивания брусники. Ходили в лес, привычно было, что отец готовил костёр, заваривал чай к обеду. На восемьдесят втором году жизни сподобился в лес, отяжелел, занемог, объявил об этом сам, как чувствовал, что последний раз пошёл. Трогает искренность и доверие. Понимали без слов. Иногда он замолкал, хоть в пору словоохотлив. Каких-то тем не касались губы. Держались Домостроя, по всему.

Что до чемоданов, принадлежали они Петру Михайловичу, и только два он выделил своим. Правда, Анной Петровной велено было называть их дорожными ящиками. Полине Андреевне достался тёмно-синий для белья вместо гардеробной. Крестьянская мебель выполнялась из местных недорогих пород дерева, на севере – из ели, сосны и лиственницы, и там не заводилась моль. Второй, голубоватого цвета, отец выделил сыну. В бордовом сам хранил документы. «Заглядывать в него и любопытствовать, даже в самом розовом детстве – табу. Ящики нужны были в годину мытарств, когда приходилось учительствовать по деревням пятнадцать лет кряду. Вместе с детьми то на шитике, то на баркасе сплавлялись по Лене, добирались до отдалённых школ». Перевозить в деревянном коробе удобно: не промокнет, не помнётся, сухо, надёжно, замок навешал – вот и сейф. Но, видимо, эти ящики имели не просто практическое значение. Анна Петровна рассказывает: «Помню большой голубой сундук, когда открывали ключом, возникал восхитительный звук». Словно посылка из прошлого следующая история. «Закадычный друг с астрономической обсерватории (Иркутск) на пятый этаж притащил огромный сундук, в нём хранились объективы. Ахнула! Но поместила-таки на балконе для строительных отходов, время от времени сижу на нём и смотрю на округу».

Обещанный поставец. Одно название чего стоит. Изначально был неподвижным. «Судные» полки скрепляли боковыми стенками, прикрытыми занавеской. А поскольку задержушка не защищала посуду от пыли, её заменили деревянными дверками на петлях: крестьянский шкаф стали называть «поставцом». У Поповых настоящий буфет. Фасад их обычно расписывали наивными букетами. Это то и подкупает. В простоте – величие. Семейный – с навершием в виде пузатых башенок (родственник бюро без малого), с филёнчатыми «окрылками», стеклянными «западнями». В нём могли и сервис поставить для Красного дня, иными словами, реликварий для дорогой посуды. На горбушке в пору держать горшки, черепки – полка для повседневности.

Нравственное начало с крестьянской эстетикой. Мощь, истинное величие духа. Расцветаю от такого общения и присутствия.

Елена ДУМРАУФ-ШРЕЙДЕР

г. Гезеке, Германия

Член правления германского литературного общества «Немцы из России». Лауреат и дипломант 18 Международных литературных конкурсов в России, Германии, Бельгии, Казахстане, Украине, Беларуси. Редактор и оформитель сборников стихов и рассказов на русском и немецком языках «Строки, навеянные осенью» и «Вдохновение осени». Лауреат ОО ННКА Омской области. Автор 12 книг прозы. Член редколлегии журнала «Северо-Муйские огни».

Снеговичок

Рассказ (из цикла «Родом из детства»)

Утро было добрым и светлым лишь потому, что ночью выпал снег! За балконным окном исчезла навивавшая депрессивную усталость повседневная изнуряющая серость и наконец-то засияли солнечные лучи. Эти зайчики отражались в неповторимом сиянии чего-то сверкающего и воздушного. Это незаметно, очень тихо ночью пришла зима! Заснеженные голубые ели опустили пышные лапы, застыв в величавой тишине. Увидев за балконом белоснежное покрывало, настроение подскочило и с губ сорвались строки песни «Ой снег-снежок, белая метелица!».

Утренние процедуры в ванной комнате и завтрак быстро были завершены, и я собралась выйти во двор. Меня манило то великолепие детских воспоминаний, чего сейчас в этих широтах почти не бывало. Это лилейное чудо осталось там, в далёком детстве, на зимних студёных сибирских просторах. Там, где снега выпадало за ночь столько, что нам – дошколятам – было по пояс. Но мы, счастливые, еле передвигая ноги, медленно тащились с лопатой к месту, где была запланирована большущая горка. Строить будущее веселье всего села выходили и родители. С огромной фанерной лопатой торжественно появлялся дед Михаил. Он-то и руководил, как и что надо правильно сделать. Иногда строительство длилось неделю: подвозили снег, утрамбовывали, заливали водой, ждали пока заледенеет, и так несколько раз, в несколько слоёв. Эта работа захватывала всех... Жаль, безвозвратно ушло то благодатное время.

Обойдя дом, на другой его стороне я хотела притронуться к девственной красоте, но увидела, что меня опередили мальчишки четырёх-пяти лет из соседнего подъезда. Их семья поздней осенью заселились в наш дом. Они, осторожно ступая, как первопроходцы, по нетронутой территории заднего двора, пробовали пушистую поверхность снежного покрова. Бережно брали руками снег, почему-то подышали на него, мяли и лишь потом слепили снежок. Осторожно положили на землю и начали катать. Снег был мягкий, легко прилипал, и маленький комочек быстро увеличивался.

Я стояла и с завистью смотрела, как осмелевшие мальчишки устанавливают один ком на другой, пытаюсь слепить снеговика. Мне так хотелось подойти и помочь, но, услышав, что дети говорят на турецком языке, не осмелилась нарушить их идиллию. Я могла их спугнуть от такого удивительного занятия. Ведь у них на родине, в Турции, они наверняка никогда не видели снега. Глубоко вдыхая свежий и немного морозный воздух, я пошла вдоль улицы. Тротуары ещё не тронуты, и я с удовольствием погружаю мои сапожки в мягкое прохладное лоно, напоминающее давние детские чувства прихода долго ожидаемого природного явления. Зима! Ах, какая ты красавица! Чистое, блестящее в солнечных лучах полотно стелется передо мною, и от яркого света наворачнулась слезинка. Дышу, дышу с великим удовольствием полной грудью! И чувствую, как прохладный воздух достигает самые дальние уголки моих лёгких. Хорошо! Как же редко теперь бывает так хорошо?!

Но это чувство обрывается. Вижу, как из соседнего двора вышел дедок с огромной лопатой и намеревается очистить от этой красоты всю улицу. Ухожу с тротуара на газон, наклоняюсь и собираю снег вокруг себя в небольшой ком. Потом ещё один и ещё – совсем маленький! Ставлю их один на другой, скрепляю вместе и делаю небольшие торчащие в стороны ручки. Вау, получился маленький снеговичок. Здорово! Радуюсь, как когда-то, что у меня есть мой собственный снеговичок! Осмотрела его, чего-то не хватает, и направилась домой. Две небольшие морковки для носа и губ, несколько чёрных оливье, маленькое ведёрочко из-под малосольной капусты, широкий пояс от устаревшего платья нашлись дома, и я отправилась «одевать» моего малыша. Когда я заканчивала, мальчишки стояли недалеко за моей спиной и что-то обсуждали на своём языке. Вдруг они сорвались с места и побежали в сторону своего подъезда. Вернулись они с детской игрушкой, метёлкой-веником с пластмассовой ручкой. Старший подошёл, протянул метёлочку и сказал «Bitte!», что означает «пожалуйста!» Мне это было так приятно, я заговорила с ними на немецком языке, но быстро поняла, что они не понимают меня. Но зато они знали, что у сибирского снеговика в руке метла! Не торчащие вместо рук ветки, а метла!

Поблагодарив их, я сделала на память несколько фотографий мальчишек со снеговиком, и они были очень довольны.

А за моим балконом вся площадка была истоптана детскими следами и стоял большой снеговик из двух снежных комков. Мальчишеских сил не хватило достроить. Я снова собрала полный набор одежды и украшений для большого снеговика и пошла на задний двор. Слепила третий ком, скрепила все, сделала руки и начала «одевать» снеговика. Как вдруг за моей спиной снова послышались торопливые шаги.

– Bitte!! – широко улыбались карие детские глазёнки, и маленький мальчик подал мне щётку на длинной деревянной ручке.

Я хотела узнать у них, не заругает ли их мама. Но как спросить, они же не понимают. И тут услышала зовущий голос мамы с балкона третьего этажа. Мы оглянулись. Мама помахала рукой, что-то прозвучало на родном языке, и радостные дети побежали домой.

Наталия ЯЧЕЙСТОВА

г. Москва

Член Союза писателей России. Окончила МГИМО и Курсы литературного мастерства при Литературном институте им. Горького. Автор книг художественной прозы и поэзии – «Туманган», «Голландские изразцы», «Рассказы за чашкой чая», «Пути земные и небесные» и др. Лауреат ряда международных литературных конкурсов. Награждена специальным призом издательства Сретенского монастыря по итогам конкурса духовной литературы (2022). Член литературного экспертного совета журнала «Северо-Муйские огни».

«Придёт весна – придёт любовь»

Рассказ (из цикла «Монгол шуудан»)

Из всех моих монгольских знакомых мне почему-то особенно часто вспоминается Луута, хотя знакомство наше было недолгим и состоялось довольно-таки давно, когда я руководила экономическим проектом сотрудничества стран Северо-Восточной Азии и мне доводилось ездить по всему региону. Луута работала с нами в области развития трансграничного туризма. Жила она в Улан-Баторе, работала в монгольском Министерстве транспорта и туризма. Красивая молодая женщина лет тридцати, статная и цветущая – про таких говорят «кровь с молоком». Луута была истинной патриоткой: любила свою страну и профессию, вкладывала всю душу в развитие монгольского туризма, способного раскрыть миру красоту её неповторимой родины. Однако в Монголии, как, возможно, и во многих других странах, власти уделяли туризму не слишком большое внимание. Правительства менялись часто, предпринимались какие-то реформы и реорганизации, но положение туристической отрасли оставалось стабильно плачевным, и финансирование осуществлялось по остаточному принципу. В результате красоты Монголии были мало кому известны за пределами страны: знакомились с ними в основном одиночки-энтузиасты, привычные к спартанскому образу жизни, разбитым дорогам и отсутствию курортной инфраструктуры. Но, может быть, именно это и влекло их сюда, в эти дикие края: немного осталось в мире столь потрясающе красивых, не отполированных под общие стандарты мест.

Луута, несмотря на сложности, постоянно переживаемые её ведомством, не теряла присутствия духа и была человеком энергичным, веселым и деятельным. У нас с ней быстро установились не только хорошие профессиональные, но и добрые, приятельские отношения. С её участием нам удалось включить ряд монгольских туристических объектов в наш региональный проект, приступить к освоению новых маршрутов.

Луута была плоть от плоти Монголии, зачаровывающей своей природной красотой – простой и в то же время неповторимой. Ей прежде всего хотелось помочь развитию экологического туризма – чтобы люди, измученные динамизмом современной жизни, могли прийти в этот цветущий край, проникнуться его покоем и безмятежностью, пожить среди чистых озёр и холмов, пологий рельеф которых будто сразу смягчает все проблемы, стирает углы противоречий, снимает напряжение. Здесь на огромных заповедных территориях обитают сотни видов зверей и птиц, наблюдая за которыми, невольно начинаешь чувствовать в себе перемены – так весело и радостно бьётся сердце в унисон с живой природой! А какое царство невиданных цветов простирается вокруг! Многие из них встречаются только в этих краях. Луута сыпала загадочными названиями: адонис монголика, бетула монголика, стипа монголорум... А какое буйство красок – от ковров на лугах до самых небес, будто расписанных в закатный час разноцветными акварелями!

Ещё одной мечтой Лууты были трансграничные этнографические маршруты. Будучи историком по образованию, она хорошо знала свой край и с интересом перелистывала страницы его прошлого. «Удивительно, – говорила Луута, – но раньше народы наших стран были более тесно связаны друг с другом. Вот, посмотрите – огромные камни с почти одинаковыми петроглифами встречаются и у нас, в Монголии, и на Алтае, и в Корее. Получается, что в прежние времена люди в наших краях перемещались гораздо активнее, и культурная интеграция была глубже. Природа и культура связывают людей, а войны разъединяют, но мы должны снова объединить нашу Северную Азию!»

Луута была не только генератором самых разных идей, но и добивалась благодаря своим блестящим организаторским способностям их быстрого воплощения. Как-то я спросила у Лууты, не думает ли она сменить работу, найти более достойное применение для своей неистощимой энергии – заняться, скажем, бизнесом. Но Луута лишь рассмеялась в ответ: «Нет, я так давно работаю в государственных структурах, что как бы они ни бедствовали и ни видоизменялись, я их уже не брошу. Моё место – здесь».

Сотрудничество с Луутой принесло в наш проект много нового и полезного, но главным образом Луута запомнилась мне тем, как приятно было общение с ней. Говорила она, кстати, по-русски совершенно свободно, что не так уж часто, увы, сегодня встретишь среди монгольской молодёжи. При всей своей деловитости она была очень мягкой, доброй и приветливой, радушной на встречи и рассказы о своей стране. Помню, как ужасаясь невероятно холодному монгольскому климату, я спрашивала: «Луута, как же вы здесь живёте?! Зима – такая невероятно холодная и долгая – считай, восемь месяцев! Как можно к этому привыкнуть?». «Да это не страшно, – улыбалась Луута, – Переживаем». А иностранцы часто удивляются, глядя на монгольских женщин: как это у них при таком жутком климате сохраняется хорошая кожа? Надо сказать, монголки и впрямь очень красивы: лица у них гладкие, кожа – нежная, бело-розовая, с ярким, здоровым румянцем, глаза – тёмные, выразительные, волосы – длинные и густые. «Зима у нас долгая, – говорила Луута, – но мы

не мёрзнем: одежда соответствующая, в домах тепло. Зато когда после долгой зимы появляются постепенно первые признаки долгожданной весны, то как поёт и трепещет сердце! Замечаешь малейшие приметы – вот почки появились, вот птичка пропела! Наверное, так прочувствовать эти перемены можно только после сурового ледникового периода. На исходе зимы непременно думаешь: «Придёт весна – придёт любовь. Непременно произойдёт чудо!»

Луута была не замужем. Но глядя на неё и слушая её рассказы, не возникало ни малейших сомнений в том, что главная встреча в её жизни ещё впереди. На неё заглядывались многие мужчины, в том числе иностранцы, но она их будто не замечала: шла спокойно мимо, ожидая, когда дрогнет и раскроется после долгой зимы её сердце.

Луута рассказывала мне иногда про свою маму и тётю, которых она очень любила и частенько навещала. Все они, особенны представительницы старшего поколения, были большими друзьями России и поклонницами советского искусства. «Ни один Новый год не обходится у нас дома без оливье и просмотра «Иронии судьбы», – смеясь, рассказывала Луута. – Но это не только в нашей семье – повсеместно. На работе у нас обязательно справляют и российский Новый год, и наш, местный, по лунному календарю. И Восьмое марта обязательно отмечают; женщины загодя уже начинают прихорашиваться, причёски делают, а на сам праздник все такие красивые приходят!»

Слушая её, я невольно вспоминала советское время, и создавалось впечатление, будто Монголия живёт сегодня в нашей давно минувшей, по-своему наивной и милой действительности.

Как-то, собираясь в очередной раз по делам в Монголию, я позвонила Лууте на работу, но там мне вдруг ответили, что Министерство туризма в очередной раз реорганизовано, и такая сотрудница здесь не работает. На все мои вопросы относительно дальнейшей судьбы Лууты желанного ответа получить не удалось: никто ничего про неё не знал и не слышал. Я ужасно расстроилась: других контактных данных Лууты у меня не оказалось. И как могло случиться, что в реорганизованном министерстве не знали человека, проработавшего там много лет? И что, какая несправедливость должна была произойти, чтобы Луута оставила свою любимую работу?!

Ещё довольно долгое время я предпринимала попытки разыскать Лууту, но всё безрезультатно: она будто ушла в неведомое. Но я думаю, что наша встреча ещё состоится. В стране, где после пятидесятиградусных морозов всё-таки каждый раз наступает весна, нет ничего невозможного!

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Фомина Дарья Александровна. Родилась 1 ноября 1986 года в городе Ногинск Московской области. Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Финалист и дипломант фестиваля-конкурса «Берега дружбы» (2020, 2021), конкурса поэзии «На крыльях грифона» (2020). Вошла в лонг-лист премии Болдинская осень 2021 в номинации «Критика». Публиковалась в журналах «Волшебная скрижалё» и «Звёздочка наша», а также в поэтических сборниках. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

На даче

Рассказ

В то время, когда деревья оделись в листочки мятного цвета, а люди, расслабленные длинными выходными, жарили шашлыки в весеннем парке, Маша неожиданно покинула город и скрылась от чужих глаз на посыпанной песком улице, на чердаке старого домика с облупившейся зелёной краской.

В саду жили, зазеленели три старые яблони – Белый налив, Богатырь и Антоновка. Сливочно-белыми лепестками расцвёл абрикос. Под яблонями зацвели сиреневые и белые крокусы, приготовились распуститься тюльпаны. Между деревянных оконных рам проснулась и шевелит тонкими лапками большая муха. Она расправляет слюдяные прозрачные крылья, и, жужжа, как маленький вертолёт, её чёрное тельце легко взмывает в воздух, кружится по комнате.

Утром Маша проснулась, услышав «ку-ка-ре-ку» с конца улицы и лай соседской немецкой овчарки Лады. Маша раздвинула плотные шторы и, зажмурившись от яркого, бьющего в глаза солнечного света, ощущая прохладу сонной улицы, пьёт горячий шоколад, завтракает яйцом всмятку с кусочком ржаного хлеба, смотрит на далёкую линию хвойного леса. Как будто кто-то провёл синезелёной кистью по белой бумаге неба.

Позавтракав, Маша не спеша поднялась на чердак. Потолок – образующий треугольник. Нитка, на которой бабушка сушила грибы. Стены, обитые гипсокартоном, дощатый пол, покрашенный краской елового цвета, небольшое окно с антимоскитной сеткой. Посреди комнаты – круглый коврик из старых разноцветных футболок, связанный бабушкой десять лет назад.

На расстеленных с осени старых газетах – мышиного цвета пыль, почерневшие остатки сушёных грибов, чабреца, укропа и иван-чая. Аромат на чердаке – грибной вперемешку с пряным.

Из-под дивана выглядывает бок чёрного дедушкиного чемодана с металлическим замком. В нём старые, за 1980-е годы, номера журнала «Наука и жизнь». В отрочестве Маша любила сидеть на чердаке и перелистывать их пожелтевшие страницы, когда по треугольной крыше-шляпе дачного

домика уютно, успокаивающе барабанил своё соло тёплый дождь. В коробке из-под пылесоса хранились книги: Стендаль, Дюма, Гофман, Бальзак, Флобер, Мопассан, Пушкин с Тургеневым и многие другие. Этими книгами Маша зачитывалась в старших классах. Да и теперь так приятно, нагулявшись в поле или в лесу, поработав в саду, лежать на поскрипывающем диване, читать «Шагреневую кожу» Бальзака, «Пышку» Мопассана, «Записки охотника» Тургенева или сказки Гофмана.

На кресле с деревянными подлокотниками сложенные простыни и одеяло, а там, у окна, картонная коробка со старинными ёлочными игрушками, оставшимися в наследство от бабушки – пластмассовые огурец и редиска, космонавты, одинаковые, как близнецы, а ещё картонные снежинки и пенопластовые зайчата, деревянные белые лебеди, Дед Мороз и Снегурочка из папье-маше. Маше нравилось извлекать из коробки всё это богатство и вспоминать детство.

Главное украшение чердака – часы с кукушкой, с длинными металлическими цепочками и тяжёлыми гириями-шишками. Они давно не ходили, но их хранили как память о бабушкиной сестре, которая их подарила. Маша помнила, как в детстве деревянное окошко открывалось, из него вылетала небольшая птичка и куковала.

На раскладном диване сидят любимцы детства – кукла Лиза и коричневый плюшевый медведь. У Лизы глаза цвета незрелого яблока, они закрываются, когда кукла спит. У неё косички цвета мокрого песка и нарядное розовое платье, правда, потускневшее. Лизу подарили Маше бабушка с дедушкой на пятый день рождения. Кукла лежала в огромной коробке, перевязанной праздничной лентой. Маша захлопала в ладошки и кинулась целовать бабушку и дедушку, когда увидела красавицу куклу, ростом с неё саму.

А плюшевый мишка достался Маше от мамы. Мама была так аккуратна, что медведь попал в Машины руки почти как новый. И всё детство Маша играла с ним в дочки-матери, одевала мишку в синюю куртку и кроссовки младшей сестры, катала на трехколёсном велосипеде «Малыш» по дачной улице.

А вот в углу алюминиевый таз, в котором родители купали Машу. Она хорошо помнит: ей два года, она сидит в тазу. На поверхности воды прыгают заборные утята – ярко-жёлтые, с красными клювами. Пахнет клубникой, которая прыгает вместе с утятами в том же тазу. Хаотичный прыгающий танец клубники и утят создает сама Маша: хлопает по воде ладошками, подпрыгивает на попе и смеется. Маша слышит жужжание шмеля возле маминой любимой розы. Мама ласково поглаживает Машу по головке и тоненько смеётся над тем, как дочь пытается ухватить губами уплывающую ягоду. В её серых глазах столько любви, что хватит для того, чтобы спасти весь мир. Вдруг Машин нос улавливает знакомый аромат – так пахнет папин любимый одеколон Тройной. Тут же чьи-то сильные руки хватают Машу, и она взлетает в небо! Летит высоко – и приземляется в эти же тёплые крепкие руки. И снова взлетает, и знает точно, что не упадет – папа хорошо умеет ловить.

А вот среди прочих вещей Маша видит свои детские коньки – белые, фигурные, на тонких лезвиях, теперь уже заржавевших и совсем не блестящих. А тогда... Маша опять переносится в воспоминания. Стук-стук, стук-стук – стучат коньки по прозрачному льду. Стук-стук – стучит в Машиной голове в такт движениям. Папа часто приводит Машу с младшей сестрой Катей на крытый каток. Папа – бывший спортсмен. Поэтому, когда хоккеисты, сложив клюшки и шайбу в углу, уходят на перерыв, папин друг дядя Миша пускает девочек на лёд. Сегодня папа привёл только Машу – Катя кашляет, её не пустила мама. Папа с дядей Мишей куда-то ушли, и теперь Маша одна на расчерченном для игры в хоккей льду. Маша до сих пор помнит тот запах свежести – так пахнет только что разрезанный арбуз. Мартовский лёд слегка подтаял, и на поверхности сантиметр воды. Маша маленькая, лёгкая, быстро катится на фигурных коньках по кругу, длинная коса летит за нею вслед – Маша специально её выпустила, для красоты. Коньки ловко разрезают пространство, и Маше кажется, что она летит со скоростью света. Смотреть вниз страшно – на мокром льду отражается дощатый потолок. В середине сгнили и отвалились доски, и Маша на огромной скорости летит прямо в зазеркалье – в зияющую пропасть. Сейчас провалюсь и останусь там навсегда, боится Маша. Но вдруг улавливает знакомый аромат Тройного одеколona – и на льду появляется спаситель – папа. Маша влетает, как шайба в ворота, в его распростёртые объятия, и смеётся.

Вечером, сидя на крыльце, Маша думает о тех людях, которые любили её и которых больше нет в живых. Бабушка и дедушка умерли десять лет назад, немного не дожив до восьмидесяти. Родители, ещё совсем не старые, погибли в аварии два года назад. Здесь, на даче, где все сделано папиными трудолюбивыми руками, где каждая вещь напоминает о нём, она, как в детстве, чувствует себя маленькой девочкой, под папиной защитой. Маша смотрит небо, усеянное звёздами, как грибами – такое бывает только за городом, и, слушая лай соседской овчарки, переносится мысленно в прошлое, разговаривает с папой, спрашивает его совета. И в воздухе, смешанном с дорожной пылью и туманом, внезапно появляется – нет, ей не показалось – аромат Тройного одеколona.

К даче подъехала и моргнула фарами машина. Хлопок, твёрдые шаги, и из-за забора донёсся до боли знакомый свист.

Димка, любимый... Позавчера Маша хлопнула дверью и уехала, не сказав ни слова, отключила мобильный. Но Дима её нашёл. Он знал, где искать. И он сейчас здесь, рядом с ней, и только для неё на чёрном бархате ночи, как светлячок, мерцает огонёк его сигареты.

Маша медленно открыла дверь и хотела что-то сказать, но Дима крепко обнял её и закрыл ей рот поцелуем.

Ирина СОЛЯНАЯ

г. Калач, Воронежская обл.

Соляная Ирина Владимировна. Лауреат международной премии «Антоновка сорок плюс» в номинации «Проза» (2019), фестиваля «Капитан Грей» (2020), литературного форума «Осиянное слово» (2021), XXII фестиваля «Славянские традиции» (2021), победитель конкурса «Стилисты добра» (2021). Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Сибирские огни», «Вторник», «Молоко», «Нижний Новгород», «Эдита», «Горизонт», «Формаслов» и др.

Автор книги рассказов и повестей «Недолюбленные» – 2021 г. (шорт-лист международной литературной премии им Ю. К. Олеси).

Подснежник Трофима

Сказка

Моё сердце предчувствовало скорую беду: зря из посёлка изгнали старуху Юмдолгор. Конечно, в наш просвещённый век никто уже и не боится ведьм, но это в Санкт-Петербурге. А в таёжной глуши такого насмотришься, что и в злых духов, и в шаманов, и в колдунов поверишь. Кто-то сказал, что из-за Юмдолгор и зачах шаман, что сила его в Нижний Мир ушла, что опоила его старая, обманула. Ну, и зачем тогда такой хранитель посёлка, если любая косматая старуха его ногтем скovyрнёт? Может, из Юмдолгор вышла шаманка не хуже прежнего?

Но староста Олзо-ахай показал на неё пальцем, и разгневанные мужчины разломали остов её юрты, раскидали шкуры и прогнали старуху в тайгу. Долго ветер выл её смехом, а женщины плакали и приговаривали: «Будет мстить нам ведьма».

В ночь разбушевалась буря, сломала старую лиственницу и повалила на колодец. Два дня не могли напиться воды, пока не распилили и не растащили ствол с ветками. Заглянули – а на поверхности воды мусор и листья, дохлые птицы и скорлупа из разрушенных гнёзд. Олзо-ахай распорядился новый колодец рыть. Без шамана, без милости богов землю ковыряли неохотно, ворчали.

Тогда я подошёл к старосте: «Уважаемый, ещё не поздно позвать старуху обратно». Олзо-ахай вытащил трубку из гнилого рта и ответил: «Ты, конечно, Трофим-ахай, царский человек, но в дела наши не лезь. Мы в твои – не лезем».

Я посмотрел в его раскосые глаза и только зубами скрипнул. «Ну, старый ты упрямец, доиграешься», – подумал я тогда и не ошибся.

На третий день собаки жалобно заскулили и поползли на брюхе к ручью, по берегу которого росли целебные травы. Ни одна не выбралась из посёлка. Бешено катались они по земле, поднимали в агонии сор и пыль, затем вытягивались в струну и замирали. Всё собаки издохли к вечеру.

К концу недели случилась новая беда. Вернулся с луга очумелый пастух и не мог вымолвить ни слова. Напоили его травяным отваром, дали отлежаться, и старик признался, что появилась невесть откуда стая крупных чёрных волков, окружила стадо и увела в чащу. Старожилы не помнили в округе чёрных волков, потому люди не поверили пастуху и двинулись на поиски. Трое суток бродили по тайге, но ни коров, ни волков, ни Юмдолгор не нашли. Потом Олзо-ахай сказал: «Она забрала всё, теперь успокоится». Каждый понял, о ком сказал староста. Мужья жён успокаивали, матери – детей. И, правда, на какое-то время наступило затишье.

Люди в посёлке были незлопамятные и думали, что в их юрты нет ходу ведьминской злобе, что Юмдолгор насытилась. Посмеивались надо мной: «Ты, царёв человек, настоящей беды не видел! А мы многое пережили».

Буряты были добрыми и простыми, трудолюбивыми и спокойными. Я жил с ними третий месяц, вёл перепись, исправлял карты, заполнял сводки, описывал местность, зарисовывал растительный и животный мир. Меня от Баргузинской комиссии откомандировали, а местные юрту построили. Приняли настороженно, но привыкли ко мне быстро. Я даже женой успел обзавестись. Сирота, юный подснежник, Минжурма.

Через две недели после изгнания ведьмы Минжурма стала чахнуть на глазах. Лицо побледнело, руки повисли прозрачными бессильными стебельками. Глаза потемнели и ввалились. Я заметался по округе, но разуверился в знахарках из соседних селений. Съездил в Баргузин, потратил пять дней, а лекарств не добыл и врача не привёз. Захватил сколько смог в единственной аптеке пилюль и порошков наугад и как чумной вернулся в поселение. Минжурму дома не застал.

Соседка Очигма сказала: «Твоя к ручью пошла. Юмдолгор по воде звать. Велела тебе тут ждать». Я кинулся следом, но соседка схватила за рукав. Покраснела от стыда и говорит: «Нельзя мне чужого мужа трогать. Просто мне жалко тебя, пропадёшь вместе с Минжурмой. Езжай в каменный город, откуда пришёл. Это наша беда, а не твоя».

Как не моя? Мне пятьдесят лет, женат никогда не был, кое-как училище на картографа закончил и промотался лет двадцать по дальним краям. Своего угла не имел никогда. Каждый раз новые люди, всякий раз другая изба. Буряты, сартулы, хонгодоры меня уважали и боялись. Называли учёным человеком, мне это льстило. Я ладил с ними, и копейку свою добывал нетрудно. Что бы я в столице делал? Без денег и связей, безотцовщина-байстрюк... Третий месяц как я под Баргузином обосновался, и юрта своя есть, и жена-красавица... Куда мне возвращаться? Что ты согласишь в моём горе, глупая Очигма?

Я досадливо высвободил рукав пиджака и поспешил к ручью. Обшарил все кусты, обошёл все тропки, нашёл Минжурму у белого камня. Её руки были ещё тёплыми, но на шее жилка уже не билась, а под ресницами тускнела чёрная мгла. Только косы змеились по траве как живые.

Я пришёл поздно.

На коленях я застыл у бледного лица жены. Сколько стоял так – не вспомню. Ничего не оставалось, как оплакивать Минжурму. «Ах, мой нежный подснежник, почему ты увяла? Сколько я не

дышал на твои лепестки, а вдохнуть в них жизнь не удалось. Что мне отдать за то, чтобы ты снова цвела? Вода ручья пусть напоит тебя, солнечные лучи ласково обогреют, ветер освежит. Только лежит подснежник, склонила голову к земле, и нельзя тронуть цветок рукой, осыплется лишь прах». Не знаю, откуда пришли эти слова старой бурятской песни о первой любви. Птицы умолкли, слушая мои рыдания, и серые сумерки укрыли меня.

Из оцепенения меня вызволил чей-то настойчивый шёпот: «Наклонись к ручью, попроси воду, о чём хочешь». Я огляделся, но никого не заметил. Только кедровые ветки нависли надо мной и моей мёртвой женой. Наверное, я выглядел безумно, но некому было остановить меня, и потому я прокричал что было силы: «Юмдолгор, приди!». Зашумели кроны, несколько веточек с листьями отломилось и упало в воду, их понесло течением прочь. Никто не отозвался из неприветливого леса. Усмехнулся я: «Ах, остолоп-остолоп! Разве есть такие силы, чтобы мёртвых к живым возвращать!». И в ответ мне прозвучал ледяной голос.

– Ты звал меня, учёный человек, я пришла.

Юмдолгор опиралась на палку, которая нужна была ей лишь для того, чтобы рыться в поисках ядовитых корешков, да собак отгонять. Стоило ей перестать притворяться и выпрямить спину, все заметили бы: не такая уж старая и слабая. Но теперь не только её глаза горели ненавистью, а губы кривились, но и мои.

– Верни мне Минжурму.

Ведьма покачала головой.

– Проси чего хочешь. Юрту новую поставлю, червонцев насыплю, буду охранять от жителей, как черный волк.

Наконец Юмдолгор кивнула и достала из кармана дэгэл деревянный гребень и рысью варежку. Протянула мне со словами:

– Расчёсывай траву, вытирай мокрые камни досуха. Потом выбрось в ручей и гребень, и варежку.

Я смотрел на неё и думал: «Если я сохраню рассудок, это будет чудом. А пока... Если нужно разбудить от смертного сна Минжурму, то я любому человеку горло перегрызу и его кровью умоюсь. А косы из травы плести – это дело нехитрое».

Юмдолгор ничего не попросила за свой обряд, ушла так же тихо, как и появилась. Я радовался тому, что не было у меня свидетелей, что скоро забудется мой страх, который заставил меня при свете жёлтой луны расчёсывать речную траву и вытирать огромный белый камень. Я не хотел вспоминать, как с каждым моим движением моя мёртвая жена тяжело вдыхала речной воздух.

– Ты всё сам сделал. Меня не благодари, – сказала Юмдолгор на прощанье.

Под утро с Минжурмой мы вернулись домой. Она брела без сил, низко наклонив голову. Её руки были всё ещё холодны, а под ресницами густела непроглядная мгла. Никто не видел, как я поднял полог юрты и впустил жену.

Я жарко обнимал тело Минжурмы в промокнутом от росы платье, пока оно не высохло, а моя милая не раздумялась. Наутро она сожгла старый наряд и достала из сундука другой, праздничный.

– Каждый день должен быть лучше предыдущего.

Она приготовила мне любимую кашу и испекла шанежки, только сама не съела ни куска.

– Нельзя, чтобы муж смотрел, как я ем. Это некрасиво!

И я согласился.

Минжурма теперь сидела дома, ласково глядя на мои чертежи и карты. Она перестала ходить сплетничать к соседкам, вечерами не пряла с ними и не сматывала в клубки мягкую овечью шерсть.

– Зачем мне подружки? Безмозглые куропатки нашему счастью завидуют.

И правда, мою жену теперь сторонилась. Всегда приветливая Очигма и другие женщины шушукались за нашими спинами. Но стоило Минжурме окинуть их огненным взглядом, умолкали и разбегались по юртам. Удивлялся я тому, как изменились всегда приветливые буряты. Надо было радоваться, что беды кончились, но лица соседей были мрачнее прежнего.

События той ночи у реки выветрились из моей головы, как смрад болотной воды относится прочь налетевшим ветром. Только один раз меня царапнула шальная мысль о том, что счастье моё непрочно, когда через неделю в поселение приехал мой начальник Васильев.

– Что-то ты, Трофим, в конторе не появляешься, уж не захворал ли? Бледное лицо какое-то... – спешился он и попытался привязать коня к столбу.

Минжурма вышла навстречу и поклонилась гостю.

– Ах, какая у тебя жена красавица! – воскликнул гость.

Конь вздыбился и захрапел. Он потянул за собой Васильева, державшего поводья, тот чуть не перекувырнулся через голову. Это показалось мне забавным, но я сдержал усмешку и поспешил на помощь. Васильев сетовал, что дали ему необъезженного. Еле-еле мы привязали беспокойного чертяку. Я видел, что обед Минжурмы Васильеву не понравился, но тот деликатно промолчал. Бурятские блюда не все любят, что и говорить. Васильев проверил мои карты и заметки, головой покивал и забрал отчёт. Наказал мне явиться в Баргузин будущей пятницей, потому что решено закрывать исследование, и вся экспедиция переедет вверх по хребту в сторону Курумкана. Там компания геологов прибывает из Санкт-Петербурга, надо встретить, скоординировать общие действия. Подмигнул Минжурме и ускакал на коне, который дважды чуть не выбросил его из седла.

После отъезда Васильева я места себе не находил, и жена заметила моё беспокойство. Она обвила нежными ручками мою шею и зашептала на ухо: «Нам никакие беды не страшны, когда мы вместе. Никуда ехать не придётся. Всё изменится». Её горячие поцелуи заглушили во мне все сомнения. Это был уже не весенний робкий подснежник, а огненная лилия-саранка. Её тело стало

податливым, и его наполняла невероятная страсть. От Минжурмы исходили волны жара и неги, в которые я нырял. Наша страсть с каждым днём была сильнее, и в редкие часы, когда мы отрывались друг от друга и между нами воцарялась благодарная тишина, я говорил себе: «Как можно сомневаться в нашей любви, способной преодолеть смерть?»

Но срок отъезда неумолимо приближался. Ранним утром пятницы я засобирился, набрал колодезной воды и сунул в подсумок вяленой козлятины. Чувствовал, что за день не управлюсь, а Минжурме наказал приготовить для переезда только самое необходимое, чтобы к моему возвращению она была готова. Жена бесцельно перебирала вещи в сундуках, переставляла полки, скатывала новенькие шерстяные одеяла и снова раскатывала их.

– Цветочек мой, не плачь, вернись скоро. Бусы привезу новые. Из прозрачного хрусталя.

Но жена мотала головой, и слезинки разлетались по сторонам. Она уклонилась от моих объятий и ушла к колодцу.

С тяжёлым сердцем я поспешил к старосте, но тот высокомерно посмотрел в мою сторону и покачал головой.

– Коня не дам.

– Ты в уме не повредился ли, Олзо-ахай? Я царский чиновник и грамоту показывал тебе. Ты должен мне оказывать всяческое содействие, – от волнения я говорил сбивчиво.

– Ты теперь не царский человек. Ты – поганый волк Юмдолгор. Не ищи у нас помощи. Посмотри на своё лицо, ведьма выпила из тебя всю кровь, – старик развернулся, чтобы зайти в свою юрту, но я его окликнул.

– Олзо-ахай! Я уеду скоро, насовсем. С женой. Мне надо в Баргузин нынче. Экспедицию переводят. Дай коня, – пошатнулся я, у меня и впрямь кружилась голова от быстрой ходьбы.

Старик повернулся и посмотрел из-под седых бровей, сросшихся на носу.

– Тебе не уехать отсюда, и ты это знаешь. Коня загубить не дам.

В бешенстве я побежал к дому через густой кедровник, чтобы найти пистолет и пригрозить упрямому Олзо-ахаю. Мне уже порядком надоели средневековые предрассудки этих плоскомордых и ускоглазых туземцев. Когда я без сил ввалился в юрту, Минжурма ждала меня, лежа на ковре. Соблазнительные изгибы бёдер манили меня, её чёрные глаза горели любовной лихорадкой. Витой шнурок на воротничке платья развязался, Минжурма играла кистями. Я осыпал её горячие руки поцелуями.

В Баргузин я не поехал ни в тот день, ни на следующий. Я с трудом мог поднять голову от подушки. Сквозь дрему я слышал пение Минжурмы, бархатный голос баюкал меня: «Я твой нежный подснежник. Подыши на мои лепестки, наполни моё тело жизнью. Что ты отдашь мне, чтобы я снова цвела? Не ручей напоит меня, не солнышко обогреет и не ветер освежит. Только ты будешь держать меня в ладонях. Целую вечность».

Я проваливался в счастливый сон. Для чего мне эти карты, перепись, прииски, контора?

В понедельник я с трудом разлепил веки. В сумерках собиралась гроза, беспокойные лиственницы шумели над юртами. Я позвал жену, но глухой голос провалился в ватную тишину. Я выбрался из юрты на четвереньках и без сил остановился. Послышался безутешный детский плач. С трудом я добрался до соседней и отогнул толстую шкуру на входе. Что я увидел? Вместо огня – горстка золы и пепла, а Очигма в лучшем своём уборе лежала на ковре, прямая и жёлтая, как сухой ствол сосны. Плакала маленькая дочь, склонила голову сестра, муж Очигмы вытирал слёзы с морщинистых щёк. Олзо-ахай сидел рядом, сжимая ставший бесполезным шаманский бубен. Завидев меня, взрослые замахали руками и закричали на своём варварском языке, а дочка уткнулась носом в грудь отца. Я ретировался. Свежий воздух придал мне бодрости для крика: «Олзо-ахай! Не тяни время. Я знаю средство от твоей беды».

Из юрты Очигмы никто не вышел. А из деревьев показалась хрупкая фигурка Минжурмы. Она несла вязанку хвороста, и я удивился проворности движений. Моя жена не казалась слабой и беспомощной ни когда тащила сучковатые ветки, ни когда складывала погребальный костёр.

– Минжурма, – позвал я, но она с приветливой улыбкой вернулась в лес за новой охапкой. Жена носила ветки до полудня, и к тому времени я узнал, что в дальней юрте умерла Сэсерлиг, а слева от нас такая же участь постигла и Чимитцу. Все они были молодёжь и полны здоровьем, но именно их мужья разрушили когда-то юрту Юмдолгор.

Рвота подкатила к горлу, и я исторг из себя плесневую жидкость. Минжурма ловко подбежала ко мне и усадила на камень.

– Вижу, что ты не помощник мне теперь, – проворковала она, – но кто-то же должен заниматься делом, когда у других всё валится из рук. Не захотели шаманку по воде звать, теперь она сама придёт по верхушкам кедров. Выберет любую юрту, заберёт ковры и мониста, наденет лучшие платья. Будет ходить от семьи к семье.

Всю ночь полыхали погребальные костры. По лицам мужчин текли слёзы. Олзо-ахай с ружьём искал Минжурму по всей округе, словно она в чём-то была виновата. Я смеялся над ним, потому что знал: Минжурма сильная и за себя постоять сможет, да и Юмдолгор в обиду её не даст.

К утру староста не вернулся, и к вечеру. И через день тоже. Как мог Олзо-ахай в тайге заблудиться, если он с младенчества знал её, как узоры на платье матери?

В среду за мной приехал конный отряд из Баргузина. Васильев мечтал нацепить наручники на меня, предателя государственных интересов, но застал меня полуживым в остывшей юрте.

Конный отряд бродил между брошенными туземными жилищами. Те, кого не сожгли в погребальных кострах, бросили всё и ушли в тайгу. Я один лежал в лихорадке и ждал, когда вернётся

Минжурма, заварит мне целебного чая и поцелует горячими устами. Она вдохнёт в меня тепло, как когда-то это сделал я. Но отчего-то моя жена не приходила.

Я просил Васильева оставить меня, но оказался поперёк седла со связанными руками и кляпом во рту. Так меня отвезли в Баргузин и определили в жёлтый дом. Я вернулся в селение только через год и не нашёл никаких следов поселения. Лишь у ручья по-прежнему лежал крупный белый камень, и вокруг него густо росла расчёсанная трава.

Жаль, что никто не знает, где живёт ведьма Юмдолгор. Я звал её по воде, но только шелест кедровых веток был мне ответом. Где ты, старая ведьма? Передай моей Минжурме, что я жду её. Жду мой нежный подснежник.

Нина ГАВРИКОВА

г. Сокол, Вологодская обл.

Нина Павловна Гаврикова – поэт, прозаик, детский автор. Выпускница Высших Курсов литературного мастерства под руководством А. В. Воронцова. Член Академии российской литературы, творческого объединения детских авторов России. Участница литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России и городского лито «Сокол». Руководитель международного детского литературного клуба «Озарёнок». Редактор литературного журнала «Союз писателей» (Новокузнецк). Автор 4 книг стихов и прозы. Лауреат I степени международной премии «Филантроп» в номинации «Поэзия» (Москва, 2020) и всероссийского творческого конкурса «Зоя – жизнь» в номинации «Проза» (Москва, 2021). Бронзовая медаль X международного конкурса «Искусство. Совершенство. Признание» осеннего сезона «Art Excellence Awards» (в номинации «Литература», Москва, 2020). Дипломант III степени премии «КНИГА.РУ: новые литературные имена» (Барнаул, 2020) и I международного литературного фестиваля-конкурса «ЛитКузница-2021» в номинации «Проза» (Самара, 2021).

Ленивцы

Рассказ (из цикла «Неугомонные птицы» 6+)

Люди издревле находились в единении с природой: замечали изменения, предсказывали погоду, будущий урожай. Птицы и звери жили в ладу с человеком. В наших северных краях к ним особое отношение. Птицы могли не только ласкать пением слух, но и быть преданными друзьями.

Полине нравилось наблюдать за деревенскими ласточками. Её мама не была противником птиц, но выбор ласточек не одобрила: они лепили гнездо под навесом крыльца – сухая трава, комочки глины падали на голову входящему в дом. Мама Полины раз за разом сбивала гнездо, а те отстраивали заново. В конце концов она уступила, решив, что ласточки – добрые предвестницы! Попросила отца прибить под гнездом доску, чтобы мусор оставался на ней.

Ласточки вывели потомство и ревностно охраняли свои владения. На соседей – не реагировали, но если на крыльцо поднимались пьяные мужчины, то с оглушительным криком начинали носиться вдоль окон.

На зимовку пернатые жильцы улетали на юг. Весной стая рассаживалась на электрических проводах – мы вернулись! Одна из пар занимала готовый домик, остальные отправлялись под своды клуба.

Обычно за сезон пара ласточек успевала вырастить два выводка. В середине лета птенцы первого – подросли, стали зрячими, пух превратился в перья. Однажды малыши целый день надрывно пищали, широко разевали жадные рты. А родители сидели на проводах и делали вид, что не слышат.

«Надо помочь! – подумала Полина. – Ласточки так устали, что больше не могут кормить ластушёнков».

Она нашла палку, взяла молоток отца, гвоздь и старую консервную крышку. Попробовала прибить крышку к палке. Да промахнулась! Молоток больно ударил по пальцу! Сморщив нос, Полина прижала палец к губам.

Птенцы пуще прежнего подняли крик!

– Сейчас! – Полина положила крышку на порог, приступила ногой. Крепко сжала в руке гвоздь. Бах! Железное остриё пробило жестянку! Она приставила острый кончик к палке. Удар! Ещё удар! Шляпка гвоздя загнулась в сторону. Подёргала жестянку – плотно прибита! Улыбнулась: «Экая «переносная столовая» получилась!»

Сбегала в огород, наловила комаров, сложила их на крышку. Подошла к гнезду, подняла «столовую»:

– Бедняжки... голодные... ешьте-ешьте...

Птенцы увидели, как в них тычут палкой – испугались! Опережая друг друга, с жалобным писком вылезли из гнезда и, отчаянно затрепыхав крылышками, полетели к родителям! Отец с матерью будто этого и ждали – весело защибетали!

Все вместе поднялись под облака.

Мама Полины возвращалась с работы. У дома её атаковали ласточки, громко трескуче щибетали, почти касались крыльями головы и плеч.

А на крыльце с палкой в руке застыла Полина:

– Я хотела покормить птенцов! Ласточки ни одной козявки им не принесли.

– Ну и ленивцы! – улыбнулась мама Полины. – Птенцы не хотели вылетать из гнезда, а родители, перестав кормить, выманивали их.

Людмила БРАГИНА

г. Белгород

Брагина Людмила Петровна. Родилась в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Создатель и бессменный руководитель (с 1997 г) молодёжной литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Стихи и проза публиковались в коллективных сборниках «Серебряный браслет», «Грани самоцветов» и других, а также в журналах «Дрон», «Звонница», «Наш современник», «Нижний Новгород», «Парус», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и Авангард», «День и Ночь», «Истоки», «Литкультпривет!» и др. Автор книг стихов «Чистый звук» (1993), «Дождь снов» (1995), «Белый налив» (1997), сборника песен «Защити меня, любовь» (композитор А. Балбеков, 2001), «Найди меня, ветер!» (2004). Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России, Союза писателей России.

Кот Пандоры

Рассказ

Первым её домашним питомцем был пещерный кот, добытый своими руками. Он стал родоначальником одной курицы, семьи волнистых попугаев, четырёх собак и питомника шиншилл. Но это в будущем.

Как такое может случиться, тогда не знал никто: ни белый пушистый и совершенно дикий кот, которого увидела в этот судьбоносный майский день Лида, ни её мама и бабушка, поспособствовавшие началу этой длинной цепочки познания мира и себя.

Город располагался в низине между двух рек, где ему было уже тесно, поэтому он интенсивно строился и расширялся. Большой котлостроительный завод, где работала Лидина мама, выделил ей квартиру в новеньком белокирпичном доме, на возвышенности, которую называли Солнечная гора.

Отданные под застройку колхозные поля, засевавшиеся прежде кукурузой и подсолнечником, теперь заросли чертополохом и осотом. Первую пятиэтажку нового микрорайона возвели посреди высоченных бурьянов, бушевавших от ветра как море-океан при шторме, и новосёлы чувствовали себя робинзонами на необитаемом острове.

Все существа вокруг, замеченные пытливым Лидиным взглядом, были свободны и ещё не приручены человеком, полны первозданной силы, ловкости и красоты. По полю носились длинными зигзагами зайцы-русаки, а в небольшой зелёной роще сновали ежи и скакали по веткам ярко-рыжие белки с орехами в зубах.

Новая квартира казалась Лиде необычайно просторной и полной укромных мест. Оставаясь дома одна, она счастливо разгуливала из кухни через коридор в комнату и на балкон, а затем обратно, примеряя на себя перед зеркалом в прихожей роль маленькой хозяйки. В душе у Лиды царил праздник. Все струнки внутри возбуждённо дрожали и пели.

Осматривая новые предметы обихода и мебель, Лида находила их превосходными, уютными и многофункциональными. За столом в комнате можно есть, читать книжки, рисовать, собирать конструктор и играть. На диване – спать, сидеть, читать, грызть семечки, вышивать и играть в карты, пупсиков или в пуговички (это когда подбрасываешь и ловишь одну, а в промежутке хватаешь с дивана вторую).

Для игр, кстати, подходили все предметы обстановки. Если составить несколько стульев, а их было целых три, и накрыть покрывалом, можно залезть внутрь и представить, что это шалаш, палатка или домик.

А в большом полированном и блестящем шифоньере можно отправиться, как на автобусе, в путешествие. В одно из таких путешествий, стоило только бабушке внезапно вернуться домой, автобус потерпел аварию. И за вывалившиеся, измятые простыни и полотенца Лида была наругана и выгнана гулять с не очень педагогическим напутствием: «На улице, хоть на голове ходи, а я только вчера порядок здесь навела!».

Выйти погулять в то время было всё равно что остановить поезд в чистом поле, посадить пассажира и предложить ему чудесно провести вечер. Ни спортивных, ни детских площадок не было и в помине, двора, как такового, пока тоже. Кучи земли и строительного мусора вокруг дома заужили бульдозером, а тротуары планировались только после завершения строительства всего нового района. Но, учитывая сроки возведения кирпичных «брежневок», контингент «созидателей» и другие факторы, надежды на скорое благоустройство территории было мало.

Рядом, за невысоким забором, на стройке начался обеденный перерыв. Наверху в оконном проёме показался прораб и зычно крикнул: «Баста!». Затем он спустился по лестнице, бросил на бетонную плиту белую каску и брезентовые рукавицы, сплюнул пыль и затянулся «Беломором». Бригаде, в основном состоящей из «химиков», не требовалось особого приглашения. Мужики уже суетились возле расстеленной на досках газете, разливая по мутным стаканам вино. На закуску была крупно порезанная варёная колбаса, намазанная томатной пастой. Загорелый парень, с синеватой татуировкой на плече, приглашающе махнул прорабу рукой: «Давай к нам, Семёныч, на шашлычок!».

Боязливо поглядывая в сторону стройки и не обнаружив возле подъезда никаких гуляющих детей, видимо все они вели себя хорошо, Лида решила обойти свой дом вокруг. Она осторожно брела по щёбенке и битому кирпичу, стараясь не наступать на комья глины и куски необработанной арматуры. И тут Лиду ожидало чудо: в тёмном проёме низенького подвального окошка сидел ослепительно-белый пушистый кот. Его огромные глазищи светились молодой зеленью, а чёрные зрачки то расширялись, то сужались.

Лида замерла на месте: если бы там появился инопланетянин, это было бы скучно и буднично и не произвело бы такого впечатления.

Она молниеносно поняла, что именно этот кот станет её другом, она будет о нём заботиться, и все будут счастливы.

Не в силах отвести взгляда от этой красоты, она сделала шаг в сторону окошка. Кот пристально посмотрел на неё и бесшумно отступил в темноту. Лида сорвала травинку, присела и пошуршала стебельком, надеясь привлечь и заинтересовать будущего друга.

– Кис-кис-кис...

Белая любопытная мордочка показалась и тут же спряталась.

– Трусика, иди ко мне, не бойся, я тебя не обижу...

Теперь в окошке промелькнул пушистый хвост, и через миг яркое радостное видение снова сменилось пустым чёрным квадратом.

Без толку прождав с полчаса, Лида решила действовать. Между вторым и третьим подъездами под скошенной шиферной крышей находилась крепкая дверь из тёмного дерева, которая вела в подвал. И она была открыта. Придерживаясь за стену ладошкой, Лида спустилась вниз по бетонным ступенькам. В подвале сразу пахнуло запахом цементной пыли и свежеструганной древесины.

У самого входа под низким потолком тускло горела лампочка, а дальше коридор разделялся на два прохода, в один из которых свернула Лида и попала в подвал второго подъезда. Справа было множество деревянных дверей с номерками, как на квартирах, а слева тянулись толстые трубы, обмотанные серебристым утеплителем. На одной из труб был установлен большой красный вентиль, похожий на руль. Лиде очень хотелось его покрутить, но тут она уловила лёгкий сквознячок.

От трубы отделился белый комочек, мягко спрыгнув на пол. Кот помчался вдоль кладовок и исчез за поворотом. Не раздумывая, Лида азартно бросилась за ним. Казалось, что кот летел. В длинных прыжках вперёд, его гибкое тело то растягивалось, то упруго сжималось. Он сильно отталкивался задними лапами от пола и неслышно нёсся дальше.

Лида бежала по стелящейся за ним позёмке из пыли. Её подстёгивали внезапно проснувшийся охотничий инстинкт и желание во что бы то ни стало заполучить этого необыкновенного зверя.

Других мыслей и эмоций не было: ни сомнений, ни усталости. Не было даже страха перед неизвестным полутёмным подвалом, встречей с недобрыми людьми, или опасения, что могли прийти слесари и закрыть дверь на ключ. Историю про Тома Сойера и Бекки, заблудившихся в пещере, Лида пока ещё не читала. Позже она станет одной из самых любимых её книжек, а сейчас ею двигали чистая воля и несокрушимая вера в свои силы.

Когда она станет взрослой, она будет вспоминать это состояние в тяжёлые минуты упадка духа и учиться у маленькой и всемогущей самой себя.

Они бегали по всему подвалу словно связанные невидимым крепким тросиком, и, кажется, даже сам процесс стал приносить удовольствие обоим. Но вот белое пятно заметалось в конце тупика. Запыхавшаяся Лида перешла на шаг. В паре метров от беглеца она остановилась и присела на корточки, даже не допуская мысли, что животное прошыгнёт мимо неё и снова убежит.

Они смотрели друг на друга как набегавшие, наигравшиеся в салки друзья-сорванцы, и больше всего Лиде хотелось вместе пойти домой.

– Котик, пойдём ко мне жить...

Он медленно прищурил глаза и несколько раз моргнул.

– Ты улыбаешься? Значит, да? – обрадовалась Лида и тоже прищурилась и несколько раз медленно моргнула.

«А ты не будешь меня будить и пугать пылесосом?» – кот развернул уши по сторонам «самолётиком». Снова сверкнули два кошачьих глаза, как два зелёных зеркальца.

Лида услышала внутри этот вопрос, и сразу поняла, хотя он не прозвучал.

– Что ты! Я сама поспать люблю, а пылесоса у нас вообще нет.

«А тискать и таскать за хвост?» – зрачки сузились в две тоненькие вертикальные щёлочки, а уши кота отвелись назад, плотно прижавшись к голове, как будто ему в мордочку дул сильный ветер.

– Никогда. Я буду гладить тебя, только когда ты захочешь.

«А забывать обо мне и бросать меня, как надоевшую игрушку?»

– Котик, я дам тебе имя, мы будем всегда вместе. Завтра я схожу в школу на последний звонок, а потом начнутся каникулы. Днём мы будем играть в мячик. А по вечерам я буду рассказывать тебе интересные истории, а ты мне мурчать свои...

На пару секунд кот закрыл глаза. Потом по всему его гибкому телу прошла волна, он выгнул мостиком спину и ошетинился, отчего стал казаться вполнину больше: «А ты не принесёшь домой другого кота?»

– Откуда ты всё это знаешь? Мне не нужен никакой другой кот, ты самый лучший, – твёрдо сказала Лида и осторожно протянула руку.

Кот неожиданно оказался очень тяжёлым и мускулистым. Сначала его тело было напряжённым и твёрдым. Но когда Лида взяла его поудобнее, одной рукой поддерживая под задние лапки, а второй за плечики, и бережно прижала к груди, кот обмяк и тихонечко замурчал. И пока она его несла, всё время представляла, что это её маленький братик.

Недалеко от подъезда курила бригада строителей. Они ждали автобус, который забирал их после смены. Подобревший прораб Семёныч толковал про планы и нормативы каменщикам поневоле, но заметив девочку с котом, переключился на них и одобрительно поднял большой палец вверх.

– Ишь ты, какой кот у тебя знатный: брови как у Брежнева, усы, как у Сталина.

Работяги обернулись и засмеялись.

Лиде стало приятно, что все видят, какой замечательный у неё кот, и она, гордо подняв голову, прошествовала в подъезд.

– Фффух, хорошо, что мы на втором этаже живём, – выдохнула девочка, сдула упавшую на глаза взмокшую чёлку и постучала носком туфельки в дверь. Немного подождав, заколотила сильнее.

– Иду, – раздался за дверью настороженный бабушкин голос. – Кто там?

– Это я! Открывай, бабушка!

– А что, звонок не работает, в честь какого праздника ты барабанишь? – распахнув дверь, начала она и остановилась. – А это что такое у тебя?

– Это котик. И он теперь будет жить с нами.

Лида с нескрываемой радостью и облегчением поставила своего нового друга на пол в прихожей, и кот немедленно направился в сторону кухни.

– Где ты его взяла? Зачем он нам нужен? И где ты весь день пропадала, я десять раз на балкон выходила тебя звать!

– Даже Баба-Яга Иванушку в баньке попарила, накормила, напоила, спать уложила! А ты же моя родная и любимая бабулечка! Не ругайся!

– Вот я тебя сейчас тоже попарю, веничком, хитруля, – бабушка усмехнулась, – зубы мне не заговаривай. Я же волновалась.

– Бабушка, я целый день его ловила, мы такие голодные...

– И грязные, как трубочисты, иди мой руки, а потом уже про еду поговорим.

Бабушка отправилась на кухню разогревать ужин, по пути кышнув вертевшегося под ногами кота. Она поставила на стол перед внучкой тарелку с гречневой кашей и котлетой, а для кота нашла маленькое блюдечко и капнула туда немножко сметаны.

Лида решительно разделила свою порцию и отгрузила половину своему пушистому другу.

– Вот скоро мама с работы вернётся, скажет тебе, где он будет жить, – усевшись напротив на табуретку, многозначительно кивнула бабушка, – а скорее всего, это чей-то кот, а ты его украла.

– Ничего не украла, я его нашла. Ему там плохо жилось, я знаю.

Кот с аппетитом ел и, чутко поводя ушами, внимательно следил за беседой.

– А вот уже и пришла, – в прихожей щёлкнул замок и послышались лёгкие мамины шаги.

Мама заглянула на кухню и устало улыбнулась.

– Ну как вы тут? Ужинаете?

– Да вот кормлю тут, нового жильца, – с чувством произнесла бабушка, показав рукой на кота, и многозначительно замолчала.

– А откуда у нас кот появился?

– Принесла откуда-то наша Лидуся. Целый день где-то бегала и только недавно вдвоём заявились. Садись, Тоня, с нами кушать. И послушаем, что она расскажет.

– Мамочка, посмотри, какой он чудесный, какие у него умные глаза!

Словно в подтверждение этих слов, таинственный кот поднял голову, отошёл от блюдечка, сел поодаль, укрыв пыльным хвостом передние лапки, и застыл, как статуэтка.

Мама поразилась.

– Ты посмотри на него, неужели что-то понимает?

– Конечно, понимает, – с жаром подхватила Лида. – И не только понимает, но и сам умеет разговаривать, только по-своему, по кошечьи.

– По-кошачьи, – поправила мама. – Тебе его кто-то дал?

– Да в подвале она его поймала! Может быть, ещё и с лишаём этот чудесный котик! – не выдержала здравомыслящая бабушка.

– Нет у него никакого лишая, – насупилась Лида.

– Да ты вообще не знаешь, что это такое, молчи уже, горе луковое. Доедайте да и идите отдыхать, а я посуду помою! – рассердилась бабушка.

Лида с мамой поблагодарили за ужин и пошли в комнату, а кот остался с бабушкой на кухне. Сначала он облизал длинным розовым язычком-ленточкой усы, потом лапки и умыл мордочку. Бабушка поглядывала на него и вздыхала: «Не было у бабы хлопот, так купила поросё». Потом, протерев вымытые тарелки насухо вафельным полотенцем, громко крикнула:

– А вы чего это без кота пошли? Забирайте, нечего мне его оставлять!

Кот, как по команде, вскочил и выбежал из кухни. А в это время Лида включила телевизор. На экране важный бородатый профессор обстоятельно и со знанием дела рассказывал о Египте: «Египтяне почитали кошек с незапамятных времён. Кошка в Египте и сейчас является животным, которого уважают и относят к категории посланных богами существ».

Лида в восторге захолопала в ладоши и закричала, что было мочи:

– Ба!!! Иди к нам скорее! Тут про кошек рассказывают!

Котик замер на пороге, пронзительно мяукнул, прижался животом к полу и белой стрелой ринулся под кровать. Раздался ужасающий грохот бьющегося стекла, тяжёлый стук банок с заготовками на зиму, скрежет когтей по паркету.

– Ты куда полез, нечистая сила?! – грозно закричала бабушка.

– Ой, мои закрутки! Огурчики! Помидорчики! – запричитала мама и выскочила из комнаты. Вернулась она вооружённая шваброй, легла на пол и начала изгонять кота, как самого настоящего злого духа.

– Вон отсюда! – заклинала она, тыкая деревянной ручкой в темноту.

В ответ послышалось возмущённое фырканье.

– Марш оттуда!

Фырканье перешло в громкое шипение и разъяренное рычание.

Лида плюхнулась на живот рядом.

– Мамочка, так нельзя! Мы и так своими криками его напугали. Пожалуйста, убери швабру. Я сама его оттуда достану.

– Надо его выкурить оттуда, – с озабоченным видом бабушка полезла в шифоньер. – Где-то тут у меня пучочек шалфея был...

– Вы мне тут ещё пожара наделайте! Не надо, пусть уже сидит. К утру вылезет. У меня уже никаких сил нет.

Мама поднялась, отряхнула халатик и, расстроенная, села на диван.

Телевизионный многоопытный египтолог всё ещё продолжал расписывать сладкие плюсы кошачьей жизни, делиться ценной информацией: «В России этим животным тоже уделяется много внимания. В этом нет ничего удивительного – пушистики не только ловят мышей, но и благоприятно влияют на нервную систему».

Лида чувствовала угрызения совести за негостеприимство их семьи. Она залезла под кровать, чтобы получше разглядеть животное.

– Котик, миленький, это случайно так получилось. Мы же не на тебя кричали. Не бойся, иди ко мне. Я никому не дам тебя в обиду.

«Дух тьмы» забился в самый дальний угол и теперь сидел тихо-тихо. Его присутствие выдавали снопы зелёных светящихся искр, которые метали его глаза.

Добравшись ползком до кота, Лида сняла с его усиков паутину и погладила по голове.

Бабушка достала свою ежевечернюю коробочку с катушками, напёрстками, ножницами, взяла из отложенной стопки белья наволочку и попросила Лиду вдеть нитку в иголку.

– Охо-хо, живём, как ошарашки, каждый вечер дранти штопаю. Очки старые, уже и в них не попаду в ушко, да и свет слабый. По-хорошему бы вкрутить в люстру все пять лампочек, то-то было бы светло, как днём. А при одной больше по пальцам тычешь...

– Бабушка, так давай все вкрутим, что ж ты мучаешься?

– Ага, вкрутим, с нашими доходами... Электричество так нагорит, что не расплатимся, приставы придут, всё имущество опишут и квартиру отберут, а тебя в детдом определяют.

– Что значит, в детдом? У меня мама есть!

– И слава Богу, что есть! С моей пенсией мне и рубля тратить в день государство не разрешает. Если б не дети, как прожить на семнадцать рублей? Да и вам же одеться, обуться надо, тебе в школу деньги то на одно, то на другое... За квартиру заплати, за электроэнергию заплати, а у вас вон, телевизор не выключается, как будто там что-то путное показывают.

Бабушка говорила серьёзно, и от этого Лиде стало страшно и грустно.

– Да мы только новости и смотрим, – попыталась успокоить бабушку мама. – Сейчас программу «Время» поглядим и выключим.

Бабушка нахмурилась, но промолчала.

На синем фоне экрана появился белый часовой циферблат. Секундная стрелка проделала семь маленьких шажков и послышалась знакомая музыка. Вращающаяся и светящаяся огнями спутниковая антенна доставила в каждый дом приветственные слова дикторов: «Добрый вечер, товарищи».

После информации об официальных приёмах главы государства, настал черёд международных новостей. Сюжет был посвящён африканским странам, освободившимся от колониального гнёта – Анголе и Мозамбику, которые избрали в качестве ориентира построение социалистического общества. На экране прошла картинка, где чернокожий раб со вздувшимися на шее и руках венами, разрывает оковы. Голос за кадром воодушевлённо рассказывал о происходящих изменениях: «История борьбы ангольского народа за свободу подтвердила идейное и моральное превосходство пролетарского интернационализма. Советский Союз, революционная Куба, другие социалистические страны по-братски помогают молодым народным республикам в мирном строительстве».

– А говоря по-простому, везут они на Кубу пшеницу, а с Кубы везут обезьян... Тоня, а сколько у нас гречки осталось? – вдруг спросила бабушка.

– Да пару килограммов, наверно, – удивилась мама. – А что?

– А мукички? – продолжила свою неожиданную ревизию бабушка.

– Тоже столько же.

– Ну как-то протянем, на оладушки хватит да, может, пару раз на сырники.

– Да должно хватить, в пятницу уже получка, не волнуйтесь.

– Я б не волновалась, да теперь же нас прибавилось. Мышей у нас нет, а кот вон какой здоровый...

«В Африку отправились советские культурные и торговые миссии, а в Советский Союз – темнокожие студенты. Там, где была выжженная империалистическими агрессорами земля, вырастут

новые современные города, цветущие сады, будут открываться кинотеатры и библиотеки. Помогая Анголе, мы помогаем себе, мы строим новую Африку, новый мир».

В подтверждение слов комментатора, операторская камера дала крупным планом толпу смеющихся длинноногих темнокожих девушек в коротких белоснежных платьях, с блестящими серёжками в ушах и серебряными браслетами на запястьях.

Бабушка ещё больше помрачнела и снова обратилась с вопросом к маме.

– А сколько ж лет ты своё ситцевое платьишко носишь, уже светится на плечах и локтях... И ей, – она кивнула в сторону Лиды, – ничего такого не купишь, в магазинах одни мешки висят с дыркой для головы...

«Первый Первомай в бывшем «африканском алмазе Португалии», а ныне независимой Анголе... – на экране появились радостно марширующие под звуки «Интернационала» колонны: дети, машущие флажками, стройные женщины в ярких сарафанах, мужчины с портретами канонического триумvirата Маркс-Энгельс-Ленин... – Постепенно, но уверенно возрождается жизнь в Луанде...»

Крепкие, модно одетые ангольцы щётками подметают улицы, а под раскидистыми пальмами секаторами стригут траву.

– Вот не с одних фиников они такие! – продолжала комментировать бабушка. – Небось, и мясо туда гоним вагонами. А тут и рыбы не на что купить.

Лида крепче обняла своего друга и подбадривающе шепнула в розовое пушистое ухо: «Не слушай, найдём. Я поделюсь!» А вслух сказала громко, стараясь быть убедительной и подражая дикторской интонации:

– Бабушка, у нас такая богатая страна, мы всему миру помогаем. И kota прокормим!

Было решено оставить нового жильца на ночь в коридоре и постелить в туалете газетку для его надобностей. Засыпая, Лида перелистывала этот день будто увлекательную книгу заново. Ей было приятно снова переживать самые яркие впечатления. А потом она представила, как вместе с котом они будут делать уроки. Он свернётся пушистым клубочком рядышком на стуле и будет мурлыкать, а она будет делиться с ним секретами, сделает ему игрушку из пёрышек...

Где-то вдалеке пронзительно затрубили в горн, а потом прозвенел бодрый и звонкий детский голос: «Здравствуйте, ребята! Слушайте пионерскую зорьку!».

Это бабушка на всю включила на кухне радио, уже без двадцати восемь, и пора вставать в школу, хотя очень хочется повернуться на другой бочок, уткнуться головой в подушку и хоть минуточку ещё поспать...

И тут Лида вспомнила про кота. Остатки дрёмы мгновенно улетучились, и она вскочила с кровати. Майское утреннее солнце играло с хрусталём в серванте, и солнечные зайчики распрыгались по всей комнате. Бабушка стояла возле плиты и жарила на сковородке яичницу с колбасой, а кот сидел рядом, задрал мордочку вверх и принохиваясь.

– Доброе утро! Ой, как же хорошо! – потягиваясь, радостно воскликнула Лида и погладила своего котика по выгнувшейся спинке. Побежала умылась и села завтракать, откусывая кусочки колбасы и протягивая коту, который переместился от бабушки к ней.

– Ешь сама, я ему уже давала, а то он лопнет, – пыталась пресекать внучкины вольности бабушка, не одобряя здоровый аппетит нового подопечного.

Под бабушкино ворчание, информацию о достижениях в науке и технике, успехах советских школьников Лида уплела всё до крошки, тем более что к чаю были её любимые печенюшки с маслом, которые коту тоже понравились.

– Бабушка, завяжи мне сегодня белые бантики, нам сказали, что сегодня в школе праздник последнего звонка! – попросила Лида, надевая коричневое школьное платье, белый кружевной фартук, белые гольфы и белые туфельки.

– А ты, котик, жди меня, я приду и расскажу тебе, всё что будет интересного!

Лида аккуратно надела ранец, чтобы не помять лямками воланы на выглаженном фартуке, в котором она была похожа на весёлую бабочку-капустницу, и вприпрыжку побежала в школу.

Ещё издали она услышала громкую музыку, которая доносилась со школьного двора.

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею,
Как они быстро летят!
Их не воротишь назад.

Перед школой на линейку собрались все классы. Лиде помахали рукой одноклассницы, она тоже помахала в ответ, подбежала и встала в ряд. Все были такие же нарядные. Учительница в новом платье, с праздничной высокой причёской, розовая от волнения.

Рядом волновались и гомонили будущие первоклашки с многоцветными букетами. В прошлом году, а кажется, совсем недавно, и Лида с мамой тоже стояли здесь, и она была такой же растерянной, и даже испуганной, что почти ничего не запомнила. Зато сейчас она с удовольствием следила за всем происходящим.

Когда закончились песни, к микрофону подошли два старшеклассника – юноша и девушка, а за ними директор школы и пожилой седой дядечка в военном кителе. Вся грудь у него была в медалях. Они блестили на солнце и, наверное, тихонько позвякивали. Лида пожалела, что стояла далеко и ей не было этого слышно.

Держа в руках красные папки, ведущие открыли линейку какими-то праздничными стихами, а затем передали слово ветерану. Он откашлялся, выпрямил спину, по-генеральски оглядел построившихся в каре, будто принимая парад или готовя их к бою. «Здравия желаю, товарищи ученики! Равняйся! Смирно!» – скомандовал он вдруг. Все засуетились, подтянулись и замерли. Потом он рассказывал, как таким же семнадцатилетним мальчишкой ушёл на фронт и воевал с фашистами. Самое трудное было то, что никто не знал, когда эта страшная и тяжёлая война закончится. Но они выстояли и победили. Потом ветеран пожелал всем крепости духа, хорошо учиться, а выпускникам так же любить, беречь и защищать нашу советскую Родину, как это самоотверженно и бескорыстно делало его поколение.

Когда он закончил, все захлопали. Со всех сторон к нему побежали дети с цветами. Ветеран улыбался и благодарил.

Потом слово взяла директор. Она повернулась лицом прямо к их классу и поздравила с первыми летними каникулами. А потом обратилась к десятиклассникам:

– Этот последний звонок провожает вас во взрослую жизнь. Удачи на экзаменах и выборе трудовой биографии! Вы – молодые строители коммунизма, и перед вами открыты все пути!

Подготовишки подбежали к выпускникам и подарили им свои цветы. Высокий и сильный десятиклассник в костюме с галстуком поднял самую маленькую девочку на плечо, и она, крепко держа в руке большой колокольчик, старательно трезвонила изо всех сил. Вместе они совершили круг почёта по периметру школьного двора. Девочки-старшеклассницы, выросшие из коротких платиц, вытирали платочками слёзы.

Лида не понимала их слёз. Она уже в мыслях бежала домой к бабушке и коту. «Как же его назвать, – думала она, – он не какой-нибудь Мурзик-Барсик, Снежок-Пушок, нет! Может быть, там, где он жил раньше, его как-то и называли, но теперь у него будет новое имя и новая жизнь».

Когда она уже открывала ключом дверь в квартиру, её озарила замечательная мысль. Как же она раньше не додумалась? Это ведь так правильно и просто!

– Бабушка, я пришла! А котика мы назовём Май! Правда, здорово?

Из кухни появилась бабушка, вытирая мокрые руки о ситцевый кухонный фартук.

– А котик не дождался и убежал.

– Куда? Как это убежал??

Лида почувствовала, как будто на неё стеклянный колпак надели, под которым совсем нет воздуха.

– Я выходила за хлебом, открыла дверь, а он и прошмыгнул.

– Чего ему прошмыгивать?! Это ты, наверное, его нарочно выпустила?!

– Да что ж мне его за хвост ловить? Захотел, вот и убежал. Не переживай ты так, у него ещё и лишай на ухе был...

– Так его же лечить надо! Он же пропадёт один!

– Не пропадёт. Все кошки травками лечатся. Они знают, какую нужно съесть, а в какой поваляться. Хватит уже про этого кота толковать. Пойдём кушать.

– Не буду я кушать, пока он там голодный, несчастный, больной бегаёт. Я пойду его искать.

Лида бросила ранец на тумбочку, снова надела на шею шнурочек с ключом и хлопнула дверью.

Первым делом она побежала к подвалу. Входная дверь теперь была закрыта на винтовой замок. Лида обошла весь дом и заглянула в каждое маленькое окошко. Присев на корточки, она звала и вслушивалась в каждый шорох. Долго вглядывалась в темноту – не мелькнёт ли, хоть краешком, белый пушистый хвостик, не сверкнут ли изумрудным светом его прекрасные глаза!

Но кота нигде не было. Лида вздохнула и смело направилась к стройке. Прошла в открытые ворота и поискала взглядом, к кому тут можно обратиться. Наверху работал кран. Его большая железная рука перетаскивала поддоны с кирпичами на растущие этажи.

Вдруг, откуда ни возьмись, перед ней появился высокий усатый мужчина в синем комбинезоне и жёлтой каске. Вскоре ещё несколько человек вышло из вагончика и подошло к ним.

Лида обрадовалась, что можно поспрашивать о котике побольше людей.

– Девочка, ты чего тут делаешь? Сюда нельзя заходить! Читать умеешь? Видишь, что написано, – он показал пальцем на желтую табличку с большими красными буквами: «ВНИМАНИЕ! ОПАСНАЯ ЗОНА. ВЕДУТСЯ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ».

– А как же вы тут работаете и не боитесь?

Работяги обступили её, улыбаясь и с любопытством разглядывая, как какую-то мелкую забавную зверушку.

– У меня, видишь, каска есть.

– В труде рождаются герои, – гоготнул другой, низенький с голым торсом, в брезентовых штанах с огрубевшими здоровыми руками, похожими на клешни краба.

– Так, что вы тут филоните? Что за собрание? – сурово врезался в толпу прораб Семёныч. – Чей это ребёнок?

Мужики обрадовались новому поводу подурить и позубоскалить. Они начали толкать друг друга, высказывать предположения о том, на кого больше похожа Лида.

– А вы здесь начальником работаете? – перешла к делу Лида.

– Самым главным, – добродушно улыбнулся Семёныч, – рассказывай, зачем пришла.

– Котик у меня потерялся. Я уже везде его искала! Может быть, вы видели? Беленький, с большими зелёными глазками. Вы вчера говорили, что брови у него, как у Брежнева...

– Тю-тю котик! Обменяли хулигана на Луиса Корвалана! – заржал рядом блеклый и тощий, как магазинная селёдка, тип с золотым зубом.

Семёныч двинул его локтем в бок.

– Ты, давай, кончай, при ребёнке не выражайся!

– А я и не собирался! Кыс-кыс-кыс!!! – дурным голосом заорал он.

– Ты где живёшь, девочка?

Лида показала на свой дом.

– В первом подъезде на втором этаже.

– Помню я твоего котана. Замётано. Иди домой, а мы если увидим его здесь, изловим и принесём.

Лида кивнула, повернулась и побрела домой. Горло сдавливало и жгло, но она не могла плакать. Пришла, разделась, легла под одеяло и отвернулась к стенке. Бабушка пыталась её расспросить, но Лида крепко зажмурила глаза и притворилась спящей.

На следующее утро идти в школу было не нужно, и, когда раздался сигнал «Пионерской зорьки», Лида не стала вскакивать. «Дудите, хоть лопните», – думала она сердито. В комнату заглянула бабушка и бравурно пропела «Вставай, поднимайся, рабочий народ! Иди на врага, люд голодный!». Раньше Лиду смешило, когда бабушка будила её «Марсельезой», а сегодня она молча встала и поплелась в ванную. За завтраком вяло поковыряла ложкой овсянку и отодвинула тарелку в сторону.

– Ты не заболела? – забеспокоилась бабушка. – Что-то ты ничего не ешь?

– Не хочется. Бабуль, а что такое корвалан?

– Не корвалан, а корвалол, – поправила бабушка. – Это лекарство такое успокоительное для нервов. А что?

– Мне бы сейчас корвалолу принять. А то совсем нервы расстроились...

– Веника по попе тебе надо! – рассердилась бабушка. – Вот тебе 25 копеек, иди купи хлеба и булочку! И не обгрызай по дороге, а то, если не дай Бог, кто придёт, подумают, что мыши у нас!

Ещё с весны Лида ждала летних каникул. Она мечтала вдоволь накататься на велосипеде, порисовать новыми красками, играть в мяч с подружками, ходить в бассейн.

А получились так, что целыми днями она сидела дома и не могла ничем заняться. Слонялась по квартире без цели, останавливалась возле окна и, прижавшись лбом к стеклу, долго смотрела вдаль, не отмечая ничего, без всяких мыслей. Если давали какое-то поручение, делала механически, как заводная кукла, не вникая и забывая сразу же. Пыталась читать, но не могла сосредоточиться. Спать тоже не получалось. Иногда бабушка выпроваживала её на улицу «подышать воздухом». Лида послушно выходила, дышала, обходила дом вокруг, поглядывая на подвальные окошки, возвращалась и снова маялась, и томилась.

Она догадывалась, чувствовала, что бабушка была с мамой в сговоре. И утром они специально открыли пошире дверь, и безымянный майский котик убежал подальше от цивилизации, в некомфортные, но привычные ему пампасы и прерии.

Они открыли дверь, и вслед за котом устремилась Лидина душа, полная заботы и нежности, в поисках слабых и маленьких, которых нужно опекать и выхаживать, кормить и любить, словно братишек и сестричек. А теперь она сидит и внутри у неё пусто, а на сердце тяжело.

Через неделю у неё на плече появилось розовое пятно с красноватым ободком и шелушащимися чешуйками внутри. Оно было небольшое и немного чесалось, но бабушка, как только его увидела, ахнула: «Таки лишай, чтоб его!».

Мама не на шутку переполошилась, схватила Лиду в охапку и собралась вести в кожвендиспансер, но бабушка удержала их.

– С такой ерундой могут и в больницу положить. В школе узнают, будут сторониться. Ты, Тоня, прямо сейчас иди в гастроном за водкой, а потом съезди в магазин «Пчёлка» за настойкой прополиса. Сами вылечим. На живом всё заживёт!

Когда спецзаказ был доставлен, бабушка смешала йод пополам с водкой и помазала пятнышко. Через несколько часов натёрла его пчелиной настойкой. Вечером всё повторилось снова.

Оба выходных мама мыла с хлоркой полы, протирала едкими растворами стены и подоконники. Все Лидины вещи перестирала и прокипятила в эмалированном ведре, высушила и прогладила горячим утюгом. Кошачью мисочку, которую Лида спрятала у себя под кроватью, нашли и выбросили.

Лида не капризничала, не просила подуть, смиренно сидела, терпела и думала про себя, чтобы как можно дольше лишай не проходил.

Изредка в её глазах вспыхивали маленькие искорки надежды. И тогда она думала: вот бы найти этого белого котика и тоже вылечить, мазать йодом его розовые ушки и тихонечко говорить, что всё пройдёт, до свадьбы заживёт...

Лишай постепенно исчез, но невидимая дырочка в сердце побаливала и продолжала чесаться. И в этот маленький проём незаметно проникло множество маленьких быстрых лапок, чтобы с течением времени оставить свои следы, царапки и ранки на сердце.

А пока Лида грустила, смотрела на бледнеющее пятно, тихонько гладила его пальцами, вздыхала.

Бабушка тоже вздыхала и как-то вечером за своим привычным шитьём, будто продолжая начатый разговор или отвечая своим мыслям, не выдержала и повернулась к Лиде:

– Да заводи ты хоть крокодила! Лишь бы в нашу ванну поместился!

Татьяна МЕДИЕВСКАЯ

г. Москва

Коренная москвичка, драматург, член Союза писателей России, Национальной ассоциации драматургов, участник литературного объединения «Точки» и Лондонского литературного клуба. Окончила МХТИ им. Д. И. Менделеева, Патентный институт, Высшие литературные курсы литинститута им. А. М. Горького. Автор ряда книг стихов, прозы и пьес.

Публиковалась в журналах «Юность», «Русский пионер», в альманахах «Академия поэзии», «У Никитских ворот», в ежегодных коллективных сборниках: «Точки», «Русский стиль», «Лучшая одноактная пьеса», в онлайн журналах «Клаузура», «Вторник», «Что есть истина?». Дипломант международных литературных и драматургических конкурсов.

Зачем русалочке купальник!

Рассказ

Тёплая августовская ночь на берегу Рижского залива в Булдури. Под исполинскими корабельными соснами в уютных деревянных двухэтажных коттеджах безмятежно спят и дети, и вожатые пионерского лагеря от радиозавода. Только в палате девочек старшего отряда одна Наташа не спит, а притворяется. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет, она перешла в десятый класс и в лагере проводила свои последние школьные каникулы.

Наташа лежала с закрытыми глазами и прислушивалась.

Слышно, как дышит во сне девочка на соседней кровати, где-то вдали переругиваются собаки.

Всё, пора!

Она вскочила, оделась, взяла полотенце и осторожно по деревянной винтовой лестнице, тревожно скрипнувшей, спустилась вниз и вышла на крыльцо: темнота ночи угрожающе надвинулась на неё, но Наташа решительно направилась к морю, напевая для храбрости про себя куплеты из песни Дунаевского: «Капитан, капитан улыбнитесь! Ведь улыбка – это флаг корабля!».

Она к этому моменту тщательно готовилась: прикармливала сторожевых лагерных псов, ждала подходящей погоды. А главное, чтобы педагог отряда, её дядя Гарри, уехал на весь день домой в Ригу.

Наташа худенькая и невысокая, весит всего 44 кг. Она ещё не развилась в девушку и угловатостью скорее напоминала мальчика-подростка. Всё у Наташи было остренькое: и коленки, и локотки, и ушки, и носик с подбородочком. Она походила на белочку: волосы собирала в хвостики, и они торчали в разные стороны, возвышаясь на голове как ушки, и, когда задумывалась, смешно морщила носик. На маленьком личике с полупрозрачной тонкой кожей, её серо-зелёные глаза казались огромными и глядели на мир не по-детски внимательно и серьезно.

Раньше каждое лето Наташа всегда проводила на даче, под Москвой у бабушки с дедушкой на станции «Детская».

Как Наташа любила бегать к поезду встречать папу с работы!

Если подняться на пригорок, то далеко впереди через пшеничное поле видно, как подъезжает похожая на огромную зелёную гусеницу электричка и медленно останавливается. Чёрными букашками высыпают люди из вагонов, спускаются по лестнице, и цепочкой движутся по дорожке через поле к посёлку. Но вот несколько человек опережают всех. И, наконец, один словно спринтер вырывается вперёд и быстро оказывается на середине дороги. И тогда Наташа бежит через улицу, через овраги и, поднявшись наверх, видит, что это он – её папа стремительно приближается к ней в голубой клетчатой тенниске и в светлых брюках. У него накаченный торс и упругая, пружинистая походка спортсмена, он немножко покачивается с ноги на ногу. Он спешит к дочке!

– Ура, – кричит Наташа, – Папочка приехал! – И бежит к нему со всех ног через овраг. Он хватает её сильными ручищами, обнимает, целует, и они весело идут под горку к даче.

Папа по пути снимает потную тенниску – ему всегда ужасно жарко: на даче, в саду и в лесу он ходит исключительно в плавках, несмотря на ворчание бабушки.

– Какая мука летом в жару сидеть в конторе!

Папа работает инженером в проектно институте. После службы он каждый день едет в метро и в переполненной электричке. Он больше всего на свете любит загорать и купаться.

Когда они приходят на дачу, папа отдаёт бабушке привезённые из Москвы продукты и с дочкой бежит в лес на озеро.

Но в это лето родители решили, что Наташа уже большая, и отправили её на поезде без взрослых к морю в Прибалтику к дальнему родственнику дяде Гарри, а сами уехали на юг.

Море, Море! Наташа в мечтах представляла себя героиней фильма «Дети капитана Гранта» – звучит увертюра Дунаевского, она на корабле в вихре ветра преодолевает морскую пучину, замирая от страха и восторга.

В Прибалтике Наташе очень нравилось. И не сравнить с лагерем от папиной работы «Рябинка». Там разрешалось купаться в речке по распорядку: «По свистку в воду, по свистку из воды». Вожатые изводили детей бесконечными маршировками строем под палящим солнцем в парадной пионерской форме. Весь день, не умолкая, на столбе репродуктор громко транслировал песни: «Взвейтесь кострами синие ночи, мы пионеры дети рабочих», «А Ленин – такой молодой и юный Октябрь впереди!». А ночью в спальне, похожей на казарму на двенадцать девочек, невозможно было уснуть от сальных историй, которые пионерки рассказывали друг другу громким

матом. Наташе претило чувство сплоченности с таким вот коллективом. Она себя ощущала овцой в загоне. Наташа отказалась ехать в «Рябинку».

Другое дело море. Целыми днями можно купаться столько, сколько хочешь, гулять в сосновом лесу и собирать ягоды, читать книжки или играть в кружок в волейбол. Самым неприятным, но – увя – неизбежным, было построение на утреннюю пионерскую линейку – по отрядам, с горном и знамёнами на плацу. Но длилось оно не долго, а потом – весь день свободен.

В эту ночь Наташа лежала и, пока дождалась, когда все заснут, вспоминала, леденя от ужаса «страшные» случаи, которые с ней происходили.

Однажды прошлой зимой, когда Наташа каталась в Лужниках на лыжах, взятых на прокат, простых деревянных – со старыми железными креплениями, она случайно подъехала к малому трамплину, к тому месту, куда прыгуны приземляются после прыжка. Дух захватывало от открывающейся панорамы Москвы: На фоне синего морозного солнечного неба золотом горели купола церквей, как огромные леденцы возвышались высотные здания, и сверкала льдом, как лента серпантина, Москва-река в каёмочке снежных берегов.

Наташе захотелось воспарить птицей в небо или хотя бы прокатиться с ветерком с такой высоты вниз. Ей казалось, что это возможно, но что-то её все-таки удерживало, и она не решилась.

И слава Богу!

Однажды в пятом классе на школьном дворе во время субботника кто-то из мальчишек принёс ужа. Змеёй сначала пугали друг друга, а потом стали травить девчонок, что, конечно, гораздо интереснее.

Наташа вздрогнула, когда услышала визг и вопли: «Змея!». Она до отвращения боялась всего ползучего, даже земляных червей, а уж змей и подавно, и с ужасом поняла, что если мальчишки, подкравшись сзади, бросят ей на плечо скользкого и гадкого извивающегося ужа, то она просто этого не вынесет.

И тогда она сама удивилась своему неожиданному поступку: Наташа подошла к мальчишкам и громко с вызовом сказала: «Я не боюсь ужа, дайте мне его!». После чего решительно протянула руки к рыжему гогочущему мальчишке с ужом в ладошке. Рыжий до этого момента кривлялся, паясничал: сучил как журавль длинными ногами, приплясывал, улюлюкал, скалил редкие зубы, веснушчатым лицом корчил страшные и смешные рожицы. Но после слов Наташи он замер как вкопанный. Все оторопели и уставились на Наташу.

Рыжий в оглушающей тишине осторожно, медленно положил в Наташины ладони прохладный клубочек, почти замученного, ужика. Мгновение, и уж зашевелился, поднял головку и открыл глазки. Наташе показалось, что его змеиный взгляд задержался на ней, и мелькнуло красное жало. Все оцепенели, с вожделием ожидая, что сейчас будет? Лицо и руки Наташи налились кровью, она чувствовала их нестерпимый жар, казалось, что слёзы в глазах сейчас закипят. И, когда она, в последнем усилии, чтобы не упасть, напряглась, как пружина, в этот момент Рыжий выхватил у Наташи ужа, моментально засунул его в карман брюк и с громовым воплем «Пошли малышня пугать!» убежал. А за ним и остальные. Все поняли, что «представление» окончено и ничего интересного больше не будет.

Когда субботник закончился, Наташа незаметно отлучилась в туалет тщательно отмывать руки. Но сколько она не намыливала их школьным хозяйственным мылом, ей всё казалось, что ладони пахнут гадкой змеёй, а на пальцах мерещились уже вскакивающие бородавки.

После этого случая одноклассники к Наташе относились настороженно: мальчишки её никогда не дразнили и не задирали, а девчонки сторонились и считали гордячкой.

Однажды летом года три назад в жаркий июньский день папа Наташи пораньше приехал с работы, и они, как всегда, пошли купаться.

В лесу после ежегодного весеннего паводка оставалось около десятка маленьких неглубоких прудиков – бочажков. Папа с дочкой направились к «самому большому и глубокому» из них, под названием «Пятка» – пятый по счету. Вода в озерах всегда прозрачная и тихая, и в ней, как в зеркале, отражались зелёные кроны деревьев с просветами голубого неба.

Низко, как сказочные эльфы, кружат парами редкие синекрылые стрекозы. Дно покрыто мелким песочком или зелёной травкой.

Наташа с папой весело шли босиком по лесной дорожке, размахивали полотенцами. Наташа подпрыгивала и приплясывала, а папа пел. Наташин папа атлетически сложен, ну просто как греческий бог. А ещё у папы чудный голос – прекрасного тембра тенор. Гуляя в лесу, он всегда распекает арии из опер и неаполитанские песни, такие как «O Sole Mio!» и любимую Наташину – «Влюблённый солдат». А когда доходило до слов «Oh vita, oh vita mia, oh cuore di questo cuore... – тебе я, одной тебе я, и сердце и жизнь вручаю...» – тут Наташа начинает весело маршировать и громко подпевать.

Папа с дочкой часто проводили время вместе: ходили за грибами, катались на велосипедах, и даже ездили на дальнюю рыбалку на речку Ворю.

В тот день Наташа с папой пришли на пруд и с разбегу бросились в воду. Вволю накупавшись, они выскочили на полянку на берегу и, как всегда, стали кувыряться, скакать на одной ножке, делать шпагаты, мостик, колесо, и даже сальто. Они резвились и кричали громко: «Тра-аль-ля-ля, траль-ля-ля!». Ах как весело им было!

И вдруг Наташа заметила у себя на правой пятке с наружной стороны какой-то чёрный шнурок. Пригляделась, это оказалась присосавшаяся пиявка.

Ужас! Наташа вскрикнула так громко, что сорвала голос, и от страха помчалась «куда глаза глядят». Папа сначала оторопел, но потом быстро сообразил, в чём дело, и погнался за Наташей. Чтобы остановить, пришлось ему даже сбить её с ног. Когда пиявка присосалась, боли она не почувствовала, но было ужасно гадко, омерзительно, противно.

Папа отодрал пиявку и стал давить её своей огромной пяткой на тропинке, приговаривая: «Вот, вот смотри, нет, нет больше пиявки, успокойся, не плачь!».

Наташа всё ещё дрожала от пережитого страха, но была счастлива, что папочка её спас. И вот всё, страх позади, слёзы высохли, и папа с дочкой пошли домой на дачу. Там их ждала любимая бабушка – папина мама. Она уже приготовила ужин и набрала с грядки каждому по блюдечку первой клубники.

Зачем же сейчас на Рижском заливе девочка в такую пору, когда весь лагерь спит, отправилась на берег моря?

Наташа решила проверить свою смелость: искупаться одной ночью в море и не просто окунуться в воде, а заплывать далеко – до пятой мели, где глубоко – вода выше подбородка, и даже «с головкой».

Вот какую задачу она себе поставила. Никого вокруг – одна. Чтобы подбодрить себя, Наташа громко и звонко запела:

– Капитан, капитан подтянитесь, только смелым покоряются моря!

Ночью на море спасенья ждать не от кого. Наташа хотела проверить свою взрослость и самостоятельность. Девочка была уверена, что у неё всё получится. Она как будто всё предусмотрела, когда бродила по берегу вдоль морской кромки в поисках янтаря, заходила глубоко в воду, проверяя, нет ли на дне ям.

И вот сегодня решилась!

Тёмные кусты обступили девочку. Не видно неба, только белеет тропинка. Скорее надо пройти это мрачное место. Вот, наконец, кончились кусты, и уже сквозь чёрные стволы сосен светлеет полоска пляжа и мерцает море, и видно небо.

И в тот момент, когда Наташа ступила на пляж, как по волшебству, из-за единственной тучки вышла луна и развернула прямо перед ней на море широкую сверкающую дорожку, как бы приглашая вдаль. На песке рельефно заиграли перекрёстные тени от двух сосен справа, а за Наташей вытянулась её длинноногая тень с ушками и с крыльями, от раскинутых в порыве восторга рук. Наташа себя представила «бегущей по волнам». Небо и море от лунного света стали ещё огромнее, а ветви сосен, казались обсыпанными светящимся серебряным инеем. Далеко слева равномерно, придавая ритм всей картине, мигает зелёный глаз маяка.

Празднично, светло, широко, тихо.

Наташа скинула шлёпанцы, ступни охладил сыроватый песок. Она пришла на своё привычное место, где загорала днём. Огляделась. Конечно, всё тоже, но ночью совсем по-другому – таинственно и величественно.

Наташе стало казаться, что тишина звучит как торжественная музыка, и она смотрит на бухту сквозь тонкий тюль туманной занавески, расписанной Создателем акварельными небесными красками. А краски эти разведены не водой, а молоком. Море с небом будто играло мельчайшими оттенками синего, голубого, лилового, зелёного и коричнево-золотистого, которые на глазах менялись и переходили один в другой. Восторг наполнял душу.

«И совсем не страшно!» – думала Наташа.

Она быстро разделась, повесила вещи на сухую корягу и вошла в воду. Поёжилась от поднимающегося по ногам холода и твёрдо продолжила путь. Довольно долго пришлось идти до второй мели, где вода достигала бёдер. Наконец, она поплыла.

Наташа с замиранием сердца от свободы в морской стихии ученическим брасом, с высоко торчащей из воды головой, устремилась к третьей мели, где вода по грудь.

Ветра нет, слышен только плеск воды. Постепенно она начала уставать. Девочка время от времени касалась ногами дна. Ей надо плыть дальше к четвёртой, а затем и к пятой мели, где дна не достать.

Оглядываясь Наташа боялась, зная, что до берега далеко, и если оглянется, то испугается. Девочка смотрела то на морские волны, отражающие свет луны, висящей в левом углу высокого безоблачного звёздного неба, то на мигающий зелёный маяк, то на тёмные очертания леса, обрамляющие края бухты.

Наташа остановилась передохнуть, а вода уже по грудь. «Пожалуй, хватит! – решила Наташа. – Ещё чуть-чуть, и пора возвращаться!»

Она уже себе доказала, что смелая. Она досчитала до десяти, двигаясь плавно как лягушка, остановилась и резко повернулась лицом к берегу. «Боже, как далеко берег!» – подумала Наташа и устремилась в обратную сторону.

Но странно: она сильно бултыхает в воде и ногами и руками, но берег не приближался. Ей казалось, что она столько проплыла и уже должна коленями коснуться дна, но вместо этого у неё создаётся впечатление, что она барахтается на месте.

Что это значит? Наташа испугалась. Происходило что-то непонятное. Почему берег остаётся так далеко? Ей стало вдруг холодно. Наташа поднажала что есть мочи и немного продвинулась вперёд. Вот она временами уже достаёт до дна. И хотя берег стал явственно ближе и уже различаются повешенные на корягу её халатик и полотенце, всё равно странно, почему, несмотря на все усилия, так медленно приближается берег.

И вдруг Наташа поняла, что пока она так долго была в воде, наверное, начался отлив. И её медленно, но верно относит обратно в море. Этого Наташа предвидеть не могла. Она отчаянно боролась и уже почти добралась до второй мели, где вода по колено, но волна коварно оттащила Наташу назад.

Девочка не сдавалась. Она несколько раз почти оказывалась на берегу: она цеплялась за песок, теряющими силу пальцами. Но безуспешно.

Наташа пыталась угадать ритм отливающей волны, чтобы обмануть её и не дать себя унести обратно в море. И это ей, наконец, удалось. Совсем обессиленная, Наташа выбросилась на берег и проползла по песку подальше от воды.

Она отдышалась. Затем встала и, вздохнув с облегчением, что всё позади, направилась к своим вещам.

Вдруг прямо перед собой Наташа увидела такое, что чуть не закричала. На песчаном пляже в нескольких метрах от неё лежат рядом двое: мужчина и женщина. Они вытянулись в одинаковых позах на животе, подперев головы руками, согнутыми в локтях, лица обращены в морскую даль.

Наташа замерла. Они не двигались. Девочка пригляделась: на них чётко виднелись купальные костюмы, что её немного успокоило.

«Странно, что эти неподвижные фигуры – очень крупных размеров, как изваяния, ну просто исполины. Жутко – ну и парочка! Лежат и загорают под луной, на море любуются!» – представилось ей.

И тут Наташа догадалась, что это были... скульптуры из песка! Вчера в лагере говорили, что будет конкурс песчаных скульптур.

Наташа перевела дух и посмотрела на изваяния из песка уже более спокойно. И носики, и глазки, и грудка в лифчике, и ложбинки вдоль позвоночника на спинах, и пальчики на руках и ногах, – как настоящие, а волосы: у женщины ниспадают на плечи длинными локонами, у мужчины стоят ёршиком. И оба блестят, как обливные, будто только что после купания.

«Ну как живые! Классно вылеплены! Взгляд-то слепой, конечно, но...» – и Наташе показалось, что они смотрят прямо на неё немигающими глазами. «Ой, а вдруг они оживут и схватят меня?» – подумалось девочке. Вот, оказывается, где прятался страх!

У Наташи перехватило горло, но она и не думала кричать, а опрометью помчалась по тропинке в лагерь. Пролетела по лестнице и вбежала в спальную.

Все спят. Никто ничего не заметил. Наташа сняла с себя мокрый купальник, отрясла на пол ступни от песка и юркнула под одеяло.

У девочки стучали зубы: или от холода, или от пережитого страха, и она никак не могла унять дрожь, сотрясающую все тело. Наташа накрылась одеялом с головой и стала усиленно дышать. Это помогло, и она начала согреваться. Но от перевозбуждения уснуть долго не могла.

Что же случилось? Она лежала, закутавшись, и твердила себе: «Я доказала, доказала!» – «Что доказала?» – будто спрашивал кто-то другой.

И с этой мыслью девочка, наконец, заснула.

Утром Наташа, как все дети, встала, умылась и пошла на пионерскую линейку. Перед тем, как идти в столовую на завтрак, девочка забежала в спальную, достала завалившийся под кровать свой влажный, весь в песке, купальник, отряхнула и, прополоскав, повесила сушиться.

Только этот купальник и напоминал Наташе про ночное приключение. Только он знает её тайну, он свидетель и доказательство её подвига.

После этого случая у Наташи прорезался аппетит. Раньше она всегда плохо ела, и её взрослые часто ругали за «ковыряние в тарелке». Теперь девочка стала много и с удовольствием кушать почти всё, чем кормили в столовой. Особенно ей понравился полдник: огромные куски черничного пирога со сметаной и кружка парного молока с подшефной заводу фермы.

Когда накануне отъезда в Москву Наташа собирала вещи, то с удивлением обнаружила, что вся её одежда стала настолько мала, что смотрелась на ней как натянутая на барабан, который вот-вот лопнет. Девочка превратилась в девушку. Наташе казалось, что её тело просто вылезает из сарафана, как тесто из квашни, а подол неприлично еле прикрывает совсем не худую попку. Она не понимала, что за время отдыха сильно поправилась – на семь килограммов, и даже подросла на четыре сантиметра. От таких перемен было очень неудобно, поскольку других вещей у девочки не было. Любимый купальник Наташе тоже стал совершенно мал, и очень больно врезался в тело. Ей было жаль его совсем выбрасывать.

Когда в свой последний день в лагере Наташа отправилась на пляж попрощаться со своей любимой бухтой, ей захотелось что-нибудь оставить морю на память. И она подошла к кустам, растущим близко к воде, и повесила на них свой купальник. Девочка аккуратно расправила его на ветках. Два кусочка ситцевой ткани, оранжевой в чёрную полоску, издали смотрелись как два экзотических цветка. Наташа оглядела в последний раз знакомые и полюбившиеся места, и ей живо представилось, как однажды, когда на бухту опустится ночь и замигает зелёный глаз маяка, вдруг из воды выйдет прекрасная русалочка, увидит купальник и унесёт его в морское царство, нарядится и закружится с принцем в вихре вальса...

«Хотя зачем русалочке купальник? Бред какой-то! Пора взрослеть!» – подумала Наташа, когда услышала звуки горна, трубящего об окончании последней смены уходящего навсегда последнего лета её детства.

Татьяна БЕЛЯВСКАЯ

г. Ангарск, Иркутская обл.

Стрельникова Татьяна Андреевна. Родилась в городе Орск Оренбургской области. Окончила Иркутский педагогический институт иностранных языков. Публиковалась в литературных журналах «Сибирь», «Иркутский альманах», «Северо-Муйские огни», «Метаморфозы» (Беларусь), альманахах «Российский колокол», «Образ», в коллективных поэтических сборниках и антологиях. Автор 5 книг стихов и прозы. С 2010 года руководит студией юных литераторов «Метафора». Член Союза писателей России.

Венский вальс

Записки о маме

Умиротворяющее состояние. Метель давно в феврале так не стонала, не выла, как сегодня ярилась весь день, но, словно устав сопротивляться чему-то свыше, угомонилась к вечеру. Тепло в квартире, полумрак. И кажется, здесь, где его никогда не было, вот-вот за электрической печкой застрекочет сверчок. Огарок церковной свечки на полочке над кухонным поминальным столом, к которому полчаса как мы с мамой перебрались от общего из зала, успокоено догорает. Тишина в душе. Высказаны, выплаканы воспоминания о папе, перебраны военные, общественные, семейные пласты его пребывания на Земле. Поминавшие разошлись. Можно в который раз благочестиво прошептать: «Царствие тебе небесное, папа!» – и пойти отдыхать. Не хочется. И мама сидит притихшая, лицом посветлевшая, пришедшая в себя после трудного дня... да, наверное, и после тягостных трёх лет вдовства. Пятьдесят четыре года вместе...

– Да-а, пятьдесят четыре... – словно уловив мою волну выдыхает мама в пространство, и, явно преодолев далёкую душевную преграду, открывается: – А ведь и замуж за него нечаянно вышла.

– Нечаянно?! Не может быть! Никогда бы не подумала, что папа – твой случайный муж, и – на всю жизнь... Как это? Расскажи.

– Хм... Не может быть... – повторяет мама, слегка иронизируя над собой, над моим удивлением. И, смущаясь того, что проговорила, тихо уверяет: – Может! – и... пауза, и я вижу, что она уже не со мной, не в этом времени. Зная суровый мамин характер, молчу, боясь спугнуть её желание выпустить хранимое в тайне. Не от самой ли себя? А мама, возвращаясь оттуда, подтверждает мою догадку:

– Можно и рассказать, только открыть-то придётся заветное, сокрытое глубоко, а я и себе самой запрещала это вспоминать.

– А ты расскажи так, как я детям рассказывала – о чём-то из жизни, а словно сказку, словно не о себе.

– Вечно ты что-нибудь придумашь... Мне – о себе и, словно сказку?.. Хотя, в моей жизни всякое было: и чудное, и страшное. Чем не сказка?!

– Мам, а ведь я о тебе мало знаю. Ну, где родилась, где в институте училась, где замуж вышла... А подробности – нет... Ты вот как-то избегала девичьих тем, и я стыдилась о своём сердечном рассказывать. С подружками делилась, а с тобой нет. Почему у нас так получилось? Может, хоть сейчас... Вот ты сказала: «Замуж вышла нечаянно». А как это – нечаянно? Ну, правда, если тебе трудно или неловко о чём-то своём открыто говорить, попробуй иносказательно, вроде сказки.

– Сказка-то, – легко усмехается мама – длинной получится.

– А куда нам спешить? Да и не усну я теперь... И когда ещё приеду?

– Таня, Таня, ну зачем ты уехала из Братска?! Что забыла в своём Ангарске? Теперь точно не наездишься – здоровье не то, цены кусаются...

– Мам, не начинай. Не трави душу. Сколько можно оправдываться? Там дети выросли, школу закончили, у них полгорода друзей, подруг, у меня полгорода учителей, экскурсоводов, библиотекарей знакомых... Прекрасно ведь понимаешь: корни я там пустила, и обрубить их не смогла... Ты тоже от родителей, царствие им небесное, далеко жила. Пожалуйста, не отвлекайся... Расскажи, как вы с папой познакомились, как замуж за него вышла, – я зажигаю фитиль новой свечки и вместо огарка ставлю в подсвечник.

В зале негромко звучит телевизор, около него на диване Гена, брат-пенсионер, то бормочет что-то во сне, то похрапывает – мужик в доме. И уют, и молодой певучий мамин голос.

– Далеко в Сибири в одном шахтёрском посёлке, имя которому Касьяновка, среди больших рабочих семей жила не менее большая семья Сёмкина Фёдора. Много детей у них было, а старшая – Катюха. Шестнадцать с половиной годков набежало ей к тому времени, с коего вот-вот начнётся сказ о больших испытаниях в её жизни...

Нет, Татьяна, язык не поворачивается рассказывать о себе в третьем лице, – останавливается мама: – Не сказочница я. Неловко как-то.

– Мама, ты же учительница. С большущим стажем! С докладами выступала на всяких конференциях, даже областных. А сейчас меня что ли стесняешься? Я взрослая и, не обижайся, но современнее тебя, свободнее во взглядах на жизнь, – я поднимаюсь с табуретки, приближаясь к маме, наклоняюсь, обнимаю её за плечи, щекой прижимаюсь к щеке, а сама думаю: «Разговорилась! Ещё обидится... А так вот обнимая её, как бы хуже не сделать, она не любит «телячьих нежностей», замкнётся, отстранится и ничего не расскажет». Но мама сейчас мягкая, доступная к моим ласкам, чувствую: они ей даже необходимы; и я продолжаю:

– Чего меня стесняться? Да и сколько можно держать в себе это тайное?! Началá же! Началá. Ну и продолжи. Ну, пожалуйста. Интересно же! Как получится, так и расскажи, – осторожно

выпускаю мамины плечи, и медленно, чтобы не спугнуть сердечные тёплые, страшно редкие между нами откровения, возвращаюсь на место.

– Ладно, не уговаривай. Мне и самой уже не терпится рассказать о своей юности, и детство для полной картины вспомнить... А знаешь, дочь, жизнь-то у меня могла быть совсем другой... Отец ведь с мамой в тридцать четвёртом году в Касьяновку взяли только младших детей, а меня, старшую, в Тугуше оставили. Это бабушка Ефросинья Березовская, мамина мама, ни в какую меня от себя не отпустила: «Ни оддате! Утрясётся усё, тады, можа, и забярёте. О мой боже, мой боже, докўда вас утартают, где жить будете? Пускай тутай учица».

– Надо же, какой интересный язык! Смесь польского, белорусского и русского на деревенский манер.

– Там все говорили на смешанных диалектах – белорусы, украинцы, молдаване, поляки рядом в деревне жили-выживали. И семей смешанных много было, как мои родители. Дед ваш русско-белорусских кровей, знаешь ведь, а бабушка – белорусско-польских.

– Мам, а ты как-то давно обмолвилась, что наша прапрабабушка полячка была замужем за молдавским цыганом. Это правда?

– Татьяна, ты дальше будешь слушать или расспрашивать о нашей родословной?

– Не, дальше слушать. Но родословная – тоже интересно! И тоже о ней очень-очень мало знаю. Потом, по телефону расспрошу... Ну, оставила тебя бабушка Березовская у себя...

– Я и жила у них два года. А в Тугуше – только начальная школа. Если бы там, как в Касьяновке, была средняя, я могла насовсем остаться у бабушки. Ох как долго я тосковала по ней и по тем местам, а съездить за всю жизнь так и не довелось... К Касьяновке не сразу привыкла.

А вот отец никогда не жалел, что наша жизнь так круто изменилась. Он часто говорил: «Я хоть свет божий увидел, а то всё – поле да скот». Он сразу пошёл работать на шахту, и знатным стахановцем стал, и всегда этим гордился.

– Подожди, мама. Не могу опять не встрять. Мы все гордились нашим дедом Фёдором. Я его как живого помню. И хорошо помню, что гордость эта где-то глубоко внутри деда жила – не напоказ, но чувствовалась. И вообще, в нём что-то сильное, внутреннее, мудрое было.

– А образование-то – продолжает мама – всего три класса церковно-приходской школы! Но в посёлке про него говорили «дюже грамотный». Он читал газеты, слушал «тарелку», был в курсе всех главных событий в стране. Многие в посёлке читали газеты и слушали радио, а за разъяснениями приходили к отцу. Усаживались вечерами на лавочку у самана, курили махорку и самосад, гудели, спорили... Да, мы тогда в самане жили, пятистенок, который ты знаешь, после войны поставили.

– Знаю, мама, знаю! Пятистенок деда поставил году в пятидесятом, когда уже и наша семья в Касьяновке жила. Деда при случае обязательно с гордостью и уважением говорил, что, если бы наш папка «не ходатайствовал, лес на дом Сёмкиным не скоро бы ещё выписали». И саманы знаю и помню. Два или три и сейчас там стоят: осели, сгорбились, как древние-предревные старички, но живы! И, слышала, живут люди в них. Окна у самой земли, комнатки малюхонькие...

– А мы большой семьёй в двух таких комнатках жили. И хорошо жили! Саманы тогда ещё новые, крепкие стояли. Отец работал от гудка до гудка, но и по хозяйской части – подладить, смастерить что-то, дратву наваксить, валенки подшить, дров нарубить, уголь заказать... Э, да настоящему хозяину всегда найдётся, чем руки и время занять, – всё делать успевал. И по крестьянской части у него – всё вовремя. И мама моя, бабушка ваша Мария, тоже всё успевала: за нами приглядывала, хозяйство справно вела. А мастерица-то какая искусная она была! Слышала присказку про волшебные руки? Сухую ветку в землю воткнут, ветка яблоней вырастет! Вот у мамы такие были. Урожай, засолки, варенья, ткачество, хлеб – всё-всё у неё получалось. Я около мамы многому научилась. И в школе я училась – родителей радовала. Очень уж отец хотел, чтобы его дети, особенно «дочкá старшáя», в образованные вышли. Я всегда побаивалась его строгости и уважала безмерно.

И учёба давалась мне легко, и жила я «легко, как песню раздольную пела», говорила мама. Сама она читать толком не умела – только печатные буквы и то, по слогам, – подписывалась каракулями или галочку ставила, а шутки-прибаутки всегда к месту и всегда красивые выдавала. Говорила очень поэтично. Про меня вот, например, крёстной «карактеристику» давала: «Ув жизнйх редко случается, штобы один человек владел многими таланами, да к тому красив был, статен, добр к людйам, и штоб везло яму уво всём. Про таких говорят: «Ув рубашке родился». Ув рубашке, кума, родилась и моя Катя, крестница твоя». Услышав случайно про себя такое, разве можно что-то плохо делать?!

Нас в глаза мама никогда не хвалила. Сделал дело хорошо, ну и молодец, так и должно быть. Но если ей доводилось с кем-то о нас говорить, тут она находила много добрых слов. А мы хоть и помогали родителям, но, признаюсь, не ангелами росли. Я вот тоже, и трудолюбивая, и в общем-то не ослушивалась, не пререкалась дома, но на улице ещё та заноза была. Не такая, как наша Татьяна, но заводная – это точно.

– Подожди, мама, а как всё-таки Татьяна погибла?

– Да никто толком не знает. Она была с подружками. Их шесть-семь пацанок десяти-, тринадцатилетних за каким-то чёртом понесло на шахту, там как раз на узкоколейке стоял состав под погрузкой угля и паровоз маневрировал, толкая вагоны туда-сюда, потом он дёрнулся и медленно поехал вперёд. Татьяну, рассказывали одни, как бес в ребро толкнул, пристала: «Спорим, что я успею под вагоном пробежать»... А другие говорили, что она похвасталась перебраться на другую сторону на ходу состава по сцепке, держась за стенки открытого тамбура... Татьяна первая из нашей родни похоронена на касьяновском кладбище. А теперь там – целый городок родственников. Упокой, Господи, их души!

– Упокой, Господи! Мама, а меня ведь только сейчас стукнуло! Так это в честь неё меня Татьяной назвали? Нельзя же.

– Да, многие говорили, что нельзя новорожденного называть в честь погибшего ребёнка, но у твоего папки, Таньчопа, особая история с этим именем связана. В сорок втором году после тяжёлого ранения, когда он полгода в госпитале лежал, там работала сестричка, девчонка лет шестнадцати. Она дневала и ночевала около раненых. Всю семью, бабушку, дедушку, мать, младших братьев, немцы на её глазах убили, она в огороде пряталась, видела всё. Отец на фронте погиб, когда девчонка уже в госпитале работала. Раненые любили её как дочку, внучку, сестру. И все молодые обещали своих дочерей назвать её именем, Таней. Вот папка твой упёрся и ни в какую: «Только – Таня, Татьяна, Танюшка, Таньчопушка, Таньчорушка!». Назвали тебя, получается, в честь медицинской сестрички.

– Брр... Аж мурашки по коже... Как всё-таки тайное, непонятное, незнакомое переплетается с чем-то подспудным. Помнишь, я в детстве всё кукол лечила и в больницу играла?.. А вы с папкой всем говорили, что врачом я буду. Почему никогда про Таню-медсестричку не рассказывали?

– Не знаю. Не к разговору как-то было. А сегодня видишь, воспоминания одно за другое цепляются... с одного на другое перескакиваем... Устала? Ночь в автобусе ехала, не спала, да день вон какой пережили... Может, пойдёшь ляжешь?

– Да что ты, мама, какое там устала! Я сейчас новую тебя, новое о вас узнаю! Представляю, сколько ещё не знаю. Пожалуйста, продолжай.

– Ну так вот, я ещё та своенравная была. Особенно когда девицей стала. Не дай Бог, кому задеть меня смешком, бросить взгляд, который чем-то покоробил! И проходу никому не давала за нерадивость и неуклюжесть... Самой-то мне хотелось всё уметь. И чтобы – лучше всех. Я не очень любила прясть, носки, варежки вязать. Но если бралась, то делала как надо. Зато любила на кроснах постучать, полоски цвета необычного в дорожках выткать, и на машинке любую одежду из старого чего или нового сшить-перешить себе и сестре с братьями. Умела хлеб испечь, пшеницу серпом сжать, корову подоить. А когда на коромысле полные ведра с водокачки за шесть переулков несла, так даже выпендривалась: голову как царица держала, выступала словно пава, чтоб ни капли не расплескать, да ещё над другими подшучивала. Водокачка у нас тогда, как и сейчас, одна на весь посёлок возвышалась. И если у тракта, на противоположном конце Касьяновки, воду можно было набрать из колонки, то в нашем околотке – только на водокачке. А давали воду в определённые часы. Знаешь, как много народу там собиралось и как интересно было! Столько историй, связанных с водокачкой, можно вспомнить! Смешных и грустных... У водокачки ранней весной – я девятый класс заканчивала – вспыхнуло во мне непонятное чувство к старшекласснику: он нечаянно ладони моей коснулся, когда помогал надеть коромысло на плечи, и не только ладонь, а всю меня будто крапивой ядрёной ожгло.

Мама рассказывает про себя юную, а я вижу ту водокачку, дёдов переулков, улицу к водокачке и себя, приехавшую к бабушке на лето, тринадцатилетнюю пигалицу, тоже манерно несущую коромысло с почти полными ведрами мимо дома парня, по которому тайно страдала... А мама уже – о другой себе:

– А как открытку кому нарисовать – не хуже магазинской получится, а подписать, так обязательно стихами... Ни одна школьная или поселковая самодеятельность без Екатерины Сёмкиной не обходилась, ни одни танцы, – мама раскраснелась, вспоминая себя молодой, глаза заблестели: – Всех перепляшу! А частушку свою так выдам, что другие частушечницы от удивления или зависти надолго замолчат. С Антониной Сметанкиной и Лидией Руслановой сравнивали (*и это правда, соглашаюсь я молча*). Стать знаменитой певицей пророчили. И концерт на выпускном вечере не обошёлся без меня, девятиклассницы. По плану, – заметив мой вопрошающий взгляд, мама поясняет: – Да, у нас говорили «по плану», а «сценарий», я узнала позже. Так вот, по плану я спела «Катюшу», мне долго хлопали и не хотели отпускать со сцены, пока не спела нашу семейную песню (*я догадываюсь какую, но молчу, слушаю маму*).

Не часто, но застолья у нас бывали, и застолья не жадные: «Что в печи, то на стол мечи!» – командовал дядька Фёдор, так моего отца за глаза и в глаза звали. И мы метали. Из всех закровом доставали нехитрые, но сытные яства. А у «дядьки Фёдора» всегда, даже по голодным годам, стояла «на всякий случай» брага и самогон припрятан. А уж если он выпьет да закусит как следует, то запоёт – не остановить. Да что отец, все в нашей огромной Сёмкинской родове голосистыми уродились, если заспевают по голосам, то полпосёлка слушает, словно хор Пятницкого выступает. Столько песен знали, столько песен!.. А любимая – «Отец мой был природный пахарь». И что особенного в этой простой песне? – и мама потихоньку поёт, я ещё тише подпеваю:

Отец мой был природный пахарь,
А я работал вместе с ним.
Отца убили злые чехи,
А мать живьём в костре сожгли.
Сестру родную в плен забрали,
А я остался сиротой.
Не спал три дня, не спал три ночи,
Сестру из плена выручал.
И на четверту постарался,
Сестру из плена я украл.
С сестрой мы в лодочку сядились

И тихо плыли по реке.
Но вдруг кусты зашевелились,
Раздался выстрел роковой.
Злодей пустил злодейску пулю,
Убил красавицу сестру.
Сестра из лодочки упала,
Остался мальчик я один.
Взойду я на гору крутую
И посмотрю на край родной –
Горит село, горит родное,
Горит вся родина моя!

Удивительно! – вдруг подумалось мне, – сколько помню, мы всегда её во весь голос пели, и казалось, только так можно услышать в ней глубину горя, почувствовать и передать величину потери, боль за народ, но... спетая тихо, она оказалась такой мощной, такой на все времена, что оторопь взяла! Что чехи!? Свои вон сколько горя репрессиями принесли, сколько судеб искалечили... Обрывая нахлынувшие эмоции, я возвращаюсь к мамину вопросу:

– Что особенного?! Целая эпоха в ней! И перед глазами проходит, и за душу берёт. Мама, какая ты молодец! Все слова до сих пор помнишь!.. А что дальше после концерта было?

– Что было... Я пела, а зал подпевал! Долго не отпускали со сцены, не отпустили потом и домой. После школы пошли гулять. По традиции помолчали у памятника борцам революции, а возле клуба в берёзовой роще новый концерт устроили. Пели, плясали, хороводы водили, словно последний день проживали. По домам разошлись – уже светало, коровы в стайках замычали.

Выпускникам – прощай школа, здравствуй новый день! Только день начался, словно в сказке со страшным неожиданным пришествием чудища-юдища. Война! Ох, как много ребят из нашей школы, выпускников и девятиклассников – да-да, у нас в девятом классе учились и восемнадцатилетние хлопцы – ушли на фронт и добровольцами, и по призыву. Взрыв всеобщего патриотизма! Мужчины до пятидесяти и парни от пятнадцати рвались на фронт защищать Родину. Народ, мало сказать, был возмущён, он негодовал по поводу такого наглого, бесчеловечного коварства: «Без предупреждения!». Все переполнились решимостью бить, громить фашистов!

Я слушаю маму, и тихое негодование одолевает меня. Я верю маме, верю каждому её слову, верю, что именно так тогда думали, говорили, чувствовали люди – и я чувствую точно так же. Но как могут сейчас тот безграничный, безоглядный патриотизм некоторые считать сомнительным, наигранным, а выражение тех чувств – банальным?! Нет, я не с этими современными некоторыми, я – с мамой!

– В добровольцы записывались даже шахтёры, хотя у них была бронь. Много, очень много парней и мужчин ушли на фронт. Подвода за подводой тянулись по посёлку к Московскому тракту*, а по нему – в Черемховский военный комиссариат. В комиссариат шли подводой, а то и бортовушки, со всех посёлков, деревень, заимок Черемховского района. И многие пути вели к Московскому тракту, он и тогда был последней самой длинной улицей Касьяновки. Я с подружками улучала момент, бегала провожать уходивших на войну. И всегда вдоль тракта стояли бабушки, дедушки, женщины, молодаяки, дети. Не помню, чтобы все поголовно плакали. Были слёзы, но редкие; то там, то тут бабы выли: «Ой, да куда ж ты, родненький? Куда ж ты, кормилец? Да, как же мы без тебя?» Но в основном люди сурово и убеждённо желали: «Бейте там гадов и скорей возвращайтесь! Ждём с победой!»

Ездила в Черемховский комиссариат и я с подругами. Седой дядька так на нас гаркнул: «А ну брысь отселева, мокрухи! Без вас головной боли хватает. Не путайтесь под ногами у государственного дела!» – что мы, и правда, чуть не обмочились.

Подопустела Касьяновка, – помолчав немного, печально подытожила мама. – Тихо стало. Вроде, и жизнь не остановилась. Так же переулки наполнялись размеренным и частым топотом, мычанием, бляньем, тёплым дыханием животинки – мальчишки-пастухи вели стадо на пастбище утром и возвращали вечером; так же вслед за петухами ревел гудок шахты, и шахтёры спешили к клетям, спускались в забои; так же ухаживали хозяйки и дети за хозяйством, огородами; так же семьи заготавливали сено на зиму. Так же, да не совсем. Стадо мальчишки пасли теперь самостоятельно, взрослого пастуха перевели на какую-то другую работу, где нужны были сильные мужские руки. Траву косили подростки и парни, те, что не ушли на фронт, да женщины, бабушки, старики. Шахтёры не выходили из забоев по двенадцать, а то и четырнадцать, часов. Я почти не видела отца. Забота о доме, хозяйстве, огороде полностью легла на мамину и наши с братом плечи.

Лето было – не было, трудно сказать. В крестьянском хозяйстве для подростков и молодёжи летом и так работы – непочатый край, а тут... пот со лба вытереть некогда. Игрищ и танцев почти не стало, а если случались, то напряжённые: у всех кто-то воевал на фронте, кто-то из забоя не вылезал. Кстати, у нас ведь и женщины некоторые пошли вместо мужей на шахту работать, научились уголь рубить и выдавали на горá больше ста процентов... Стали приходить похоронки. Погиб и парень, в которого я тайно была влюблена, тот, что у водокачки ладони моей коснулся, и с которым при встречах потом сердце странно замирало, а уши горели, словно от жаркой печки.

Первое сентября началось не так торжественно, как привыкли. В школе появился новый предмет: военная подготовка, а при больнице – уроки военных санитарок. Мы, три подружки, две Катьки и Дуська, нас в посёлке называли «не разлей вода», не выбросили мысль уйти на фронт, но успевали и учиться, и дома с хозяйством справляться, и военку, и уроки в больнице не пропускать.

Последний год тянулся долго, хотелось быстрее получить аттестат о среднем образовании и стать свободнее от родительской воли. Аттестат получила, а свободнее не стала. Отец сказал, как отрезал: «Я те дам фронт! Выдеру как сидорову козу! Война войной, а ты пойдёшь на училку учиться. Институты не позакрывали! Война скоро закончится, кто детей учить будет, если все девки воевать уйдут? Поступай как хотела на ботаничку – огурцы, цветы вон тебя любят, травы разные знаешь». Я не сразу, но успокоилась. И, несмотря на страстное желание бить врагов, мне, а вслед за мной и Катьке с Дуськой (я верховодила в нашей тройке, хотя была младше товарок на полтора года) пришлось отставить разговоры о фронте, о боевых подвигах.

А ботанику я, и правда, любила. И с девятого класса, с пятнадцати лет, готовилась для пединститута. Всеобщая мобилизация да желание не отставать от воевавших парней, остановили подготовку. Но узнала, что в Иркутске не закрыли пединститут, и там есть четырёхгодичное естественно-географическое отделение, а естественное – это ботаника, биология, зоология, в общем, моё, решила: «Поеду!».

По всем меркам тех скудных лет, наша семья жила в достатке, но, когда было принято окончательное решение, стало понятно, что в город-то ехать не в чем. Тут вся многочисленная родня не осталась в стороне. К нам тащили любые крепкие вещи, из которых сами выросли или которые по какой-нибудь причине домочадцам не подходили. А отцу на шахте выделили новую тёмно-синюю

тужурку... – мама вдруг сморщилась и потёрла переносицу: – Даже сейчас в носу защипало, будто вот только что отец принёс добротную большую тужурку и слово в слово, и даже подражая голосу начальника, сказал: «Шахтком проникся уважением к желанию девушки учиться в такое-то время, и нашёл способ хоть такую материальную помощь выделить вам!» Я из той шахтёрской тужурки смастерила себе осенне-весеннее полупальто... Я день и ночь строчила на немецкой машинке «Зингер»... А ведь отец чуть не выбросил её.

– Как это – выбросил?

– А вот так! В первый день, как узнал про войну, он просто рассвирепел: «Чтоб даже духу немецкого в моём доме не было!» – рычал он, приправляя ярость крепкими словечками. А мама, моя почти безграмотная мама, рассудила иначе: «Войну ведёт Гитлер, анчихрист. Анчихристы руками ничего робить не могут. Таку сказку могли сотворить только рабочие руки, как у тебя Хфёдор. Так их-то пошто казнить? Они, мобуть, тама так же страдают из-за анчихриста, как и мы туточки. Не, даже из солидарности с их горем, надо оставить по ним память». И машинка осталась. Чудо, а не машинка! Не капризная, не ломалась. Шила ровно, красиво. Любую толщину брала: от крепдешина до кожи...

– И моего пальца. Прости, мама, снова перебиваю, но не могу не вспомнить. Мне лет шесть, мы семьёй к бабушке в гости пришли, вы меня оставили, а сами дальше по делам отправились, и Генку с собой забрали. Я обрадовалась свободе и пристала к бабушке «научи, да научи»... С большущей табуретки ногами до пола не доставала, неудобно сидеть, неудобно ручку крутить, но крутила, пытела – платье кукле мастрячила. Подушечку пальца к тряпице «пришила», а плакать боялась – ты знаешь, не разрешишь больше близко к машинке подходить. Бабушка почуяла неладное, пришла, подняла иголку, «отпорол» палец... Надо же, вспомнилось такое незначительное... А ты вон какие вещи рассказываешь!..

– Да я тогда не придавала этому значимости. Мы так жили, слово отца – закон.

– Бабушка. Любимая моя бабушка. Какая она всё-таки мудрая была! Я помню: деда Фёдора с его решения никакими доводами не свернуть. А бабушка – раз, и нашла резон, и успокоила деда... А машинка действительно, замечательная! Цены бы сейчас бабиному «Зингеру» не было! Жалко, что в конце восьмидесятых, когда у машинки не осталось хозяек (бабушка в мир иной ушла, а молодые разъехались по городам), один из родственников, не хочу даже имя его произносить, не то выбросил её, не то на бутылку сменял... Такую память испоганил!

– Да-а... Память... это, наверное, такой же антиквариат, как и та машинка – не каждому дано её сохранить... А машинка долее пятидесяти лет служила нашей семье. И сейчас бы служила, и другой бы не надо. Это вам, современным, сразу с оверлоком подавай, а я и теперь вручную так изнанку обметаю петельчатым швом, краше фабричного получится... Чего только на «Зингере» мы не шили! И фуфайки, и овчинные рукавицы, и свадебные платья после войны. И я тогда, в сорок втором, в Иркутск приехала, как невеста, с приличным приданым.

«Невеста», «Иркутск» - и в памяти молниеносно промчались картины моей студенческой жизни. И сердце заёкало, а в голове закрутилось: я с мамой на временном расстоянии всего в двадцать восемь лет ходила по одним и тем же улицам, бывала в одних и тех же кинотеатрах, театрах, магазинах... Почему тогда меня не волновало это? Почему моя юность жила только собой? Почему не было глубокого интереса, внимания к маминной юности, к тому времени?

... И я слушаю, слушаю, слушаю, по-новому вникая в то, что рядом жило и чуть не прошло стороной.

– А в Иркутске, – продолжала мама, – мне повезло, сразу нашёлся угол – комната на четверых. Я попала к трём однокурсницам. Четыре года мы жили вместе, в доме у бабы Нюры. Адрес помню: Советская, 3. Дом небольшой, комнатка, которую мы снимали, маленькая. В ней едва размещались две, как подростковые, железные кровати, топчан рядом с печкой-буржуйкой, стол, мы за ним и ели, и занимались, умывальник за занавеской и рядом с ним, тоже за занавеской, с двух сторон взятый дощатыми переборками шкаф для одежды, «шкаф-купе», – тепло иронизирует мама.

Собрались мы все домовитые. Привезли из дома кто подушку, кто пикейное покрывало, кто ситцевые весёлые задегушки на маленькое оконце. Кровати мы сдвинули вместе в угол, к самому окну. Спали на них по очереди втроём, а четвёртая, кому выпадал черёд, – на топчане. В освободившийся угол поставили старинную, но добротную тумбу, которая до этого пылилась у бабы Нюры в сенях.

Бабе Нюре было шестьдесят. Мы понимали, что для взрослой женщины это не очень-то и много, но смотрелась она такой же древней, как её тумба. Наверное, потому, решили мы, что жила баба Нюра одними воспоминаниями. Мужа она потеряла в последние дни гражданской войны, а на двух взрослых сыновей получила похорожки почти в первый день Великой Отечественной.

Вообще-то баба Нюра не была одинокой старушкой – в одной ограде с ней в двухэтажном домике жили невестки с детьми, но странное отношение у неё было к ним. Невесток уважала, но жила от них особняком, они тоже лишны раз не мельтешили во дворе. Внуков баба Нюра очень любила, но они, живые, здоровые, «больно царапали сердце», призналась однажды зимой баушка, так мы её со временем звать стали – иногда она приходила в нашу комнату «вечер скоротать». Глядя на внуков, баба Нюра горько вспоминала, что её кровинушки «захованы» где-то на чужбине и никогда уже не подойдут, не скажут: «Ну здравствуй, мамо! Как ты?». Внуки ни при чём, внукам она здоровья желала, но видеть их часто боялась и, чтобы пореже видется с ними, она поэтому круглый год и почти каждый день, несмотря на больные раздутые ноги, пропадала за три улицы у подруги, или вместе они стояли у церкви, или простодыро торчали на рынке, слушая сплетни горожан и торговщиц. Посobie за мужа баушка получала крохотное. Кормилась небольшим огородиком, который к тому же был поделён на три семьи – две другие пайки кормили внуков. Жила баба Нюра экономно, потому-то и брала квартирантов. Мы поначалу думали: «Ну и хозяйка нам досталась!». Но быстро

поняли её безвредность, приспособились к запросам и жили с ней, а между собой и подавно, дружно. Комната маленькая? Так это и лучше – быстрее надышится, теплее станет. К тому же, с домашними украшениями: задержушками, покрывалом, дмоткаными полосатыми половиками, кружевными салфетками и салфеточками – она казалась нам не просто уютной, а родной.

Собрался нас целый интернационал. Зоя – татарочка, из-под Заларей. Ципилма – буряточка, из Усть-Уды. Зухра – таджичка, из Черембаса. И я – русская, из Касьяновки. Мы жили коммуной. Практически в столицу Сибири приехали не из далёкого-далёка, а, можно сказать, из-под самого Иркутска. Продукты, богатые по тем временам, привезли (и потом подвозили) в достатке. Но почему-то нам всегда страшно хотелось есть. Мешка картошки (а мешки те, ты должна помнить, намного больше нынешних) едва хватало на месяц. Не с чем было варить суп. Солонину из дома притащили, готовили шурпу. В чугунке поджаривали сало с луком-репкой, потом наливали туда воду и засыпали печку, долго варили. Получался густой наваристый бульон. И ведь вкусно было! – уверяет помолодевшая мама. – Натрескаешься этой жижи с хлебом и спать можно ложиться, тогда уж точно кишки наши ночью не будут переговариваться друг с другом.

Мама, словно вспоминая ещё что-то важное, отстранённо оглядывает наш стол, накаливает домашнюю котлету, задумывается на время, кладёт её обратно в тарелку и, словно вот-вот кинется в бой, констатирует:

– Да, шурпа да щи пустые основной нашей едой были – мяса из дома редко и совсем немного перепадало. Да, мы почти постоянно хотели есть, но не тужили. Нам не хватало денег, но мы не обращали внимания на это. Война! Не ныли. Жили маленьким сплочённым коллективом. И основную массу людей война сплотила в крепкий добрый костяк, нигде не было чужих. Люди жили как бы одной огромной семьёй, где всем и до всех есть дело. Равнодушных не было. Но и швали, как вшей, повылезло порядком.

– А при чём здесь эти кровососы?

– А я тебе случай из детства расскажу. Это ещё там, в Тугуше, было. От нас недалеко дедушка жил. Былой лихой рубака, участник гражданской войны, часто хворал – не давали покоя, болели раны. Занемог он однажды сильнее обычного, слёг надолго. Ну, думали все, отходит дед, а он вдруг среди недели говорит жене: «Истопи-ка, старая, ты мне баньку. Что-то кости ноют, всё тело зудит, как огнём горит, – мочи нет никакой терпеть!». Жена сразу же, не дожидаясь субботы, баню натопила, повела старика своего, он разделся, она в ужасе благим матом заорала: вся спина старика была покрыта грязной шевелящейся массой. Вши! Чего греха таить: вши в деревнях водились, как зловредный атрибут. Их травили дустом, щёлоком, огнём, паром; они же, кровопийцы, появлялись снова и снова, но даже закалённый деревенский дух женщины такое количество повергло в ужас. А дедушка, и правда, умер вскоре – они, говорят, на изболевшем теле из-под кожи лезут.

Вот и ту шваль, что повылазила тогда в Иркутске, я реально сравниваю с шевелящейся серой кровососущей массой на теле страны. И люди, нормальные люди, во избежание неприятностей, ходили в основном группами. Мы тоже – везде вчетвером. Быстро у нас появились и друзья – защитники, если что. Как-то, ещё на первом курсе, перед ноябрьскими праздниками, я задержалась на репетиции – в институтской самостоятельности пела. Подружки не дождались, умчались с провожатыми домой. Мне пришлось возвращаться одной и по темноте. Зима в тот год пришла рано. В первых числах ноября стояли морозы под 25-30 градусов. К ночи и того крепче. Я – далеко не в зимних, хоть и утеплённых, ботинках (так назывались длинные ботинки с кнопками по бокам, сшитые до щиколотки из толстой бычьей кожи, а выше – из добротного войлока), в плюшевой на ватине жакетке, в длинной юбке из шерстянки и в одних фильдекосовых чулках – быстро замёрзла. Чувствовала, что колени вот-вот начнут звенеть. Решила сократить путь, свернула с улицы Карла Маркса в малоизвестный тёмный переулок. Переулок был пустым, это меня успокаивало, но всё равно, хоть и не трусиха, я постоянно оглядывалась и шептала под нос «Отче наш». Никогда не была страстно верующей, но и абсолютной безбожницей себя не считаю. Молитвы знала, иногда и в церковь ходила. С молитвой между чёрных глухих домов в лихое время бежать было спокойнее. Я уже видела в темноте конец переулка, и вдруг передо мной как из-под земли, вернее из сугроба, – мужик: «Куда спешишь, деваха? Дай-ка мне твой ридикюль посмотреть!». «Ридикюль» этот я сшила сама из лоскутов тёмно-синего сукна, что остались от шахтёрской тужурки. Сумка получилась гарная: с кармашками, ручками крепкими, не отличишь от фабричных, с молнией, большим тогда дефицитом. И лежали-то в ней учебники, тетради да медяки на дорогу. «Денег не найдёт, озверееет, ещё и убить может!» – мелькнула мысль. От страха я так и пристыла к месту. Вечность или секунды прошли с момента, как протянула ворюге или бандиту сумку? И сейчас не скажу. Тот успел расстегнуть, матерясь, молнию, и тут я во всю глотку, словно иерихонская труба, заорала, глядя ему за спину, да ещё отчаянно замахала рукой: «Дяденька милиционер, скорей сюда! Помогите! Грабят!». У верзилы, ошалевшего то ли от оглушающего рёва над самым его ухом, то ли от страха (милиционеров шваль боялась), я выхватила сумку – и только меня и видели. Милиционера и в помине там не было. И погони за мной почему-то не было, но я бежала, не останавливаясь, ещё около километра, пока не оказалась в своей комнатке. Товарки как раз сидели за столом, хлебали горячую шурпу. Как на фотокарточке, застыли с открытыми ртами, когда, не слыша скрипа жалитки, лая Найды, они увидели на пороге меня бледную (это с мороза-то!), как привидение... Много было всяких случаев в моей жизни, но такой страшный – один. По-настоящему испугались за меня и мои соседки по комнате, и долго не могли уснуть: каждая представляла, что она бы сделала, случись с ней такое. После мы, а тем более я, никогда никуда не ходили по одиночке.

Зоя, Ципилма, Зухра, я. Вместе мы, такие разные, но и чем-то похожие. Учёба стояла на первом месте, но старались мы и не пропустить ни одного кинофильма в «Художественном», ни

одного концерта, где бы он ни шёл. В Иркутске культурная жизнь не зачахла! Успевали мы и на спектакли в драмтеатре, и на дежурства в госпитале. Но самое любимое для нас было – разные встречи в Доме офицеров. И танцы после. Попадал туда далеко не каждый встречный-поперечный.

Первый раз я очутилась в Доме офицеров как раз на те ноябрьские праздники, репетиция перед которыми чуть не стоила мне жизни. Я в праздничном концерте исполняла сольные песни «Катюша» и «Вставай, страна огромная». И это были те праздники, когда моё исполнение на сцене большого легендарного зала встретили стоя и отблагодарили громом аплодисментов, а вторую песню, так же стоя, пел вместе со мной весь зал. Это был тот год, тот день, когда... Нет, надо по порядку.

Я так волновалась, когда пела, что даже не слышала себя. Программа была большая и сборная: кроме нашего, выступали студенты других институтов и работники каких-то предприятий. Я же ничего не видела, не сопереживала выступающим – была в состоянии мандража. И после концерта, как последняя трусиха, чуть не убежала домой, но что-то меня остановило. Я стояла в стороне от танцующих. Одна. В голове шум. Перед глазами пелена. Вдруг, словно раздвигая широкими плечами эту пелену, в светлом контуре появляется невысокий парень. Я чётко вижу его. Вот он приближается...

Ничего подобного ни к одному я прежде не испытывала. В один миг обдало меня жаром от косы вокруг головы до пальцев в скромных туфельках. Ну да, увивались за мной хлопцы, не оставляли без внимания, провожали, были и такие, что пытались покрепче стиснуть во время танца. Я отшучивалась, держала дистанцию. Ни разу не посмотрела с тоской вслед провожатому, не ёкнуло навстречу кому-нибудь сердце. Даже к тому парню у колодца такого не было. А тут показалось, выпрыгнуло оно из груди и рванулось навстречу незнакомцу, и не красавцу вовсе. Я обомлела. И так себя не чувствовала, а тут и совсем как провалилась куда-то, не могла понять, где я и что со мной. А он стоит уже рядом: «Катя, можно пригласить вас на вальс?». Оказывается, я – на танцах. Но где? Я смотрела, не отрываясь, в глаза парня и увидела: они синие-синие, как небо безоблачным бабьим летом. Оцепенение проходило трудно. Кто-то внутри меня шепнул: «Ну совсем одурела девка! Ты хоть что-нибудь ответь. Что он о тебе подумает?». С трудом разлепляя губы, я тихо и почему-то хрипло ответила: «Можно».

Дальше моя жизнь закружилась красивым венским вальсом на три с половиной года. Ни далёкая война, ни раненые в госпиталах, ни пайки по карточкам, грабежи, разбой, эвакуированные, ни какие другие проблемы голодающей страны и рядом – ничто не мешало моему эгоистичному счастью.

Виктор оказался студентом третьего курса технического ВУЗа. Времени свободного у него так же, как у меня, почти не было. Кроме учёбы – спорт, работа на заводе. И всё равно редко, но мы встречались, ходили в кино, на спектакли, танцы. Как-то летом, через год и восемь месяцев после нашего знакомства, мы с группой студентов поехали на Байкал на несколько дней. Ночевали где как придётся. В домик ли кто пустит, шалаш ли парни соорудят, а то и прямо под открытым небом, но всегда – костёр, песни, смешные истории. И везде Виктор рядом. Руку подаст, поддержит на трудной тропе. А прошли мы тогда много километров. Завернули и на Мысовую, в родной дом Виктора. Что Виктор про меня родителям сказал, осталось тайной – он так и не открылся. Но я постоянно ловила на себе любопытный и тёплый взгляд его матери. Я смущалась, краснела. Отношения наши мы не обнародовали, но окружающие без пояснений всё видели. Я даже слышала шепотки за спиной: «Надо же, в стране война, а у них – любовь. Они – в этой жизни, и – вне её. Виду не показывают, но смотрятся как две руки одного тела».

Я заканчивала третий курс, а Виктор – институт. Скоро получит диплом. Выпускника оставляли работать на военном заводе. Виктор и учился от завода, поэтому не попал на фронт. В конце апреля он на смелился и признался мне в любви, позвал замуж. Я была безоблачно счастлива. Согласилась. На майские праздники мы поехали в Касьяновку – Виктор желал по традиции просить руки у моих родителей. Они знали о приезде жениха – я успела письмо им отправить. Жениха, ну и меня естественно, встретили честь-честью, хлебосольно. Обмозговали условия свадьбы, где и как гулять будем. Получалось, в Касьяновке – младших моих братишек и сестрёнку одних не оставишь и в Мысовую не повезёшь. Не оставишь и у родни – там своих полно. «Но свадьбу играть будем через год, – рубанул отец рукой воздух, – когда Катюша учёбу закончит! Зря что ли я на неё три года тянул? Чтоб она сейчас взамуж выскочила, ребятёнка родила и вся учёба – псу под хвост!» Виктор, без сомнения, очаровал моих родителей. Мы, жених и невеста, вернулись в Иркутск и счастливые, и расстроенные – целый год ждать!

А через неделю свершился оглушающе счастливый день – День Победы! Люди все до единого высыпали на улицы. Знакомые, незнакомые очумело обнимали друг друга, целовались, плакали и смеялись одновременно. Радостное возбуждение гуляло в народе весь день, вечер, всю ночь и много ещё дней подряд. Мы с Виктором попали в разные водовороты людского ликования. Встретились через несколько дней. Виктор привёл в своё общежитие. Оно гудело и гуляло, словно на древнерусском пиру. Вскоре соседи Виктора, набившиеся в комнату, как кильки в банку, – непонятно кто где сидел, стараясь протиснуться к общему столу, – вдруг заорали: «Горько!» Я от стыда готова была под пол провалиться, но мне столько пришлось в те дни принародно целоваться с незнакомыми людьми, что махнула рукой на приличия, суровое воспитание, поднялась вслед за Виктором и всласть целовалась с любимым под свадебные крики. Я быстро захмелела от выпитого, от щемящих поцелуев. Под утро незаметно мы в комнате остались одни. Необычность происходящего, жар тела, которое не слушалось меня, страстные ласки жениха, едва не довели до греха. Великая радость страны чуть не совратила меня. Последним усилием воли я сумела оттолкнуть Виктора и твёрдо сказала: «Нет! Только после свадьбы!» Виктор даже обиделся: «Ну мы же всё равно поженимся!» После я как-то побаивалась оставаться с ним один на один.

В конце июня меня отправили на практику в далёкий Орск. Каждый день оттуда я писала Виктору письма, и в прозе, и в стихах. Очень часто по одному или пачкой получала от него.

Вернулась в Иркутск осенью. Виктор встречал на вокзале, светился радостью, не мог на меня надыхаться, но прятал глаза. Я почувствовала: с ним что-то неладное, как будто он в чём-то виноват передо мной. На вопросы толком не отвечал, отшучивался или уводил разговор в сторону.

... Ноябрьский праздник опять стал поворотным днём в моей судьбе. В заводском клубе во время танца к нам подбежала рыжеволосая Томка, соседка Виктора по общежитию. Учётчица. «Витёк, ты совсем забыл меня. Больше месяца не заходишь, а я соскучилась». Вот и проявилось «что-то неладное с ним»... Виктор покраснел, набычил голову, буркнул: «Некогда». Это было последнее, что я запомнила из того вечера, и это был последний вечер, когда он видел меня. Я потом и сама удивлялась, как смогла почти год избегать с ним встреч, а караулил он меня безбожно.

До меня доходили слухи, что он тяжело переживал моё отчуждение. Не на шутку запил. Однажды в безобразно пьяном виде пришёл к нам, я успела спрятаться на половине бабы Нюры, и начал, не стесняясь, рассказывать, а скорее оправдываться, как у него получилось, что он изменил мне: «Я сильно тосковал по Катюхе, пока она была в Орске. Томка как-то, когда мне стало особенно грустно, попросила патрон посмотреть – лампочка почему-то не загоралась. Я зашёл. Томка в комнате была одна, и пока я ладил патрон, она успела картошку, кильку и бутылку на стол поставить: «Спасибо, Витёк! А то без света страшно. Вот, поужинай со мной, про Катюху свою расскажи». Ну я и растаял, и как оказался у неё в постели, не помню. Одно точно знаю: мне в тот момент казалось, что я, наконец-то, со своей любимой Катей-Катенькой. А Томка, оказывается, по непонятной злости на наше счастье, давно себе поклялась отбить меня у моей Катеньки. Томка сама вчера проболталась об этом девчатам по комнате, а они обозлились на неё за её сучью натуру и мне доложили, вот я и пришёл к вам. Помогите увидеться с Катей, пусть простит меня», – изливал душу моим подругам Виктор. А я, как мышка сидела за перегородкой у бабы Нюры, слушала и только малюсенькая часть моего сердца пожалела Виктора. В основном же к тому моменту я чувствовала себя покойницей – настолько болезненно много месяцев истребляла в себе предательство любимого.

– О Господи, мама! Я думала, что в твоё время измен не было, а они, оказывается, почти по одному сценарию случаются со дня сотворения мира... Мама, мама, и ты прошла через это! С твоим-то характером, праведным воспитанием... Как же потом в себя пришла?

– Ушла с головой в учёбу. Почти каждое воскресенье ездила домой, помогала маме по дому, в огороде.

– А как они отнеслись, что свадьба расстроилась? Ты им сказала почему?

– Нет, не сказала. Только предупредила, что свадьбы не будет... Мама пожалела: «Мобуть, наладится? Молодые часто ссорятся. Хлопец-то он работающий», а папа заявил: «Она у нас тоже не лежебока. И головастая. Ей видней, как быть». Папина вера в мою рассудительность укрепила мою силу воли и то, что я правильно решила не прощать предательство.

– А дальше-то что?

– Дальше... Дальше закончился четвёртый курс, я получила диплом. Попросила отправить меня на работу в Орск, где проходила практику. Подальше от Виктора. В августе, сидя в поезде, я дала себе слово, что выйду замуж за первого, кто меня позовёт, и кто будет хоть чуточку нравиться. Таким в скором времени оказался Андрей. Высокий видный фронтовик. Коммунист, партийный работник. Буквально на третьей встрече он сказал, что влюбился с первого взгляда, раз и навсегда. А увидел он меня на уроке географии, в вечерней школе, я по совместительству работала там. Как партийного работника с образованием семь классов его обязали получить полное среднее образование. В первый же вечер Андрей пошёл провожать, рассказывал о себе, о своей почти сиротской судьбе. Теперь-то мы все знаем, что остался он без отца, без матери, они рано ушли из жизни, и с пяти-шести лет лишним ртом жил по очереди у тёток и старших сестёр, а тогда, слушая впервые, я пожалела его. А женская жалость, сама знаешь, сильнее любви. И когда он через неделю заговорил о своих чувствах, о том, что будет верным, хорошим мужем, и рассказал, какую семью всеми силами постарается создать, он был уже небезразличен мне и, к тому же я подумала: «Серьёзный, значит надёжный».

– Да, он был у нас надёжным отцом! И ты для него была «светом в окошке». Он это при любом удобном случае говорил.

– «Свет в окошке»... Да, других женщин для него не существовало. По работе ему без меня приходилось бывать на банкетах, совещаниях, в разъездах. Всегда вокруг него вертелось много женщин. Знаю, были очень настойчивые... Но они все для него – не больше чем товарищи по работе, сослуживицы. «Свет в окошке»... Из-за сумасшедшей любви он и ревновал меня по сумасшедшему. Работа, дом. И ни шагу в сторону. А меня постоянно во всякие комиссии, советы выбирали. Классное руководство тоже много времени после работы отнимало. Да что об этом снова вспоминать? Всё вы знаете. Обидно было слушать и терпеть его напраслину. Особенно больно было то, что петь на школьной праздничной сцене не давал. Вернее, давал, сидел в зале и гордился «своей талантливой Катюхой», а дома потом мне концерт устраивал: кто из мужчин и как на меня посмотрел, кому я улыбнулась, с кем особенно весело разговаривала и тэ дэ, и тэ пэ.

– Ой, мама, давай не будем об этом. Тем более, днём за столом многие упоминали его ревнивый характер. Только ты, сильная и мудрая, могла осаживать его ревность.

– Скажешь тоже! Могла... Да мне иногда убить его хотелось или убежать куда глаза глядят от напрасных злых упреков, обвинений, ругательств. И только в эти три вдовьих года, только сейчас поняла, что, по сути, прикипела к нему всеми клеточками... Господи, как мне его не хватает!

– Мама, мама, мама, стоп! Не надо! Плакать... не надо... А правда, что тебя в Москву в консерваторию звали?

– Вспомнила... Ну, звали.

– А как это было?

– Как, как... – мама промокает глаза кухонным полотенцем, снова теплеет взглядом, лицом и, словно ненароком, вскользь, вроде как о чём-то незначительном, неважном, но, чувствуется, с гордостью, что и такое было в её жизни многогранной, как узоры в калейдоскопе, где чёрные пятнышки закрываются яркими, необычайно красивыми цветами, начинает вспоминать:

– Было это на пятидесятую годовщину Великой Октябрьской революции... Слушай, Таня, а я вот сказала и только сейчас заметила: опять ноябрьские праздники, и опять – судьбоносный случай. Надо будет повспоминать, что ещё у меня из ряда вон случалось в жизни седьмого ноября. Да, да, будет мысли теперь чем заняться...

– И мне потом будет о чём рассказать. Ладно? А судьбоносный случай на пятидесятую годовщину это – что?

– А у нас тогда в Братске проходил смотр самодеятельности среди производственных коллективов, ну, и педагогических, разумеется. Мы полгода к нему готовились. У меня – опять сольное пение. Я исполняла тяжёлую для вокала «Песню о Днепре». Кстати, любимая песня Андрея.

– Знаю. Тоже люблю её. У вас, да и у нас, ни одно застолье без неё не обходилось. Сейчас почти не поём. Не с кем, да и голос сел. А у тебя, мама, он и сейчас молодой, певучий, раздольный, сильный.

– Да нет, уже не то. Вот тогда я действительно была на взлёте. Очень долго аплодировали. И опять слушали стоя. Аккомпанировала мне на аккордеоне учительница пения Альбина Иосифовна. А в комиссии дядька сидел... э-э, как его? Нет, фамилию-отчество уже не вспомню, а ведь отлично знала... Он ездил по Иркутской области, отбирал вокальные таланты. Подошёл ко мне прямо за кулисы, я ещё от волнения отойти не успела, а он с предложением: «Вам надо непременно поехать учиться в Московскую консерваторию». Пророчил блестящее будущее, известность, пенял, что зарываю талант. Говорил, что его поразило необычное созвучие моего голоса и аккордеона, что такое он впервые слышит... А, много чего говорил. Ажиотаж в коллективе и среди знакомых долго не утихал по поводу меня: уеду, не уеду (Москва!), надо, не надо ехать, лет-то не двадцать, поздно уже, а там ещё на инструментах учиться, азбуку нотную изучать, песни по нотам понимать... Отец ваш ни в какую не отпускал... хотя вы уже большие, Серёжке и то двенадцать. Искушение было велико. Наверное, рассудок победил: «Если б после института такое случилось, а теперь – нет». Кондовые устои верх взяли: ты – жена, мать. При них тебе суждено быть! При муже и детях. Вот и всё. Вот и вся моя карьера певички.

– Мама, вот ты сказала: «Если б после института такое случилось...» А что с Виктором стало, случайно не слышала?

– Опять ты мне, Татьяна, душу бередишь.

– Прости. Больно? Или не знаешь?.. Ну, не хочешь, не говори.

– Да ладно уж! Перегорело... Мы с папкой вашим, с тобой и Геной, вам по три и два было, жили в Черемхово, Андрея туда замполитом в ФЗО из Касьяновского детдома перевели. Я в школе работала. Виктор появился. Прямо на уроке в класс заглянул. Нашёл! Дождался после работы, не отпускал меня, уговаривал бросить мужа: «Жить без тебя не могу! Всюду тебя вижу»... Томка ведь не отпустила его, затяжелела; женился он и... запил. Беспробудно. Работу инженера потерял. Работал где-то слесарем. Потом понял, что дошёл до ручки, бросил семью, а тогда косо на таких смотрели... Пережил Виктор это. Стал в себя приходиться и решил найти меня, попробовать «вернуть своё счастье»... Наша встреча с ним была первой после Иркутска и последней. Я не интересовалась никогда, не соприкасалась ни с кем, кто бы мог что-то про него рассказать, да и не надо мне это. Отрезала, переболела и – забыла! Не было! И венского вальса среди войны с ним не было! Ушёл он расстроенный, но и успокоенный, на прощанье сказал: «Буду искать похожую на тебя, Катюша. Красивую. Добрую. Верную. Как найду, женюсь навсегда. А ты будь счастлива!».

Братск. 2003 год

Эта дата стоит в самом конце листочка под номером 14. Четырнадцать пожелтевших листов, нарезанных из тонких предвыборных плакатов, исписанных на «белой» стороне поспешным полупонятным почерком. Не оказалось здесь, в Ангарске, под рукой ни нормальной бумаги, ни тетрадок, и компьютером тогда ещё не обзавелась, а желание переписать из братской тетрадки по свежим впечатлениям сразу с дороги весь разговор с мамой было страстным. Вот и пригодились плакаты-агитки, в невероятных количествах разнесённые по подъездам. Не следила за политической историей области, но, по-моему, ничего особенно полезного для Сибири не продвинул в законодательном собрании тот, всё-таки выбранный, депутат, дарящий надежду с плаката. А записанная на нём мамина история – это частица истории не только Сибири, но и всей нашей Родины. Отчасти, история моих родных, и таких, как они, верных человеческим принципам. История многих женщин, красивых, добрых, сильных, верных сердцем семье, отчему краю.

Читаю, перечитываю, живу там, в Братске, вспоминаю...

2003-й. Три года, как не было с нами папы, Белявского Андрея Григорьевича. Ветерана, орденосца, Человека, верного истинным идеалам коммунизма: всё – для народа. Обычного мужчины с какими-то слабостями, недостатками, но мужа и отца, готового как на фронте противостоять тем, кто угрожал бы здоровью или жизни жены и детей.

2020-й. Скоро три года, как нет тебя, родная моя, необыкновенная мама. Белявская Екатерина Фёдоровна. Настоящая хозяйка, рядовая учительница, сорок два года верно отдавшая педагогическому делу. Мама, незаметно, исподволь, но прямо в ум и сердце, вживляющая понятия совести, чести, милосердия. И я так же, как ты тогда тосковала по папе, винила себя, что мало жалела его, мало уступала, доказывая свой негибемый характер, тоскую теперь по тебе, виню себя в том, что мало любила тебя, мало заботилась. И, если честно, не всегда понимала. Прости.

Оксана СОСНИНА

г. Можга, Удмуртская Республика

Соснина Оксана Геннадьевна – филолог (факультет романо-германской филологии). Публиковалась в литературных журналах «Луч», «Территория жизни», «Инвожо» (Ижевск), «Причал» (Ярославль), «Преображение» (Москва) и ряде детских журналов: «Путеводная звёздочка» (Москва), «Рюкзачок» (Минск), «Радуга» (Сыктывкар). Автор книг «Паутинки лета» и «Имён серебряные звуки», а также учебников для детей «Английский выучу шутя», «Английский выучу шутя – 2» и др. Лауреат и дипломант ряда российских литературных конкурсов, в том числе и переводческих – Благовещенск–2021 (призёр в номинации «Профессиональ»). Руководитель детско-юношеского литературного клуба «Инвистёнок», участник Фестиваля переводчиков национальных литератур (Переделкино, 2022), Пятигорской литературной резиденции АСПИ (2022), молодёжного съезда Совета молодых литераторов СП России (Химки, 2023) и XVI съезда Союза писателей России (Москва, 2023).

Гармоника маленькой Эвы

(грустная мелодия, напетая губной гармошкой)

В бабушкину комнату я вхожу чуть дыша: вдруг бабушка спит... Подхожу к старому комоду, покрытому белой накрахмаленной салфеткой, которую она связала сама, и начинаю с любопытством разглядывать старинные вещи, стоящие здесь. Оглядываюсь торопливо: бабушка прикрыла глаза, сложила руки на груди и едва слышно дышит. Зеркало в широкой раме, резная коричневая шкатулка из дерева, очки с перебинтованными лейкопластырем дужками, старые фотографии, газеты... Много всего, что интересно и непонятно мне, подростку. Шкатулка давным-давно привлекла моё внимание, а спросить у бабушки, что в ней лежит, стесняюсь... Беру в руки, стараясь не шуметь, небольшую тёмного дерева коробочку, разглядываю...

– Посмотри, что в ней, внученька, – вдруг произносит бабушка, приоткрыв глаза. Оказывается, она уже бог знает сколько времени не спит и внимательно наблюдает за мной. Сон у неё чуткий. А я, очарованная сокровищами на старом комоду, даже не заметила её пробуждения.

Открываю шкатулку, повернув ключик, который торчит тут же в замочной скважине. Старые, потрёпанные временем документы, а под ними какой-то непонятный металлический предмет с десятью дырочками...

– Что это? – удивлена я.

– А вот это – моя любимица. Немецкая губная гармошка, я называю её «Эва», по имени маленькой девочки, её бывшей владелицы... И я когда-то была такой как она. Ты знаешь, сколько этому «сокровищу» лет? – спрашивает, загадочно улыбаясь, бабушка. Она не требует от меня никакого ответа. А, выждав минуту, продолжает рассказывать:

– Когда я была совсем юной, как ты сейчас, мне подарил её немецкий солдат, выменял у меня на хлеб и молоко, если можно так сказать. В те годы, внученька, шла война, есть было нечего, а у нас каким-то чудом сохранилась тощая коза, дававшая негустое молоко. Молоко это, больше похожее на забеленную воду, не было ни особенно вкусным, ни тем более полезным, но без него нам бы совсем худо было. А ещё мы пекли хлеб наполовину из лебеды. Собирали в огороде траву, перемешивали её с зерном, толкли в ступке и из получившейся буро-зелёной массы пекли горький хлеб. Жили мы рядом со школой. А в конце войны прибыл в наш городок эшелон с немецкими военнопленными. Их, сплошь раненых да больных, разместили в госпитале, который открыли тут же, в школе. Мы в те годы почти не учились – учить некому было: все учителя на фронт ушли, кто по призыву, кто добровольцем. Вот школа пустая и стояла. Немцев разместили в классах, в коридорах и даже в спортивном зале... Кого покрепче погнали на работу – пруд городской рыть, кто послабее – в госпитале раны залечивал...

А нам, детям, любопытно было, какие они, фашисты, мы и бегали на них смотреть. С виду некоторые даже симпатичные, и молодые, и среднего возраста были. Хоть немецкий язык мы плохо знали, но общаться общались, где жестами, где глазами да улыбками... Глядели мы на них из-за забора, а подходить боялись: у самих папки на фронте воевали, а некоторым даже похорошки на отцов пришли. Ненавидели мы их, но любопытство верх брало.

Смотрю: солдат один, и не молодой, и не старый, среднего возраста, так мне улыбнулся, поманил пальцем, сам к забору поближе подошёл и говорит мне что-то, улыбается. Я, конечно, ничего не поняла, кроме слова «Mädchen», «девочка» по-нашему значит. Но гляжу на него во все глаза, понять его пытаюсь. А он руку ко рту поднёс, губами причмокнул, дескать кушать хочу... Но что, думаю, я ему дам, сами полуголодные бегаем. А у мамки спросить, ещё чего доброго выпорет и к госпиталю больше не подпустит. Небогатые мы были на еду в то время. Помотала в ответ головой: нету, мол, еды, звиняйте. Убежали мы с ребятами домой. А дома работы много: траву Машке, козе нашей, заготовить, в огороде прополоть, лебеды для хлеба набрать... Да бабушка всё читать меня заставляла: сама-то слаба глазами стала, не видела почти ничего. Вот я и читала ей ещё.

В общем, забыла я про немцев на неделю, не ходила больше к школе. Вспомнила только, когда мать отпустила побегать с ребятами, от работы домашней отдохнуть и от чтения с бабкой. Ну и побежали мы сразу в школу-госпиталь, новости узнать, на немцев посмотреть. Из-за забора выглядываем, к нам нянечка идёт, та, что пленных выхаживает.

«Ритка, – кричит она мне, а «твой»-то всё про тебя спрашивал. Звал «Mädchen, Mädchen». А я запомнила тогда, что это он тебя так называл. Не встаёт, совсем занемог. Зайди к нему, пусть посмотрит на тебя хоть, может, в последний раз. Идём, провожу».

И я пошла с ней. Идём длинными школьными коридорами, двери в классах открыты. И вижу: где раньше парты наши стояли – нынче кровати с ранеными. Всюду слышится чужая речь, стоны, плач и

даже тихий смех... Поднимаемся на второй этаж, заходим в один из классов. Кровать «моего» немца у окна стояла. Глянула я, а он лежит такой худой-худой и в потолок смотрит. Словно уже одной ногой на том свете – взгляд отрешённый. На нас он внимания и не обращает вовсе. А мне хотелось, чтобы он посмотрел на меня, узнал и улыбнулся. Я сказала только одно слово – «Mädchen». Услышав мой голос, немец очень медленно перевёл взгляд с потолка на меня, узнал. А вот улыбнуться у него уже силы не было. И я подумала, возьму-ка я из дому незаметно лепёшку из лебеды да кружку козьего молока, он вылезется и улыбнётся мне, а потом уедет домой, в свою Германию.

«Сейчас, миленький, не умирай только! Прошу тебя – не умирай!» – крикнула я и понеслась со всех ног домой.

«Чего несёшься как оглашенная? Откуда ты такая бешеная? Что случилось-то?» – засыпала меня вопросами бабка. «Некогда, ба, потом расскажу», – успела крикнуть я и бегом на кухню.

Налила из кувшина козьего молока в кружку, схватила лепёшку – и к воротам... Не расплескать, успеть, успеть, чтобы дядечка немец не помер.

Успела я и в этот день, и на следующий. И ещё неделю к нему ходила, молоком его отпаивала. Домашним говорила, что аппетит у меня хороший оттого, что расту. Повеселел даже «мой», хоть и слаб был очень. А в один из дней поманил меня к себе рукой, велел закрыть глаза... А сам что-то положил в мою маленькую ладошку... Так не терпелось скорее посмотреть, что там!

Это был плоский металлический предмет с десятью дырочками. Увидев моё недоуменное лицо, дескать, что мол это такое, немец улыбнулся, взял его с моей ладони и поднёс к губам. Медленно-медленно, очень осторожно передвигая музыкальный инструмент вдоль своих губ, заиграл тихую и грустную мелодию. Вообще-то это была немецкая народная песенка «Ах, мой милый Августин...», веселая и простая, но у «моего» немца она получалась другой – щемяще-тоскливой. Губная гармошка. От его игры на ней у меня сжалось сердце и, чтобы не расплакаться, я убежала домой.

И тут бабушка замолчала на какое-то мгновение. Видно в мыслях уносились туда, в своё военное детство.

– А что же было дальше, ну же, бабушка, расскажи! – торопила её я, так хотелось побыстрее узнать, чем же закончилась эта история. – Уехал он к себе домой?

– Нет, не уехал. Поблагодарила я «своего» немца кивком головы и убежала домой, где ещё какое-то время прятала гармошку в чулане, никому про неё не рассказывала, думала, что отберут её у меня и выбросят. И опять какое-то время в госпиталь не ходила. А когда пришла, обнаружила пустую кровать, застеленную чистой белой простыней... На немой вопрос, застывший у меня в глазах, пожилая нянечка ответила: «Отмучался нынче ночью «твой», упокой его душу, Господи... Плохо ему было, в горячке он всё имя «Эва» повторял, дочка это его, видно. Вот, смотри, карточка у него осталась, на ней девочка, как ты почти, такая же светлая, с косичками. Может и на губной гармошке ей песни играл. И в тебе свою Эву видел. Коли надо, заberi себе карточку эту, а то пропадёт, жалко. А так хоть память о человеке у кого останется!

Убежала я тогда домой с полными от слёз глазами, наревелась в чулане, пока никто не видел... Только время раны лечит. А фотографию Эвы и губную гармошку храню.

И тут бабушка достала из шкатулки старенькое выцветшее фото. С него озорными глазами бабушки Риты смотрела на меня немецкая девочка.

Валерия АННЕНКОВА

г. Владивосток

Анненкова Валерия Денисовна. Родилась 19 августа 2001 года в с. Хороль Хорольского округа Приморского края. В 2019 году окончила среднюю общеобразовательную школу № 1 им. В. М. Пучковой. Во время обучения посещала юридический класс в Детском образовательном центре «Отечество». В настоящее время является студентом юридического факультета Владивостокского государственного университета. С ноября 2021 года работает в ОМВД России по Хорольскому округу в должности старшего инспектора группы информационного обеспечения. С 15 лет занимается литературным творчеством: пишет стихи, рассказы. Публиковалась на интернет-платформах «Книга фанфиков», «Ruflna», «ЛитРес». Лауреат ряда краевых и всероссийских литературных конкурсов. Увлекается портретной живописью и анатомическим рисунком в технике угольная графика.

О чём поёт океан?

Рассказ

Ночь невидимой паутинкой оплетает город, щедро рассыпая по темному небосводу серебряные искры, так похожие на августовскую росу. Их блеск напоминает о детстве. До боли, почти до беззвучного хруста, где-то меж рёбер, там, где подобно трепету крыльев резвой белой чайки бьётся сердце. А ведь уже начало осени и роса уже не такая сверкающая. Да и многое уже не такое, как в детстве.

Вода в чайнике закипает быстро, оглушающим с бульканьем возвращает к реальности, прогоняя жужжащие в голове мысли. Завтра волейбол. Она не может предать. Ни себя! Ни команду! Ни страну! Назад пути нет, только вперед!

Усталый вздох. Скорее, даже болезненный. Осталось меньше суток до чемпионата – на душе неспокойно. Девушка, вновь поправляя выбившийся из небрежной причёски светло-русый

локон, в сотый раз быстрыми шагами обходит небольшой столик, а через мгновение – бессильно опускается в кресло. Бросает дрожащий от слез взор на стол, где лежит недоеденное пян-се. Тонкую ленту бледно-розовых губ пронзает судорожная улыбка. Она их редко ест: не положено по рационау, нет времени сбегать за ними в перерыве между тренировками. Но не сегодня.

Дедушка. Он так любил эти паровые пирожочки, что согривали его и без того всегда теплые, расцелованные солнцем смуглые руки осенним утром, беспощадно скованным цепями владивостокского тумана. Он всегда покупал два пирожка. Себе и ей. Даже, когда она говорила, что не хочет завтракать, он брал два, зная, что через час-другой она проголодается. Даже, тем мрачным, последним утром год назад, когда ему едва хватало сил, чтобы идти, а не волочить ноги, он не изменял своей традиции.

Разбудил рано. Часов в пять утра, сказал собираться, но не брать с собой тяжёлую сумку, ибо «морю много не надо». Позже – купил пян-се и попросил соседа отвезти в место, о котором вчера договаривались. Неспешными шагами прошёл вслед за внучкой, покидая темную и тесную, словно большой спичечный коробок для людей, прихожую. Медленно, сдерживая трепет непослушных костлявых рук, дважды повернул ключ в замочной скважине и вышел из подъезда.

Всю дорогу смотрел в окно на свинцовое августовское небо, иногда отвлекаясь на старые карманные часы, будто с ужасом ожидая, когда же лента отмеренного ему времени оборвётся. Спешить было куда.

Место она узнала сразу – мыс Тобизина. В последний раз они были там пол её жизни назад, когда она девочкой девяти лет беззаботно бегала в густой зелёной траве, то и дело останавливаясь и осторожно приближаясь к краю, чтобы посмотреть на изумрудные ленты шумного моря. Тогда скалы казались такими огромными, словно великаны из мифов и сказок. Теперь всё по-другому, только море всё такое же лазурное и шумное, будто полное жизни и юности, несмотря на пронёсшиеся под палёным солнцем сотни, тысячи лет. Только почему?

Шли долго. Местами дедушка останавливался, чтобы отдышаться, потом – вовсе присел на камень, достал из старого темно-болотного рюкзака контейнер с пян-се, протянув один внучке.

– Знаешь почему я всё это устроил? – спросил он своим тихим голосом и, встретив ответ в форме пожатия плечами, улыбнулся. – Через год ты поедешь на чемпионат, бельчонок!

Он всегда её так называл. Очень она напоминала ему бельчонок, которого дедушка встретил в период отдыха в санатории «Шмаковка». Такая же резвая и любопытная с детства.

– Деда, ну ты чего? – встрепелась девушка. – Это ещё не точно...

– Поедешь! – в шутку строгим тоном приказал дедушка. – Ты столько лет к этому шла. Не бросать же мечту ради старика. – Задор, с которым он начал быстро сошёл на «нет», лицо его помрачнело, и дедушка торопливо откусил кусок пирожка. Прожевал и продолжил. – А потом... знаешь, я видел многое, что бывало с нашей страной: и хорошее, и плохое. Когда я был маленьким, мы с ребятами мечтали о так называемом «светлом будущем», представляли, как здорово будет жить нам в зрелости и в старости. Из всего, что я понял за свою жизнь – то, что живу я в великой стране, воспитавшей столько талантов, что, кажется, на небе звёзд меньше, чем имён на страницах летописи славы России, что пишется поэтесса-вечность. И я верю, что однажды твоё имя заслуженно займёт одну из строк. Хотел бы я быть рядом...

– Ты будешь... – ответила она, кусая пян-се, и вдруг, словно опомнившись, оробела.

«Ему жить не более двух месяцев» – слова, подобные оглушающему раскату грома, воскресли в памяти. Она же видела его анализы, разговаривала с доктором.

Опухоль. Она знала о ней, но дедушке не говорила. Так спокойнее. Легче жить, будто в сетях накликаемого на саму себя «забвения», только бы не засыпать, уткнувшись носом в мокрую подушку. Но он сам догадался, что время скоро застынет для него, погрузив его разум в вечную тьму.

– Ты права... я буду. Всегда буду рядом, – он осторожно коснулся точки меж рёбер. – Здесь. Всегда. Только пообещай мне, что ты не будешь бояться. Никогда.

– Это сложно.

– Всё в мире сложно, – он отвёл взгляд. – Но ты взгляни на море: ветер так рьяно кидается на него, желая иссушить, но ему удаётся лишь растормошить водную гладь. Глубину вечного океана мгновенному ветру не постигнуть. – Дедушка прищурился. – А ведь именно волнами море высекает на скалах послание небу, такому же вечному и умиротворённому. И мудрость в том, что море, частица океана, терпеливо, спокойно и уверенно, потому его письменам не страшны порывы воздуха. Так же и ты – имей терпение, не переживай и верь в свои силы. Ты – часть команды, страны. Так борись и не отступай!

Окинул беглым взглядом только что успокоившуюся водную гладь, которую восходящее солнце будто осыпало сверкающими самоцветами. Алая лента зари, подобно артерии, пульсирующей под матовой кожей, разорвала объятия темного океана и бледного небосвода. Так было и вчера, и десять, и сто, и тысячу лет назад. Так будет и после. Вечная песнь прибора о любви ко всему живому: к каждой травинке, до которой соленые капли так мечтают дотянуться, к каждой спрятавшейся в камнях змее (от юркого тигрового ужа до сонного щитомордника), к каждому рыжему пушистику-лисёнку.

– За твоей спиной будет не просто опыт и десяток лет тренировок. За твоей спиной будет маленький, но прекрасный мир, где прошёл этот десяток. За твоей спиной Россия!..

Его не стало через неделю. Казалось, ещё было много времени, впереди ожидали новые прогулки вдоль берега и очередное посещение маяка Токаревского, а в начале сентября –

долгожданная поездка в Славянку, по плану минуя «Кедровую падь» и «Землю леопарда». Дорога долгая, но стоящая, чтобы через расступившуюся пелену дождя разглядеть хасанский скалистый берег. Так много планов о посещении мест детства.

Она обязательно ещё и посетит. А пока...

Вдох. Лёгкие наполняет прохладный воздух, не такой, как на побережье, но достаточный, чтобы вздохнуть полной грудью.

Мяч уже над головой. Сердце бьётся ровно, как волны, что только набирают разгон. Она спокойна, как океан. Она верит в свои силы, и урагану сомнений не сломить её волю.

Шаг. Назад отступить нельзя. За спиной – Приморье. За спиной – Россия.

Удар...

Светлана АНИНА

Северомуйск, Бурятия

Член Союза писателей России. Автор ряда книг стихов и прозы и публикаций в литературных журналах и альманахах.

Подрывных дел мастер

Быль – небылица

В одной деревушке жил старик. Как родился, так и жил, дальше околицы не выходя. Мал был – мать от себя не отпускала, вызрел – соседка к рукам прибрала – ни шагу в сторону. А уж когда седина в бороду – никакому бесу, сколь в ребро не тыкал, не удалось с места сдвинуть, словно врос старик корнями в землю.

Так бы старик счастливым и помер, но на беду забрели в его вотчину чужеземцы красивые да молодые – жизнь какую-то строить новую. Палаток поставили у речки.

Ох, и закрутилось всё вокруг! Ох, и завертели бабы юбками! И дедова половина туда же: по сто раз на дню за водой на реку сбегает, полы вымоет да снова натрёт – следить, дескать, дед стал много. И откуда силы взялись? И дрова сама рубит, подоткнув подол за пояс и оголив синюшные лодыжки. И, распушив космы, гусей на выпас розгами гоняет – по берегу, гляди-ка, трава народилась как никогда густая. И... Э! Да что говорить! Пропала деревня!

Посмотрел на это всё старик, посмотрел, покумекал звёздной ночью, погоревал о своём жилье-бытье, всплакнул даже, а потом решил дать отпор непрошеным вторженцам. Всея своей стариковской мощью дать! Так дать! Чтоб не оголяли более бабы свои синие лодыжки!

Только затлел на небе огарок луны, слез старик с печи, тихохонько выбрался в окошко, взял вилы, да и айда из деревни в лес партизанить.

А в лесу-то темно и сыро, к утру туман окутал – до дрожи пробрало. Долго в кустах не напрячешься, а шалаш городить – в тот же день грибники да ягодушки найдут.

Походил старик кругами, походил, и вернулся домой. Вилы на место поставил, влез в окошко, уместился на печи. А сон не берёт! Дело-то уже задумано, теперь не отвяжется.

Тут и баба подскочила со своей постели – на речку умываться помчалась. Какой уж сон?

Поскрипел дед костями да зубами, слезая с печи, поскрипел, а чуть выпрямился – как молнией прошибло – изнутри осиное гнездо ворошить надо! Изнутри! Чего далеко ходить-то? Вот только б мысль по дороге не расплескалась, куда старик карандаш да газету ищет. На всякое дело ведь план нужен – карта наступления!

Вот с новой луны и началось. Стали оккупанты залётные подмечать неладное: только задумают работу, а она уж сделана. А вслед за ней запоздавшая депеша от начальства с распоряжением сделать, что уже есть. Будто кто на лету те распоряжения ловит да исполняет по волшебству – гляди да радуйся, рапортуй себе о выполнении, не выходя из палатки. Непонятно.

Встрепенулись и деревенские, да по другому поводу: стали пропадать со дворов пилы да лопаты, то дощечка какая исчезнет, то железка, а то и конь в стойле поутру в мыле весь окажется, будто ночь его гоняли. А тут и донос пришёл: инвентарь-то весь на берегу аккуратненько лежит.

Недолго деревня терпела разбой. Собрались мужики кто с чем в руках и – на реку, к палаткам, суд чинить. Идут, шумят. И старик с ними. Пуще всех негодует.

Вышел им навстречу чужак из одной из палаток, улыбнулся во всю челюсть своих невставных зубов и давай каждому руки жать да за помощь в работе благодарить.

Деревенские опешили, что и сказать не знают, хотели драку затеять, а их тут встречают с почестями.

Что дальше было – рассказывать долго, времени не один месяц прошёл, но к завершению стройки от новых поселенцев старику премия перепала и медаль блестящая, а на ней по кругу надпись чудная: «Подрывных дел МАСТЕР!».

22.01.2023 г.

Лидия ГУСЕВА

г. Санкт-Петербург

Член творческого объединения авторов России, дипломант конкурсов детской литературы.

Закончила факультет иностранных языков в ЛГПИ им. Герцена и факультет журналистики СПбГУ. Автор 5 книг прозы.

Уважительная причина

Рассказ

Как она хотела этого чувства! Оно, казалось, не посещало её много лет, может, десятилетий. И чувство это было какое-то неуловимое, быстротечное, но оставшееся светлым воздушным и тёплым покрывалом на её душе. Почему она не могла вернуть его, как ни старалась? Нет, очень редко бывали в её жизни моменты, которые напоминали отдалённо ощущения того сладостного и безмятежного сна. Женщина пыталась вернуть его, повторить хотя бы на секундочку, но не получалось. Потом и вовсе перестала даже пытаться, так как думала, что во всём виновато детство. А детство не вернёшь никогда, и чувства из него – по давню.

Сколько она себя помнила, постоянно по выходным ездила в деревню. Сначала её родители отвозили или ещё кто-то, но лет с девяти-десяти девочка сама шагала на автобусный пятачок, где собирались пригородные автобусы, отдавала двадцать копеек за проезд кондуктору и неизменно вставала за полуоткрытую водительскую кабину тёплого и по-особому журчащего двигателем львовского автобуса. Держась крепко за перекладину, она, казалось, дышала в спину шофёра. Нет, это девочка неотрывно смотрела вперёд, на то, как фары освещают дорогу, и только мимолетом на то, куда и как двигаются руки и ноги водителя, и как он управляет этим живым организмом, который был почти всегда полон народа. Потому что все деревенские и городские, которые ехали в эту деревню, были знакомы, наверно, с детства. И ей тоже было это всё знакомо: и волжская интонация, и деревенский окаяющий говорок...

– А у Люськи-то вчера корова отелилась.

– Да не было меня дома, чай, рыба пошла.

– Ты, васейка, не была в продмаге, чё там выкинули (васейка – «недавно»).

– Ты что! Петро ходит с Надькой! (ходит – «встречается»).

– Он же с Люськой ходил, ты посмотри, что делатца.

Девочка слышала отрывочные фразы из диалогов пассажиров, которые и не стремились их скрыть от кого-либо. И так ей было легко и уверенно с этими людьми, со спокойным и надёжным водителем, с кондуктором, руководящим остановками – кому помочь слезть или влезть в автобус. Да-да, так и говорили: «Вы сейчас будете слезать?». А фары, освещающие ночную дорогу, делали её по-настоящему сказочной. Ведь девочка ездила осенью и зимой после школы. А темнело очень рано. Ей очень нравилось ездить зимой, когда по обеим сторонам дороги возвышались огромные сугробы, а если вдруг ещё и метель, то снежинки разлетались с огромной скоростью в разные стороны от фар и лобового стекла. Не так часто автобус доезжал до конца села и последней остановкой делал «Школу», расположенную в бывшей одноэтажной усадьбе какого-то барина, как раз в середине деревни. И тогда, хоть и смелой, девочке приходилось идти через овраг, потом ещё долго по другой улице, пока она не доберётся до дома своей тётки, где жили её двоюродные сестра с братиком.

А в этот раз девочка, влюблённая в деревню, поехала поздней осенью. Снега ещё не было, мороза тоже, и стояла страшная грязь на улицах и дорогах! Надо сказать, что земля в тех местах очень глинистая и жирная. И если пройтись в такую погоду, то на твоих сапогах налипнет килограммов по пять этого земляного теста. Доехать-то доехала, а в воскресенье автобус не пришёл ни на пять часов, ни на семь, ни в девять... Автобусы отменяли в непогоду или сильную метель, или когда дороги были так разбиты и размыты частыми дождями. Бедные её тётка с дядей. Ходили три раза провожать племянницу опять через овраг на остановку «Школа». Решили тогда подождать утра, должен быть первый шестичасовой автобус. Ведь завтра понедельник, и ей надо в школу! Маленькая гостья чувствовала, сколько она приносит хлопот своим родственникам, в деревне работы выше головы и без неё! У тёти было много домашней скотины, и работали они также в колхозе. Девочка очень надеялась, что сейчас уедет с утренним автобусом, и взрослые, наконец, сами пойдут на работу, а ещё она очень боялась пропустить уроки без уважительной причины. Да даже не боялась, а был просто страх. Кто прошёл советские времена, тот знает, что такое неуважительная причина. Автобус не пришёл, к её страху примешался ещё и стыд, что столько всего она доставляет своим близким. И с этим волнением гостья возвращалась с дядей Лёшей обратно в дом. А тётушка только что управлялась со скотиной. Увидев племянницу, она всплеснула руками: «Да что ж это за такое-растакое-раскудрииттвоё! Что за напасть, девчужке в школу надо, а уехать не на чем!». Тётка уже накрывала полушалок, вместо галош натягивала высокие сапоги, сопровождающая всё это деревенской руганью и недовольством, уже бежала на МТС спрашивать, когда пойдёт первый грузовик с молоком в город. Знали бы вы эту тётю, у которой земля горела под ногами! Бежать до МТС надо было километра три, а она уже минут через сорок приезжает сама на грузовике прямо к калитке. Тётка усадила девочку в тёплую кабину, водрузила на её колени сетку с осенними яблоками и ещё с чем-то и отправилась в дорогу. Уже в кабине девочка почувствовала начало того непонятного чувства. Она оказалась под защитой. Она оказалась под любовью тёти. Она оказалась под уверенностью шофёра. Она оказалась под заботливым покровительством, да просто под покровом. Девочка перестала

бояться и потеряла страх, когда тётка, закрывая дверцу машины, ещё и сказала грозно, что позвонит в школу и скажет, что автобусы отменили из-за непогоды, а потом более мягко: «Так что иди к такому уроку, к какому поспеешь!».

Было ещё темно, но фары уверенно освещали путь. Девочка смеялась и подпрыгивала на стареньком дерматиновом сиденье, когда машина проваливалась то в ухабину, то яму, наполненную осенней дождевой водой. Водитель спрашивал её о чем-то, она отвечала. Наверно, про школу, про музыкалку, ещё про что-то. Отвечала, но была вся в своих мыслях. Её не покидало счастливое чувство любви и заботы близких, и этот незнакомый добрый водитель, который умело выворачивал машину из всех ухабин, эта непогода и ветер, а в кабине так тепло, и эти фары, освещающие такую неприглядную сейчас, но бесконечно родную землю, и, наконец, что пропускает она уроки по уважительной причине.

В квартире девочка оказалась около одиннадцати. Родители ушли на работу, старший брат в школу. Дома никого. Можно было успеть ещё на три урока. Но пятиклассница, очарованная этим странным состоянием (нет, ну надо же!), не пошла в школу, так как очень хотела продлить его. Она взяла шерстяной плед и прилегла на диван в гостиной. Даже не в своей спальне. Укуталась и с блаженной улыбкой заснула.

После пробуждения девочка ходила ещё какое-то время заколдованной, но потом всё вернулось на круги своя: тот же режим, те же обязанности, те же уроки, музыка, спорт, концерты, соревнования. Потом учёба в институте, работа, семья, дети, снова учёба, снова дети и снова работа. Ей никогда не удавалось поймать тот сказочный момент из детства. Наоборот, приходилось работать для всех, защищать всех, кормить, обувать, одевать. Не говоря уже о том, если ты едешь за рулем, то должен быть настолько уверенным, чтобы люди рядом с тобой не только были спокойны, но и отдохали. Так она всё время и делала, ориентируясь на тех водителей и людей из детства. Нет, бывали проблески воспоминаний. Но наступило такое тяжёлое время, что она почти забыла о нём – о том светлом чувстве из детства. Столько пережить, переделать, поставить детей на ноги, одни только девяностые что стоят. Дети выросли, тётка давно умерла, а работы и страха за близких всё равно не уменьшается. Казалось, что с годами будет легче. Нет. Чтобы быть хотя бы на плаву, надо столько работать! А ощущения покоя и защиты, которые были когда-то, нет... Вот недавно пароход с детьми утонул. А в Беслане что произошло... Разве могло бы такое случиться в советское время? Женщина вспоминала людей из детства и когда в непогоду отменяли автобусные рейсы. Такого бы не смогло произойти. А десятилетних детей разве выпустишь сейчас на улицу одних?! Нет, она не была за советскую власть, но люди были другие. И дело было даже не в детстве и не в детском ощущении покоя и защищенности. Просто покой был на земле.

Женщина быстро собиралась на работу, допивая свой кофе, взяла механически сигарету, но, не прикуривая её, помяла по-мужски уже постаревшими руками и вдруг смяла в пепельнице. «А не пойду-ка я сегодня на работу!» – решила она, как будто, как в детстве, нашла уважительную причину. Уверенно взяла стремянку, залезла, сдернула тюль и занавески, налила ведро воды и начала мыть окно. Была хмурая осень.

– Ты чего это растреворила всё настезь, ведь мыла же окна в августе, – крикнула ей знакомая с улицы. – И не на работе ты почему?

– А просто так, – ответила весело женщина.

– Зря моешь, сегодня дожди обещали, – нравоучительно возразила соседка, – весь труд твой пропадёт! А так бы постояли хоть несколько дней чистые.

– Спасибо за хорошую новость! – крикнула ей мойщица окон, подумав: «Ой, быстреей, быстреей, надо успеть, только бы успеть до дождя!». Стиралка делала последние обороты с тюлью, портьеры уже были почти сухими. «Только быстреей, ой не успею!» – она заканчивала дотирать стёкла, как в прежние времена газетой, до блеска. Уже повесила полувлажные портьеры, вот уже пахнущая необыкновенной свежестью тюль плавно колыхалась от ветерка из распахнутого окна. «Нет, подожди, дождик, подожди ещё немного! Ещё не всё!» Новое ведро воды, тряпка поменялась на половую. Умелыми и размашистыми движениями рук женщина тщателью вымыла пол. Потянуло ещё большей свежестью осени, ветра, чистоты. Она, как ребёнок, прошлась босыми ногами по свежесмытому полу, веселясь и кружась. Забежала также на вымытую кухню, открыла и там окно. Весёлый сквозняк подхватил её пляску, тюли развивались, чуть ли не до люстр. Её взгляд упал на пепельницу со смятой сигаретой. Женщина на секунду задумалась, потом резко выбросила пепел и смятый табак в ведро, так жалко было портить осеннюю свежесть и чистоту дымом. «Нет, подожди ещё немного, подожди!» – это чудачка разговаривала уже с разбушевавшимся ветром, который нёс огромную тучу. Достала подаренный детьми шерстяной плед, закуталась, как младенец, и закрыла окна. Только она прилегла на диване в гостиной, как огромные капли дождя застучали гулко по намытым хрустально-чистым окнам! Они были с пылью, с листвой, поднятой ветром с земли. Ну и что! Нет ничего приятнее, когда дождик стучит в чистые окна!

«У меня сегодня слишком уважительная причина!» – женщина блаженно заснула, отпуская все заботливые мысли о других, оставаясь сама под защитой сна.

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

г. Вологда

Чернышёва (Чиркова) Светлана Николаевна. Родилась в 1979 году в селе Биряково Вологодской области. Окончила ВГПУ. В настоящее время работает в областной детской библиотеке. Публиковалась в литературных газетах (Вологда, Архангельск), в альманахе «Российский колокол», в журнал-студии «Листва», в журналах «Иван-да-Марья», «Детское чтение для сердца и разума», «Страна озарения», «Книжки, нотки и игрушки», «Простокваша», «Енисейка», «Новый Енисейский литератор», «Невский альманах», «Молоко», «Русская жизнь». Член Союза писателей России.

Детские истории

(из цикла «Девочка из детства»)

Всё проще

Мы с папой и мамой жили в огромном доме. Мне тогда так казалось. Рядом были сад и огород. А ещё лес, пруд и река. И когда всё складывалось в одну разноцветную мозаику, чувствовалось очень-очень много счастья. Такого необходимого в мои семь лет.

Утром, чуть вставало солнышко, я брала тарку и бежала за молоком в соседнюю деревню. И какой бы стороной улицы ни шла, всегда натыкалась на Мишку с Котькой. Они поджидали меня, и, кажется, совсем не случайно.

– Миш, а если нам петух встретится? Как мы от него убежим? – спрашивала я.

– Котька его отвлечёт, – жуя травину, посмеивался он.

– А Мишка пчёл прогонит, – поддакивал Котька.

Пока не встретишь пчёл или петуха, не узнаешь, какие они. Котьке только добрые встречаются. Поэтому он твёрдо уверен, что злых и не бывает. А Мишка, наоборот, никому из них не доверяет, потому что его всегда догоняют и кусают или клюют. Я до сих пор не знаю, кто из них прав? И почему жизнь не может быть всегда счастливой? И зачем необходимы всякие неприятности?

Иногда я забываю все свои страхи и снова возвращаюсь в детство. Там большой дом, яблоневоый сад и речка. С какой стороны ни посмотришь – всё проще.

Коляска

Шли мы из школы. На улице тепло, только дождик немного моросил. Мишка с Котькой постоянно подпрыгивали, пробуя проскочить между дождинками. Мишка с одной стороны дороги, а Котька – с другой. Мне было проще, дождь меня совсем не волновал. Поэтому что я шла посередине. Только сапоги влипали в дорожную грязь, да мысли путались в голове, поэтому я вообще не думала...

И тут как раз магазин на обочине, для прокатных вещей. Их напрокат дают, с возвратом, значит. И мы втроём туда завалились, будто бы от дождя. Магазин этот крайне интересный. Сколько в него ни заглядывай, всё равно смотреть не насмотреться. Тут и телевизор, без переключателя. Тот, видимо, давным-давно отвалился. Потому что в дырке от него много пыли скопилось. Мишка эту пыль на свой палец наverts, когда переключатель изображал. А Котька вообще молодец, он в походном мешке спрятался. Только одна нога наружу торчала, ну, и носок с дыркой. И все были довольны, кроме продавщицы. Она ходила грустная, без настроения. Как можно грустить, если столько радости рядом? Есть и велосипед для катания, и целых два самовара для чаепития. Один с большим пузом, в которое можно вместо зеркала смотреться. А другой самовар – с маленьким животиком, но зато в нём лица разъезжаются во все стороны. Как в комнате смеха, просто умора!

– Вон, – говорю мальчишкам, – коляска белая в синюю снежинку, из моего детства. Я вспомнила. Когда я в ней ехала, то Мишкину зелёную постоянно обгоняла. Вот Котькиной почему-то не помню.

– А я... между прочем, – запыхтел Мишка, – специально тебя вперёд пропускал. Потому что мама меня учила уважать девочек. Не зря же мы с Котькой портфель твой по очереди таскаем, когда он не слишком тяжёлый, конечно.

И пока мальчишки бывшую мою коляску вдоль и поперёк ощупывали и рассматривали, в мои запутанные мысли пришла идея. Подумалось, что детство вспомнить – дело хорошее. Но, вот, как продавщицу уговорить? Коляску в прокат одолжить, без денег. Мишка тут же прочитал мои мысли:

– Продавщица не с нашей улицы. Она к нам на практику приехала из города.

И Котька заподдакивал:

– Ни за что не даст прокатиться, до дома и обратно. Только если тракторист Петька придёт...

И пока мы тракториста ждали, продавщица совсем в принцессу Несмеяну превратилась. А как он появился, то и продавщица заулыбалась. Шутка ли, столько ромашек, вперемешку с крапивой, притащил.

В общем, чтобы нас из магазина выпроводить, тракторист заплатил за прокат коляски. И сказал, чтобы к вечеру возвращались. И не опоздали. Потому что магазин не круглосуточный.

Ехать в коляске мне очень понравилось. Пусть ноги не очень-то помещались... Я бы так в ней и осталась жить, детство вспоминая. Но тут дорога закончилась, и Мишка с Котькой остановились, потому что дальше уже началась тропинка к моему дому, через перелесок.

– Всё, – важно говорит Котька, – дальше коляска не поедет, так как она волков боится. Придётся тебе идти пешком.

Мишка помог выбраться наружу, взвалил мне на плечи ранец и пожелал:

– Доброго пути! Ну, а если волк появится – кричи! Мы с Котькой прибежим... может быть. А сейчас коляску назад повезём.

Через минуту я шагала через рожицу к дому. И думала, что волков у нас никто не видел. А зайцев бояться не следует, они, должно быть, добрые. Про лис ничего не знаю, в школе ещё не проходили. Обманывают лисы, так что не верить им, и всё. На всякий случай.

Ветреная

Однажды мы решили лужу измерить. Тем более что лужа была необычная, внутри имела песчаные острова и каменные архипелаги. Архипелаги – огромные камни, которые машинам ездить мешали, а острова как раз из этих машин и насыпались, из самосвальных кузовов.

– Пожалуй, линейкой долго мерить придётся, – решил Котька.

– Давай лучше сапогами! – предложил Мишка. – Глубину выясним.

Меня эта идея не сильно заинтересовала. И я облака разглядывать принялась. Они как раз по небу плыли, превращаясь в разные фигуры. Меняющиеся на ветру. Ветер вмиг лужу измерит и прогонит – влево или вправо, как получится. А может, и в белое облако превратит. Тогда и ходить по дороге будет удобней.

Только на улице ветра не было, и лужа быстро превратилась в болото. Мальчишки зачем-то травы в неё накидали, камышей накрошили, лягушку малюсенькую нашли – и давай с ней по болоту прыгать.

Тогда я, чтобы не заскучать, к маме на работу завернула. Она в маленькой бане работала, под вывеской «Прачечная». Там-то воды было полно, и луж на полу, и мыльных облаков. Мама куда-то вышла с работы. Возможно, в магазин – в очереди постоять.

«Ну, – думаю, – вот сейчас я эти пенные облака и прогоню».

Оставалось только палку-весёлку отыскать, которой бельё из машин вытаскивают. Во-первых, потому что оно горячее, почти как кипяток. И палка смешная, на щипцы похожая, я ею в машине гребу и бельё кусаю. Ам – пелёнку, ам – простынку, ам-ам-ам – перинку. И только пелёнку вытащила, как ещё что-то на пол шлёпнулось. Оказалось, белая-белая наволочка. Пока я её рассматривала – сапогом нечаянно наступила. А тут и Мишка с Котькой меня разыскали. Лужа их больше не интересовала.

Они вывернули упавшую наволочку наизнанку, и она перестала быть замаранной. Ещё пару вещичек спасли. Я даже не заметила, как они под ногами очутились. Мишка потом сапоги наши в машине постирал, на всякий случай. Чтобы они бельё больше не пачкали.

А когда мы все тазы с бельём на улицу вытащили, тут и призадумались. Верёвки оказались так высоко натянуты, что Мишка даже в прыжке не мог дотянуться, как руками ни махал. Потом Котьке на закурки забрался, но не тут-то было. И только я решила что-нибудь придумать, чтобы бельё проветрить, как пришла мама и принялась всё перестирывать, а нас отчитывать. И ничего не случилось, только соседи стали называть меня «ветреной девчонкой». И это было крайне несправедливо! Потому что в этом случае я как раз не успела отличиться.

Лариса ОСОКИНА

г. Слюдянка, Иркутская обл.

Лариса Ивановна Осокина – журналист, работала в г. Усолье-Сибирское редактором газеты «Слово». Автор 5 книг прозы для семейного чтения. Лауреат областного конкурса рассказов для детей (2009). В 2005 году переехала в г. Слюдянка (западная оконечность озера Байкал). Член Слюдянского литературного объединения «Огонёк».

Рассказы

Зойкино оружие

Издревле известно, что, когда враг приходит на твою землю, для борьбы с ним любые средства хороши. И всё, что есть под рукой, может послужить хорошим оружием. Историю эту рассказал мне мой отец, а ему его тётка Зоя, которая и стала героиней этого рассказа.

Жила она в деревне. Во время Великой Отечественной войны была связной между местными подпольщиками и партизанами. Оттого частенько наведывалась в лес. Зимой вроде за хворостом, летом – по грибы да ягоды. А в потайном кармашке всегда лежало донесение. Как-то февральским днём отправилась Зойка к партизанам с очередными разведанными. Оружия при себе ни-ни. А тут, как любому живому человеку, приспичило ей по малой нужде. Села за кустик... вдруг видит, почти рядом, за другим кустом, фриц штаны снимает, принаравливается, как присесть поудобнее. Автомат подальше к дереву прислонил.

«Чем же его кокнуть? – думает Зойка, потихоньку натягивая немудрёную одежонку. – Снег пеленой всё закрыл, ни камушка не видно. Ветку ломать, антихрист хруст услышит. С мужиком, даже безоруженным, женщине не справиться. Что делать?»

Удача нахрап любит – вспомнила Зойка любимое выражение отца.

И тогда сняла она с ноги огромный, уже разов пять подшитый дедом валенок, размера эдак сорок третьего, и потихоньку, чуть дыша, двинулась к солдату. Сзади огрела его по голове этой обувкой, вложив в удар всю свою накопившуюся ненависть к фашистам. Фриц, так и не успев натянуть штаны, рухнул лицом в снег. Зойка, не мешкая, рысью бросилась к автомату и направила его на врага. Тот, придя в себя, бестолково смотрел на девку, закутанную в большой платок, в одном огромном не по размеру валенке (второй валялся возле него) и с его оружием в руках.

– Хенде хох! А ну натягивай свои паруса и айда вперед. Чо зенки-то пялишь? Шнелле, говорю. Не пойдёшь, пристрелю, – и она потрясла автоматом.

Что оставалось фрицу? Против оружия не попрёшь. Пошёл «язык» вперед, куда ему указали, находу натягивая штаны. Довела его таки Зойка до базы. Картина, конечно, явилась перед партизанами комическая. Впереди солидный усатый фельдфебель, за ним в одном валенке с автоматом наперевес худенькая женщина, обмотанная клетчатым платком.

– Вот, примите, – сказала она и потеряла сознание.

Надолго в этот раз пришлось задержаться связной на партизанской базе. Обмороженную ногу лечили. Зато «язык» оказался ценным и разговорчивым. За это, а ещё за смелость и находчивость Зойке потом награду выдали.

Вот какие женщины есть в русских селеньях!

Ябеда

Павел с удовольствием окрестил бы этим именем свою собачонку, но, к сожалению, с рождения эту рыжую бестию назвали странным именем Дулька. Росточка она была небольшенького, зато уши словно локаторы да хвост ниточкой, на которой мотылялся пушистый помпончик. В семье её любили. Даже Павел при хорошем настрое нежно поглаживал её пузёно, понимая, что если собачка открывает уязвимое место, значит, доверяет, считает человека самым близким. Правда, такого доверия было гораздо больше его жене Ксении. Оно и понятно. Именно она кормила Дульку, возилась с ней, когда та хворала, купала и, видимо, говорила той такие слова, которые мужики и не знают.

Павел был заядлый рыбак. Но любил компанию. На речку обычно ездил с друзьями. Рыба рыбой, а хочется пообщаться, поговорить о том, о сём, чего чаще всего жене знать не положено. Сидели так однажды на берегу. Утро хорошее выдалось: тихое и солнечное. Только вот закидушки хоть раз бы пошевелились. Или заспалась рыбка, или аппетита лишилась. Клёва не было. Прошёл час, полтора...

– Ох, – сказал нетерпеливый Никита, – ждать сели, да жданки съели. Невмоготу, паря, больше. На меня самого жор напал, а она, мокрехвостка, хоть бы один крючок тронула.

Ещё через полчаса не выдержал самый старший из братвы Матвей.

– А давайте-ка, старики, удочки сматывать. Что даром-то сиднями сидеть, речку сторожить. Она ещё сто лет никуда не денется. Пойдёмте ко мне в гараж. Там бутылёк припрятан, снедь с собой кой-какая есть. Вот и посидим, погутарим. А то никакого интереса.

К Матвею прислушались всегда. Он в Афгане воевал. Носил тельник, лысую голову повязывал синей банданой. А самое главное, имел хорошо поставленный командный голос. Поэтому на его предложение откликнулись беспрекословно. Быстренько прибрали в сумки нехитрые рыбацкие причиндалы и друженько отправились в гараж, который, кстати, находился неподалёку.

«Поляну» накрыли чин чинарем. Как водится, сначала помянули усопших друганов, ну а потом пошли тосты, кто во что горазд. И так хорошо стало, так весело и привольно, что непонятно было, зачем они вообще попёрлись на эту речку. В таком благоденствии и застала компанию Дулька, невесть откуда взявшаяся в гараже.

– Пашка, гляди, – захохотал Никита, – невеста за тобой примчалась. Соскучилась.

– Пошла домой, дурища, – прикрикнул на собачонку хозяин. – Неча тебе тут делать. Пошла, пошла, – и вытолкнул псину за ворота.

Время шло. Сколько бутылков было оприходовано, уже никто не помнил. Да и разговоров-то заплетающимися языками уже всего было два: «Наливай» и «Хорошо пшла».

А в это самое время Дулька со всех ног бежала к хозяйке, крепко сжимая в зубах неопровержимую улику.

– Дулька, ты куда это запропастилась? – спросила с беспокойством Ксения. – Темнеет. Ни хозяина, ни тебя... А в зубах что припрятала? Давай-ка сюда.

Собачонка положила на протянутую ладошку водочную пробку и твякнула. Мол, старалась, а ты ругаешься.

Ксения понюхала – свежая. Всё понятно, как муженёк рыбачит. Она сунула пробку под нос собаке и сказала: «Ищи. Пошли хозяина домой загонять».

Дулька бежала прытко. Ксения еле поспевала за ней. Не девчонка чай – восемьдесят килограммов весу. Тяжеловато бегом-то. Наконец добрались до гаражного кооператива. Только сунулись, тут сторож в оконце образовался.

– Гражданка, вы не наша. Неча сюда суваться. Идти назад.

Стушевалась, было, Ксения, но не сдалась.

– Никаких назад. За своим мужиком пришла. Без него не пойду.

- Идешь назад, а то стрельну.
- Ишь, выискался страж. А если я сейчас милицию вызову, да пьяных в гаражах надыбаем...
- Ладно, ладно, – сразу подобрел сторож. – Иди, ищи своего мужика. Что мы не люди, не понимаю.

Дулька кинулась к самому крайнему гаражу и остановилась. Дверь была приоткрыта. Слышались уже невнятные голоса. Что-то лепеталось про любовь, морковь и прочее. Ксения настезь распахнула ворота и – расхохоталась: трое мужиков, полулежа, располагались на жидкой кошке возле машины. Посередине виднелись ошметки трапезы, а под колесом нашла своё убежище опорожненная тара.

– Во, Фея явилась, – тыча в Ксению пальцем, выдавил из себя Никита. – Вроде видал где-то. Садись, и тебе щас плеснём.

– Не смей оскраблять, – подал голос Павел. – Это жена моя. Ксю-ю-ша. А как ты сюда пыпала?

– Ну ладно, мужики, бал окончен, – строго сказала Ксения. – Пока совсем не стало темно, расходитесь-ка по домам. Павел, я кому сказала? Вставай. Хоть под ручку пройдемся.

Жену Пашка любил, но побаивался её крутого нрава. А потому, преодолевая себя, поднялся на неверные ноги и, покачиваясь, спотыкаясь, поплёлся к выходу. Тут он увидел Дульку.

– А-а, всё понятно. Ябеда-корябеда доложила. Я вот тебе... – потянул он руку к собачке.

Та отпрыгнула и зарычала.

– Смотри, как бы я тебе... – сказала Ксения. – Ишь, распетушился. – Она крепко взяла мужа под руку и, приноравливаясь к его кривой, отяжелевшей походке, повела домой.

Следом трусила Дулька с чувством честно выполненного долга.

Людмила БРОННИКОВА

г. Ангарск, Иркутская обл.

Бронникова Людмила Георгиевна – врач-терапевт, пенсионер. Родилась в марте 1949 года в городе Улан-Удэ (Бурятия). В 1955-м переехала на жительство в Иркутское Приангарье – г. Ангарск. Окончила Иркутский медицинский институт, работала участковым терапевтом, врачом высшей категории в МСЧ-36 города Ангарск. Пишет притчи и сказки для детей. Публиковалась в местных СМИ, литературных журналах, в книге воспоминаний «Дети войны – дети победы». Автор двух книг: «Притчи» (2016) и «Прими решение» (2021).

Сарма

рассказ (из цикла «Байкальские сказки»)

И создал Господь Бог Священное озеро Байкал. И сделал его Жемчужиной Сибири, и пустил в его воды рыбу редкую – омуля серебристого, гордость свою. Нигде более не водилась такая рыба. И поселились вдоль побережья Великого Озера люди разные, многих национальностей, и оберегали его.

Да и сам Байкал уготовил себе защиту. Это ветры суровые и буйные: Култук, Баргузин и Сарма. Среди них Сарма была самой грозной, коварной, даже свирепой, и поговаривали, что сам Байкал побаивался её и готов был исполнить любое её желание. Она – хозяйка Малого моря, где вода до дна прогревается и омуль водится самый крупный, жирный, поэтому и людей-рыбаков там больше. Как только получит Сарма известие о злостных браконьерах, так и летит в Сарминское ущелье, названное в честь её. Разгоняется до скорости урагана и вылетает на побережье, и, не помня себя от ярости, крутит ветви деревьев из стороны в сторону, отчего они принимают причудливые формы, а иногда ходят на диковинные сказочные персонажи. Полетит Сарма по зелёным просторам и внезапно обрушивает на воды Байкала свою мощь, вызывая жестокий шторм, который неистово разрушает всё на своём пути, легко переворачивая большие рыболовецкие судна. В бешенстве кричит она тонущим рыбакам: «Меру надо знать! Тогда избежите кары моей!». В эти последние минуты рыбаки клянут её, вызывая ещё больший гнев у Сармы.

Но, какой бы ни была злодейкой она, если услышит слова прощения от моряков, смилостивится, погасит пожар мщения своего и даст надежду на спасение рыбакам, веря, что уймут они безмерный пыл наживы. Многие затем бросали это злодейское ремесло.

Мгновенно приходит Сарма на водные просторы и в один миг – уходит.

Отдыхает Байкал после шторма, и не видно дыхания его. Вода спокойная, зеркальная, и в это время можно увидеть его дно. Это он показывает всем свою завораживающую красоту, глубину вод, величие и благодарит Сарму, что она очистила побережье и воды от мусора и скверны. Голубой цвет воды сливается с цветом неба, и непостижимо понять, где же кончается море, где начинается небо. И чайки взмывают высоко над водою, показывая этим свою радость, и купаются в прозрачной воде. Солнце появляется на горизонте и дарит Могучему Байкалу свою энергию, и пускает по водной глади искрящихся зайчиков, которые сверкают как множество изумрудных камушков на поверхности воды. И слышится по всей округе: «Ты прекрасен, о Великий Байкал!».

Тамара СЕЛЕМЕНЕВА

п. Развилка, Московская обл.

Селеменова Тамара Николаевна. Родилась на Кубани. Окончила Академию народного хозяйства им. Г. В. Плеханова.

Член Союза писателей России, литературного объединения «Точки» при Совете СП России (Москва). Участник литературной лаборатории «Красная строка», литературных объединений им. Ф. Шкулёва (г. Видное) и «Рифма+» (пос. Развилка). Публиковалась в местных СМИ, в «Антологии русской прозы» и «Антологии русской поэзии», в альманахах Российского союза писателей (2020, 2021, 2022). Призёр ряда международных и всероссийских конкурсов, финалист литературных премий «Наследие», «Русь моя». Лауреат премии «Золотое перо Московии». Автор книги стихов «Из детства я храню любовь к земле» (2018) и 2 книг прозы: «Ах, эти домашние питомцы» (2020), «Живёт, цветёт акация» (2022). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Тега

Рассказ

– Нелька, – голосила тётка Белоха. – Опять твои гуси пасутся у меня в огороде. Ну что ты поделаешь?! Ты посмотри, как картошку вытоптали, вся ботва лежит! А капусту, морковь, свёклу... Всё помяли. Кыш-кыш, проклятушие.

Нелька, которой недавно исполнилось семь лет, зазевалась всего чуточку, хотела посмотреть, как мальчишки играли в футбол, и вот на тебе! Гуси успели уйти на берег речки, а там – и в соседний двор тёти Шуры Белохи. Девочка гонялась за серыми хулиганами, гнала их хворостиной, а гуси, гогоча и хлопая крыльями, словно надсмехаясь над маленькой пастушкой, разбрелись и не хотели уходить.

– Почему вы меня не слушаетесь? – со слезами на глазах обижалась на них Нелька. В ответ, словно отвечая ей, гуси гоготали ещё громче.

Наконец, девчужке удалось прогнать гусей с чужого огорода, и всё строптивное стадо под крики тётки Белохи направилось в свой двор.

Семья Нели состояла из четырёх человек. Бабка Мотря – грузная, полуслепая и вечно сердитая, внучку не особо жаловала. Её старшая дочь Мария, неумело, но вела хозяйство в семье. С племянницей не церемонилась и даже шлёпала за малейшую провинность. Младшая Евдокия – мама Нели, защищала, любила и по-своему ласкала, баловала дочку. Шила ей красивые платица, сама мастерила разные игрушки, покупала сладости.

Как и у всех станичников, у семьи был небольшой огород, но без мужчин в доме, а также из-за лени и слабого здоровья они с ним едва управлялись. Жили бедно. По совету соседей купили по весне для откорма пятнадцать гусят. В углу двора огородили старой сеткой специальный загон, часть его накрыли листьями ржавого железа. Под навесом домиком поставили большую картонную коробку с тёплой подстилкой, в ней гусята прятались, согревались и ночевали. Гуси стали единственной надеждой, не голодая, пережить зиму.

Нелька любовалась пушистиком, брала в руки, оберегала от котов, следила, чтобы они не разбегались со двора. Неугомонные жёлтенькие милье птенцы сновали везде, щипали спорыш и одуванчики, начисто снесли листики молодого щавеля... На участке росло много лебеды, но её гусята почему-то не ели. Не привлекала их и амброзия, цветущая на берегу. Неля не догадывалась, что эти травы ядовиты для гусей.

Смесь из заваренной подсолнечной макухи, варёного картофеля, остатков еды со стола хозяев делали своё дело: гусята быстро росли, становились шустрými и смелыми. Им хотелось простора. Это требовало постоянного ухода и присмотра. И тётка Мария строго приказала Неле быть ответственной за всё стадо.

Сначала девчужка обрадовалась, ей поручили такое важное дело, сравнивала себя с воспитательницей в детском саду, а потом поняла, что придётся забыть про подружек, кукол и обычные игры. Неля, весёлая выдумщица и заводила, теперь не играла с друзьями, потому что птенцы занимали почти всё её время.

В стаде оказалось три гусака, и уже к двум с половиной месяцам среди них чётко определился вожак. Серый, со светлой грудью, покрупнее, посмелее двух других. К Неле привязался больше всех, путался под ногами, дёргал за одежду, видимо, давал понять, что он самый главный в стаде. Именно он всюду вёл гусиное стадо за собой. И все признали его вожаком.

– Тега, Тега, Тега, – звала девочка, и гусёнок мчался на зов, увлекая за собой остальных. Он часто тихонько клекотал и смотрел на неё своими умными глазами, словно хотел что-то сказать.

Иногда Неля выходила во двор с куском белого хлеба, намазанного маргарином и посыпанного сахаром. Тега тут же оказывался рядом и деликатно, но настойчиво дёргал за подол платица, просил поделиться.

Каждый день Неля выгоняла гусей пастись на берег. Гуси любили эти прогулки и охотно щипали зелень, искали в намытом водой песке какие-то ракушки... На реку серые, к счастью, не уплывали, а вот погулять по чужим огородам им ой как нравилось! Стоило маленькой пастушке чуточку зазеваться, и они уже «собирают там урожай».

Особенно часто навевались в хозяйство тётки Белохи. Ухоженный, со множеством гусиных вкусностей, да ещё и не огороженный от реки, двор так и притягивал к себе. Птицы нещадно

трепали, щипали, топтали всё растущее в огороде тёти Шуры. А Тега, как истинный вожак, зорко наблюдал за всеми и всегда с важным видом шествовал во главе своего стада.

Как-то большая бродячая собака погналась за гусыней, а затем набросилась на Нелю. Она в испуге забралась на забор, гуси разбежались в разные стороны. Один Тега смело встал на защиту. Шипя и хлопая крыльями, он наступал на врага, бил пса, нападал, пока не прогнал его.

В другой раз гусь даже вступил в бой с бодливым бычком Борькой. Соседка Перчиха привязывала его ко вбитому в землю колышку напротив двора, где он целыми днями щипал травку. Мальчишки из соседских домов специально приближались к бычку, поддразнивая и раззадоривая. И однажды Борька так рванул свою привязь, что выдернул колышек и понёсся по улице. Пацаны – врассыпную.

К несчастью, в это время Неля в ярком нарядном платье выходила на улицу. Бычок – напрямик к ней, загнал обратно во двор, погнался, больно боднул и сильно прижал своими маленькими рожками к деревянной стенке сарая, отскочил и снова боднул. Почти теряя сознание от страха и боли, девочка закричала. Тега ринулся на выручку своей любимой подружки. Он молотил крыльями, налетал на обидчика, больно бил и щипал клювом. Телёнок не выдержал неожиданного напора и убежал. Неля гладила длинную шею, спину и крылья своего спасителя, ласково приговаривая: «Тега, Тегочка...».

Гусь, словно переговариваясь с подружкой, как-то по-особому щебетал в ответ и, вытянув шею вверх, гордо, словно сознавая смелость и важность своего поступка, шагал рядом. После этих случаев девочка уже никого не боялась, знала, что у неё есть настоящий защитник.

К осени гуси стали совсем взрослыми. Крупные, крепкого телосложения, с оранжевыми клювами и ногами, хорошо развитыми крыльями... И однажды они во главе с Тегой неожиданно поднялись в воздух и улетели со двора. Случился целый переполох. Испуганная Нелина семья не знала, и никто не подсказал, что крылья птицам надо бы подрезать. Все думали, что потеряли их навсегда.

Маленькая пастушка бежала по улице и, плача, громко звала:

– Тега, Тега! Где вы? Пожалуйста, возвращайтесь!

– Мы остались без гусятины. Как теперь перезимуем? – Сокрушалась семья.

И только маленькая пастушка волновалась о потере друга.

А вот тётка Белоха злорадствовала:

– Что, лишилась защитника! Не будут больше лазить по чужим огородам, негодники.

И вдруг раздалось знакомое гоготанье, Тега появился в конце улицы, а за ним и всё стадо.

Вожак не подвёл любимую подружку!

Приближались холода, Белоха радовалась. Наконец-то проклятые оставят в покое её грядки, потому что неотвратимо наступало время забоя гусей!

С этой целью пригласили дядьку Васю Перцева. Неля сразу поняла, зачем он пришёл. Для неё это было страшным ударом. Она, конечно, знала, для чего растили гусей, понимала, что семья живёт впроголодь, ей часто доставалось за их набеги на чужие огороды... «Но мы стали друзьями! И особенно дорог Тега!» – думала юная пастушка.

Словно чувствуя беду и понимая ситуацию, теперь гусь просил у девочки защиты, жался к ней, тревожно глядел в глаза, беспокойно гоготал... Неля, сжав кулачки, со слезами на глазах, решительно заявила своей грозной тёте Марии:

– Тегу я не отдам!

– Что значит, не отдашь? Мы для чего их растили?

– Тогда я не буду есть мяса гусей, вообще не буду ничего есть, пусть вам больше достанется, но Тега будет жить! Он мой друг, мой защитник!

– Давайте оставим Тегу, – твёрдо вступилась за дочь Евдокия. – Моя девочка так старалась, трудилась всё лето. Тега – вожак и, действительно, заслужил, чтобы его оставили в живых.

Неля крепко обняла и прижала к себе доверчиво застывшую в объятьях птицу.

– Да, конечно, давайте оставим Тегу внучке! – неожиданно поддержала обычно молчаливая бабушка.

Тётка удивлённо посмотрела на всех, на гусака, на племянницу... Увидела в её глазах такую решимость и отчаяние, что поняла: племянница не шутит и действительно выполнит обещание, не станет ничего есть. Сердце тётки Марии дрогнуло, а глаза, может быть впервые, потеплели. Она сдалась под натиском и великодушием маленькой защитницы.

– Давай, забирай своего друга, – с улыбкой облегчённо молвила мать.

Вот так маленькая пастушка отстояла своего приятеля.

Гусак Тега остался жить, и он ещё много лет был вожаком новых гусиных стай.

Татьяна РОМАНЕНКО

г. Ангарск, Иркутская обл.

Романенко Татьяна Борисовна. Родилась 9 октября 1969 г. в городе Чита. В 1981 г. переехала в город Ангарск. Работала журналистом в городской газете «Защита» и журнале «Любимая», вела колонки для детей. Первую сказку написала в 1995 году. Публиковалась в коллективных сборниках издательства «Кубик», в серии «Сказки на ночь», в детских журналах «ПростоКваша» (Волгоград), «Бералла» (Грозный), «Енисейка» (Красноярск), в журнале «Признание» (Ангарск). Участник и победитель международного конкурса «Напишем книгу» (Самара /25.01.2022 /07.07.2022 /25.01.2023). Автор книг «Байкальская Атлантида» и «Сказочные приключения». Член литературного объединения «ГААС» (г. Ангарск). В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

Байкальская Атлантида

Новелла

Глава первая

Я ехала с родителями в отпуск, на Байкал. Дикарями, как сказал папа. Чтобы слиться с природой. Отдохнуть от цивилизации. Конечной точкой путешествия был посёлок Энхалук.

До места добрались уже к вечеру. Берег озера был усыпан палатками, как лесная поляна ромашками. Места на берегу для всех дикарей просто не хватало.

– Здравствуйте! Отдыхать приехали?

К нам подбежал мальчишка, лет десяти.

– Да уж, отдохнули, – грустно произнёс папа.

– А хотите у нас пожить? – мальчишка заулыбался и махнул рукой в сторону деревни. – У нас есть гостевой дом. В нём две комнаты, кухня и туалет.

Папа нахмурился, а мы с мамой очень даже обрадовались. Я, конечно, не против природы, но тёплый туалет лучше кустиков! Нет, вы как хотите, предки, а я точно за проживание в доме! Папа посмотрел очень сердито, а мы с мамой, как два китайских болванчика закивали головами, улыбаясь от уха до уха.

– Ладно, запрыгивай в машину. Покажешь, где ваш домик, – сказал папа, определяя мальчишке место рядом с собой.

Алтан – так звали нашего провожатого.

– Меня родители на перевоспитание отправили, – заявил, улыбаясь, мальчишка.

– Ты, что, хулиган? – спросил папа.

– Нет, – засмеялся Алтан, – папа сказал, что дедушка поможет мне стать настоящим богатырём. А то я слишком домашний.

– Так ты сильным хочешь быть? – уточнила мама.

– Мышцы я и в тренажёрке накачаю. Мне силы духа не хватает, – серьёзно произнёс Алтан и отвернулся к окну.

– Ну, это дело серьёзное, – одобряюще кивнул папа и подмигнул мне в зеркало заднего вида.

Хозяевами усадьбы и прародителями семьи Алтана были бабушка Жаргал и дедушка Мэргэн. Двор в усадьбе оказался большим и просторным. От калитки до дверей дома всё пространство было засыпано мелкой галькой. Рядом с большим хозяйским домом стоял маленький гостевой домик.

Чистый двор – без теплиц, парников и прямоугольников грядок. Я в замешательстве оглядывалась по сторонам.

– Ты что потеряла? – спросил папа.

– Картошку, – честно призналась я.

Я, конечно, не эксперт, но в деревне и на даче у родственников есть теплицы и грядки. А уж поле с кустиками картошки – это просто неотъемлемая часть пейзажа!

Папа улыбнулся и ответил:

– Мы на Бурятской земле, дочка. Здесь другой уклад жизни, другие обычаи, другая религия.

Дедушка Мэргэн и папа пошли загонять машину под навес. Мама с бабушкой Жаргал ушли в наш гостевой домик, а я стояла и озиралась по сторонам.

– Тебя как зовут-то? – спросил Алтан. – А то мы так и не познакомились.

Мальчишка улыбнулся и протянул мне руку:

– Алтан, – сказал он.

– Яна, – ответила я и пожала загорелую ладошку нового друга.

– Бабушка, – закричал Алтан в сторону дома, – а можно мы с Яной на берег Байкала сходим?

Из дома вышли бабушка и мама.

– Сходите, – ответила бабушка, – и в магазин за хлебом зайдите. А мы пока буузы приготовим.

Мама помахала мне рукой и пошла вслед за бабушкой в большой дом.

– О, буузы, это тема! – облизнулся Алтан. – Ты любишь буузы? – спросил он.

– А я их ела? – огрызнулась я.

Настроение у меня как-то испортилось. Идти никуда не хотелось, да и надоел уже этот вечно улыбающийся мальчишка...

Мои мысли прервал папа.

– Яна, буузы – это позы по-нашему, ты же их любишь!

– Позы люблю, а буузы я не ела.

– Ну вот, сейчас сбегает до моря... – мальчик не успел договорить, его перебил дедушка.

– А зачем вам на море? – спросил он.

– Поздороваться, – не моргнув, ответил Алтан, – ведь Яна только приехала!
– Правильно, внучек. Сходите, поздоровайтесь и возвращайтесь. Будем обедать, – произнёс дедушка и улыбнулся мне.

И как-то от его улыбки стало тепло и спокойно. Раздражение испарилось, и я улыбнулась в ответ. Вечернее солнце красиво подсвечивало волны. Лёгкий бриз нежно обволакивал своей приятной свежестью. Пичуги щебетали где-то в кустах. Я присела и протянула руку навстречу волне.

– Здравствуй, Батюшка Байкал, – шёпотом произнесла я.

Волна тронула кончики пальчиков и легко отошла в море. Я улыбнулась, любясь золотыми переливами солнца на воде. И тут же следующая волна, накатив на берег, омыла мои ноги и убежала обратно. Страх не было. Было спокойствие и умиротворение. Я выпрямилась и посмотрела на Алтана. Мальчишка стоял с открытым ртом и выпученными от удивления глазами.

– Ты чего? – засмеялась я. – Пойдём за хлебом – и домой. Будем твою вкуснятину пробовать.

Стол накрыли в беседке. В вечерних сумерках был слышен треск цикад. Дедушка повесил какую-то лампу-курильницу, и вскоре все комары исчезли.

Алтан сидел задумчиво, глядя в тарелку. Он с самого берега молчал, но меня это почему-то совсем не волновало. После встречи с Байкалом я испытывала такую эйфорию, что даже не обращала внимания на притихшего мальчишку, на суету мамы и бабушки.

– Он с ней поздоровался, – произнёс Алтан.

– Кто? – спросил папа.

– Дедушка, – прошептал Алтан, – Байкал с Яной поздоровался. Мы сделали всё, как ты учил. Отступили на шаг от воды. Яна присела и протянула руку. А потом, потом – он омыл ей ноги! За столом стало тихо.

– Это плохо? – спросила взволнованно мама.

– Да нет, что вы, наоборот. Это очень даже хорошо! – засмеялся дедушка. – Значит, Яна – девочка с чистой душой, и Батюшка Байкал признал её.

– Просто я такое никогда не видел, прямо как в книжке написано, – сказал Алтан, заулыбался и стал опять таким же весёлым мальчишкой, с которым мы познакомились несколько часов назад.

Буузы действительно были восхитительные!

Папа помог убрать женщинам со стола. Бабушка принесла ароматный чай и разлила его по чашкам.

– Дедушка, расскажи нам сказку, ты столько всего знаешь, – попросил Алтан.

Дедушка подсыпал траву в курильницу, и приятный аромат наполнил беседку. Бабушка раздала всем пледы, и я с удовольствием укуталась.

– Ну что же, можно и рассказать, – ответил дедушка. – Только это не сказка, а быль.

– Давно это было, – начал свой рассказ дедушка, – почитай, как уже 160 лет прошло. На месте вон того залива, южнее нашего села, – дедушка махнул в сторону моря, – была земля. Жили люди, пасли скот, растили детей. И вот 31 декабря 1861 года случилось у нас землетрясение. Аж в 10 баллов! Даже, говорят, у вас, в Иркутске дома разрушились. Три дня трясло землю. Пять улусов забрал Байкал. Была Цаганская степь, и не стало её. Теперь на месте степи залив. Его так и называют – Провал.

– Ой, как страшно, – прошептала мама. – Наверное, и людей много погибло.

– Да, несколько человек пропали, а так в основном все спаслись. У нас же почти в каждом доме лодка есть. На Байкале всегда трясёт, вот и в этот раз люди думали, что всё обойдётся.

Яна прижалась к маме, укутавшись в мягкий плед. Аромат трав из курильницы кружил голову, и девочка не заметила, как задремала под рассказы дедушки. Белые мотыльки, летая под абажуром лампы, гипнотизировали своим ритмичным танцем.

Глава вторая

Белые снежинки, так похожие на мотыльков, кружились в воздухе...

– Яна, быстрее, быстрее, – подбадривал девочку паренёк.

Они бежали по улице, взявшись за руки, но движения их были неуклюжими. Дрожь земли ощущалась всем телом, от подошвы сапог до макушки.

– Подожди, Алтан, дай дух перевести, – ответила девочка и попыталась остановиться, но чуть не упала, успев схватиться за изгородь.

– Ой, мамочки, смотри, – сказала Яна и показала рукой куда-то за дом.

Алтан подошёл поближе и уже хотел возмутиться, но увиденное так поразило его, что мальчик просто потерял дар речи. За домом стоял обычный сруб колодца. Необычным был фонтан воды, поднимающийся практически на метр, выше самого колодца.

– Алтан, мне страшно. Что это?

– Не знаю, Яна. Побежали быстрее домой. Расскажем дедушке про колодец.

Алтан крепко сжал ладонь девочки, и они побежали домой.

– А ты заметил, как выла собака – в том доме с колодцем? – спросила, задыхаясь от бега, Яна.

Дедушка стоял возле калитки, и дети, не успев затормозить, с разбега упали ему на руки.

– Дедушка, там такое творится, – затараторила Яна, – вода из колодца фонтаном в небо бьёт. А собака так выла, так выла...

– Да, видимо, это не обычное землетрясение, уже второй день не прекращается. Я такого не помню. Бабушка вещи собирает. Пойдёмте, поможем ей и поедем подальше от берега. В селе Оймур живёт мой друг, у него и переждём всё это.

Бабушка уже всё упаковала в мешки и тюки. Дедушка и Алтан укладывали пожитки на телегу. Кошка Мурка запрыгнула на мешки и забилась между ними, прячась от чего-то страшного.

– Дедушка, а почему животные так себя ведут?

– Они лучше нас чувствуют беду. Неспроста Батюшка Байкал второй день не может успокоиться, ой, неспроста.

Дедушка отщёлкнул карабин с цепью от ошейника, и Амур – грозный сторожевой пёс, как маленький щенок бросился дедушке на руки, стараясь лизнуть хозяина в лицо.

– Дедушка, а что будет с теми собаками, что остались на привязи? Они ведь погибнут!

– Возможно, – спокойно ответил дедушка.

Алтан бросился к калитке, но дедушка поймал его за рукав.

– Ты куда?

– Там, там, деда, там собака привязана и бараны в загоне. Это дом моего друга Серёги. Он хвастался, что с родителями на новый год в город уезжает. Дедушка, кто же его животных спасёт?

– Хорошо, Алтан, возьми коня, так быстрее будет.

– А вы как же?

– Мы пока кобылу запряжём и поедem потихоньку. А ты нас догонишь. Встретимся на краю улуса, возле дома старого шамана.

– А можно я с ним? – спросила Яна, а сама уже запрыгнула на спину лошади и вцепилась в курточку мальчика.

– Хорошо, вдвоём вам удобней будет.

С детства выросший в седле, Алтан легко управлялся с жеребцом. Мальчик пустил коня галопом, и они быстро добрались до нужного дома.

Привязав поводья к изгороди, дети забежали во двор школьного друга. Фонтан перестал бить из колодца, но вода, выплёскиваясь через край, разливалась по всему полю за домом.

– Хорошо, что вода в другую сторону ушла, а то мы бы уже промокли, – сказал Алтан, пытаясь снять ошейник с собаки.

Яна гладила старого пса по голове, пытаясь успокоить. Мелкая дрожь била собаку, проходя волнами по позвоночнику от шеи до хвоста.

Землю опять затрясло. Конь дико заржал, заглушая треск ломающихся стен дома. Ошейник наконец-то поддался, и пёс, почувяв свободу, рванул в открытую калитку, засыпав ребят снежной пылью.

– Яна, открой загон, выпусти баранов, а я в доме проверю, – крикнул Алтан и побежал внутрь.

Девочка в последний момент успела отскочить в сторону. Ошалевшие от страха бараны стали выскакивать в открытую дверь, разбегаясь по залитому водой полю.

– Ну что же вы, глупенькие, – шептала Яна, глотая подступившие слёзы, – бегите, спасайтесь...

Яна сидела на коне, крепко прижавшись к спине Алтана.

– Давай ещё чуть-чуть проедem по нашей улице. Вдруг где-то ещё остались собаки на привязи, – сказал мальчик, – а потом сразу вернемся к дедушке.

Как два дозорных, дети зорко осматривали дома соседей. В каждом дворе кипела жизнь. Повозки загружались домашним скарбом. Люди суетились, собирая своё небогатое имущество. Какофония звуков вызывала в душе панику. Коровы мычали, овцы блеяли, собаки лаяли до хрипоты, и ко всему этому добавлялся треск. Уже сложно было определить, что где ломается. Трещали деревянные доски на домах, трещала земля, трещал лёд на озере...

Вдруг очередная волна землетрясения так сильно качнула, что конь споткнулся, присев на передние ноги. Дети по инерции стали падать вперёд, перелетев через голову жеребца. Вода просачивалась сквозь землю, и снег превратился в грязную кашу. Алтан быстро вскочил на ноги, а Яне никак не удавалось подняться. Волны землетрясения шли одна за другой, и девочка, устав бороться с этой земной качкой, встала на четвереньки, упираясь ладошками и коленями в качающуюся землю.

– Стой, стой! – услышала Яна и подняла голову.

Алтан пытался поймать рукой уздечку, но конь от страха бросался то влево, то вправо. Яна изо всех сил упёрлась в землю руками, оттолкнулась и постаралась встать.

Грязные комья снега летели из-под копыт жеребца, убегающего в сторону родного дома.

– Ой, что теперь будет! – воскликнула Яна.

– С конём – ничего, он к дедушке убежал, а вот мы с тобой теперь пешком будем возвращаться, – ответил Алтан.

Не успел мальчик произнести последние слова, как бурный поток воды хлынул поперёк улицы, отрезая детям дорогу назад.

– Смотри, Яна, – сказал Алтан, показывая на поля за домами, мимо которых они только что проезжали.

Там везде была вода. Коровы брели по колено в грязной жиже. Старый дедушка, на соседнем участке, перекаладывал тюки с вещами с телеги в свою маленькую лодку.

– Алтан, что нам делать? – еле слышно прошептала Яна.

– Нам нужно срочно найти лодку, – ответил мальчик. – Пошли, посмотрим вон в том доме. Там живёт наша учительница Гоохон Салиджаповна. Я помню, у них две лодки было.

Глава третья

– Может, вы с нами поплывёте? – спросил муж учительницы.

– Спасибо, дядя Баяр, мы с Яной сами. Давайте мы вашу собаку с собой заберём, а то у вас в лодке и так места мало.

– Хорошо, – ответил мужчина. – Запрыгивай быстрее в лодку, а то уже все ноги промочил.

Вода прибывала, и лодка, которая ещё несколько минут назад твёрдо стояла на земле, уже покачивалась на волнах. Яна сидела на корме лодки. Из-за пазухи у неё выглядывала рыжая мордочка учительской кошки. Пёс прижался к ногам девочки и не шевелился.

– Поплыли! – скомандовал мужчина и оттолкнулся шестом от дна. – Алтан, не отставай, держись рядом.

– Хорошо, – ответил мальчик.

Лодки плыли мимо домов, сараев и заборов. Вся земля покрылась водой.

– Смотри, там в окне кошка, – крикнула Яна, показывая в сторону проплывающего мимо дома.

– Дядя Баяр, не теряй нас, мы сейчас, кошку заберём и догоним вас, – прокричал Алтан.

– Хорошо, только сильно не отставайте, – ответил муж учительницы.

Вода доходила уже до окон, и лодка причалила к дому как к пристани. Алтан попробовал толкнуть раму, но окно не открылось.

– Яна, отвернись, чтобы в лицо не попало, – сказал мальчик и стукнул по стеклу.

Осколки посыпались в воду, и Алтан вытащил кошку и маленького котёнка, который испуганно прижимался к маминой лапке. Яна расстегнула курточку, принимая новых пассажиров.

Алтан сел на вёсла и стал грести во всю мальчишескую силу, чтобы догнать семью учительницы.

Яна старалась не плакать, но слёзы предательски катились по щекам. Вдруг тёплый шершавый язычок лизнул её по щеке. Это маленький котёнок выбрался из-под куртки и слизывал солёные Янины слёзы, пытаясь успокоить свою спасительницу.

«Нет, нельзя сдаваться, – подумала девочка, пряча котёнка за открытый ворот курточки. – А как же бабушка с дедушкой? А как же мама с папой? А как же все эти животные, которых мы спасли?»

Яна опустила руку за борт, окунув ладонь в воду, и стала молиться своей простой, детской молитвой: «Батюшка Байкал, помоги нам. Позволь нам с Алтаном и всем людям в нашем улусе добраться до берега. Подскажи нам дорогу. Помоги нам найти бабушку и дедушку...»

Яна достала из кармана карамельку и опустила ладонь в воду. Волна подхватила конфетку, унося её куда-то вдаль. И тут же девочка почувствовала, как что-то стукнулось ей в ладонь.

– Алтан, смотри, это щенок! Он уже даже плыть не может, – закричала Яна и схватила щенка за ухо, чтобы он не потерялся.

– Давай я тебе помогу, – сказал мальчик и затащил мокрого щенка в лодку.

Щенок был жив, но сил у него хватило только на то, чтобы лизнуть Яне руку и слабо вильнуть хвостом.

Мороз крепчал. Промокшая одежда застыла, встав коробом. Руки и ноги так сильно замёрзли, что Алтан их уже и не чувствовал. Мальчик грёб из последних сил, понимая, что останавливаться нельзя.

– Байкал, – услышал он весёлый Янин голос.

– Что? – спросил Алтан, переводя взгляд на девочку.

Яна гладила щенка по голове. А этот грязно-белый комок шерсти стоял возле девочки, сложив передние лапы ей на колени, и безудержно вилял хвостом.

– Смотри-ка, ожил, – засмеялась Яна. – Алтан, можно я Байкала себе заберу.

– Кого? – удивился мальчик.

– Щенка. Я его Байкалом назвала...

Лёгкий ветерок дунул девочке в спину, и лодка заскользила по воде.

– Алтан, смотри, я вижу лодки! Много лодок! Вон они, совсем близко! Давай вдвоём грести.

Девочка вытащила двух кошек и котёнка, усадила их рядом со щенком и перебралась на лавочку к мальчику.

– И, раз! – командовал Алтан.

Вдвоём грести было легче, и лодка быстро приближалась к берегу. Ветерок помогал скользить лодке по волнам, но при этом было совсем не холодно. Животные сбились в один комок. Котёнок лежал под животом у щенка, и кошки обнимали их с двух сторон. Большой пёс лежал полукругом, как бы оберегая всю эту мелочь от опасности.

– Спасибо, – прошептала Яна одними губами, глядя в бескрайнюю даль могучего сибирского моря, носящего величественное имя – Байкал.

Глава четвертая

Яна вздрогнула и, открыв глаза, резко села.

– Ты что, спишь? – спросила мама.

Но девочка не ответила. Она дико озиралась по сторонам. Тут она увидела дедушку, и их взгляды встретились.

– Дедушка, я, мы...

– Всё хорошо, девочка, всё хорошо, – ответил дедушка и протянул Яне кружку с чаем. – На, выпей.

Яна мелкими глотками пила ароматный чай. Рядом на лавочке похрапывал Алтан, укутавшись в покрывало.

– Просыпайся, а то без тебя уплывём, – толкнула мальчика Яна и засмеялась.

Алтан открыл глаза и посмотрел на Яну, потом на дедушку и опять на Яну.

– Гав! – послышалось где-то рядом с беседкой.

– Кто это? – спросила мама.

– У соседней собака оценилась. Они всех щенков раздали, а один остался. Видимо, это он к нам забрёл.

В этот момент в беседку закатился толстый белый комок шерсти.

– Байкал! – в голос закричали дети и кинулись к щенку.

Пёс радостно вилял хвостом, облизывая Яне руки, и всё пытался подпрыгнуть и лизнуть её в щёку.

– Папа, это Байкал, можно я возьму его домой. Я ему обещала, – сказала Яна.

Родители недоумённо переглядывались, не понимая, что происходит, и только бабушка, прищурившись, хитро улыбалась.

Старый бурят знал, как тонка грань между сказкой и былью, особенно на берегу Байкала.

Екатерина ЛИМОНОВА

п. Синегорье, Магаданская обл.

Лимонова Екатерина Сергеевна. Родилась 10 января 1988 года в п. Синегорье.

Заочно обучается в Московском международном университете по специальности Журналистика средств массовой коммуникации.

Публиковалась в международных литературно-публицистических журналах «Интеллигент. Магадан», «Интеллигент. New-York», «Интеллигент. Русский мир», а также в журналах «Северо-Муйские огни», «Колымские просторы», «Светотени», в местных СМИ и антологиях «Северная строка. Колымская поэзия XX-XXI веков» (Магадан, 2014). Участник поэтических сборников: «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя». В 2005 году в газете «Северная правда» вела свою «Молодёжную страничку».

В 2018 году в Магадане вышел первый сборник стихов «Не забывай, что я люблю тебя».

Всего один день

Рассказ

Была середина весны. С каждым днём становилось теплее, мир наполнялся яркими красками. Земля, вместе с человеческими сердцами, отогревалась после холодной зимы.

За тридцать три года я так и не смогла полюбить зиму. Куда ни посмотри, всё имеет какой-то удручающий серый оттенок. Даже лица у людей соответствуют времени года: хмурые, безрадостные. Зимой мне чаще хочется оставаться дома с книжкой или чашкой горячего чая в руках. Одно уносит в загадочный мир приключений и романтики, а другое согревает руки и настраивает на размышления. Порой воспоминания из прошлого бывают настолько сильными, что, кажется, я начинаю ощущать не только запах маминых блинов, которые она жарила по субботам, но и их ни с чем несравнимый вкус...

Воскресенье. Сегодня я плохо спала. Во сне я тонула в бескрайнем чёрном море, спасение в виде большого медленно плывущего вдаль корабля было так близко и в то же время так далеко. Проснулась с плохим настроением и сильно бьющимся сердцем. Вместо завтрака – чашка горячего крепкого кофе без сахара.

Моя жизнь не всегда была гладкой и ровной, приходилось много работать. Было нелегко, но, благодаря молодости и амбициям, светлой памяти о матери и большого желания жить, я не опустила на дно, не занялась чем-то противозаконным. Я боролась за достойное и счастливое существование. Со временем моя жизнь стала более стабильной, в ней появилась уверенность в завтрашнем дне.

Я раздвинула шторы, солнце осветило моё жилище, в котором из мебели было лишь самое необходимое. Благодаря своей маме, я научилась создавать уют из простых вещей, без шика, но со вкусом. Я никогда не желала больше, чем имею. Я скупа в своих желаниях.

Обстановка в квартирах моих подруг со школы выглядит гораздо изысканней и дороже. И мне кажется, что нам было одинаково неуютно находиться друг у друга в гостях. Уровень жизни и достатка повлиял на то, что вначале я перестала получать от них приглашения зайти в гости, а со временем и они перестали бывать у меня, правдоподобно ссылаясь на занятость. Иногда мы сталкиваемся на улице, и... они проходят мимо, не здороваясь, словно не замечая. Если их окликнуть, растерянно извиняются: «Прости, не заметила, очень спешу. Ещё обязательно увидимся». И убегают прочь. Я их не осуждаю. Каждый человек строит свою жизнь так, как ему удобно. Так, как позволяет ему воспитание, совесть и моральные принципы.

Обрести новых друзей, которых я могла бы с лёгкостью впустить в свою жизнь, раскрыть душу, не получилось. Говорят, собаки – лучшие друзья человека, но завести собаку в моём случае было бы безответственно: я прихожу с работы не раньше восьми вечера. И мой единственный выходной – воскресенье. Это было бы нечестно по отношению к живому существу, которое преданно ждало меня днями, запертое в маленькой квартире.

Выйдя на улицу, я вдохнула полной грудью свежий воздух. Мне стало лучше. Во дворе на скамеечке сидели две старушки, одна из которых была моей соседкой.

– Аленька, здравствуй! – увидев меня, сказала Ольга Андреевна.

– Здравствуйте, красавицы! – с улыбкой поздоровалась я.

Пожилые женщины, разменявшие восьмой десяток, от души рассмеялись.

– Ольга Андреевна, меня не будет до вечера, но по пути я зайду в магазин, вам что-нибудь нужно?

– ... Если только полбулки чёрного хлеба, Аленька, – немного подумав, ответила она.

– Совсем мало кушать стали, – с досадой произнесла я.

– В одиночестве и кушать не хочется, дорогая, – с дрожью в голосе ответила моя соседка.

– Тогда я зайду к вам вечером на чай, и вы составите мне компанию, – с улыбкой добавила я.

Лёгкий ветер зашевелил обвязанный вокруг шеи длинный чёрно-белый шарф с кисточками.

Эта вещь хранит дорогие и нестираемые для меня воспоминания о ласковой маме, которая связала его своими морщинистыми нежными руками. Он хранит в себе тепло её рук и большую материнскую любовь. В сильные морозы мне достаточно подумать о ней, как моё продрогшее тело перестаёт чувствовать холод, а сердце наполняется большой благодарностью к матери за всё, что она сделала для меня.

По пути к городскому парку я зашла в магазин и купила свежеспечённый хлеб, молоко, творог и печенье, а для себя – немного любимых с детства шоколадных конфет. Развернула одну и положила в рот. Сладкий вкус детства сопровождал меня, пока я медленно шла к парку, где по выходным всегда было многолюдно. Сегодня, к счастью, там оказалось много детей разных возрастов, семейных пар и немало людей пожилого возраста. Слышался детский радостный смех, родители то и дело одёргивали своих любимых чад словами: «Будь аккуратнее, не убегай далеко и веди себя тише». Найдя свободную скамейку и удобно устроившись на ней, стала с интересом наблюдать, как дети играют. Они звонко смеялись, от этого и мне становилось весело. Невольно вспомнила, как и я беззаботно бегала и смеялась, а моя мама лишь сдержанно улыбалась и с умилением смотрела на то, как её единственный ребёнок наслаждается детством. Мы часто вместе с ней приходили в парк, когда у неё было свободное время. И я так же, как эти милые дети, веселилась с друзьями и так же, как они, не догадывалась о том, что готовит для меня будущее. Но тем и прекрасно детство, когда не задумываешься о том, что тебя ждёт.

Моего отца не стало, когда мне не исполнилось ещё и года. Маме приходилось много трудиться, чтобы у меня было всё самое необходимое, но всё равно того, что она зарабатывала, не хватало для ощущения достатка. Несмотря ни на что она старалась радовать меня, покупала подарки ко дню рождения, а в Новый год под ёлкой я всегда находила игрушку и пакетик конфет. Случались подарки и без повода, просто так. После работы она нередко заходила в магазин и покупала что-нибудь вкусное к вечернему чаю. Она, как могла, вносила в моё детство яркие краски. А когда чувствовала свою беспомощность и невозможность изменить положение вещей, она крепко прижимала меня к себе и тихо плакала. А я, растерянная и не понимающая причину её слёз, крепко прижатая к груди матери, молчала и слушала, как взволнованно бьётся её сердце.

Благодаря её любви и стараниям у меня был шанс насладиться детством. Когда мама слегла, я взяла на себя заботу о нашей маленькой семье. Поэтому после окончания школы у меня не было возможности пойти учиться в институт. Я подрабатывала дворником, даже пробовала себя в роли официанта. Оказываются, еда, коммунальные услуги, лекарства, одежда стоят почти целое состояние.

С тех пор прошло пятнадцать лет. И, несмотря на трудности, на все потери, я верю в светлое будущее. Ведь человек жив, пока в нём живёт надежда.

... Количество конфет в пакете незаметно таяло. Ко мне неожиданно подбежали несколько бедно одетых ребятшек. Неловко переминаясь с ноги на ногу, они молча поглядывали на оставшиеся конфеты. Я предложила:

– Угощайтесь.

Самый старший из всех взял несколько конфет.

– Берите всё, – с улыбкой сказала я ребятам.

– Спасибо! – почти хором ответили они и убежали.

Я видела, как быстро пакет опустел, а обёртки одна за другой отправлялись в ближайшее мусорное ведро. Дети смеялись. Им было хорошо. И я в очередной раз убедилась в том, чтобы ощутить себя счастливым человеком, необязательно иметь красивый дом, дорогую мебель, машину, престижную работу и огромное количество друзей, достаточно сделать счастливым кого-то, ведь источник счастья – это любовь, которую необходимо дарить миру. А суть счастья заключается в способности человека радоваться жизни вопреки самым, казалось бы, трудным обстоятельствам.

В моей голове одно за другим всплывали приятные воспоминания из прошлого: детство, мама, школьные годы и первая любовь, так и не переросшая во что-то большее, а жаль... Сегодня я бы пришла в парк не одна...

Стало заметно вечереть. Люди медленно расходились. Парк становился пустым. Пора было возвращаться домой.

Я, согретая лучами солнца, обласканная тёплым ветром, с улыбкой шла в сторону своего дома, и слушала, как природа исполняет для меня божественно красивую мелодию. Шелест листьев, словно шёпот небес, поздравляли меня с очередным, забытым людьми, но не забытым природой днём рождения.

Елена ЗЯБЛОВА

г. Усолье-Сибирское, Иркутская область

Преподаватель музыки и танца в школе искусств. Пишет стихи и музыку, публиковалась в общероссийском журнале «Книжки, нотки и игрушки...» (Москва), литературной газете «Интеллигент. Магадан», в литературных журналах «ИртышЪ-Омь» (Омск), «Новый Свет» (Канада), «Крылья» (Самара), в альманахе «Параллели» (Самара, 2019). Автор 2 книг стихов и прозы. Лауреат II Открытого областного фестиваля-конкурса исполнительского мастерства (Иркутск-Братск, 2018), международного конкурса «Музыкальная шкатулка» (Омск, 2021). Член редколлегии журнала «Северо-Муйские огни».

Первоцвет

Весенняя фантазия

В последние зимние деньки холода затянулись. То, что так радовало в начале зимы – снег, ядрёный морозец, теперь наводило тоску и уныние на всех, особенно на женщин.

Как царственно ступали они по первому зимнему снежку в своих зимних нарядах! Казалось, плыли по нему. Шапки-короны возвышали их над мужчинами, которые с удивлением смотрели вслед плывущим красавицам-птицам. К концу зимы красавицы всё больше напоминали медведиц в тёплых меховых шубах. И мужчины, сразу как-то съёжившись, втягивали шеи в воротники тулупов и пуховиков, старались отводить взгляд от женщин-медведиц, готовых вот-вот зарычать. А рычать было из-за чего! Который день тяжёлые тучи висели над городом, хмурилась погода. А так хотелось тепла и света, чтобы мир улыбнулся!

За городом, в лесу, легче переносить это уныние, но и здесь природа с нетерпением ждала весны! Ёлочки, запрокинув головы, смотрели в небо, чтобы не видеть свои грязно-серые рукавички. «Стыд-то какой! Скорей бы кто-нибудь снял их с наших ладошек», – думала каждая из них.

От причёсок-башен высоких статных сосен остались одни клочки. Сосны – гордые, чопорные дамы – хоть и выглядели несуразно и смешно, но вида не подавали. Светский этикет им не позволял.

Хуже всего было берёзке, поодаль одиноко стоявшей на пригорке. Ведь на выданье она! Нынче зима свою любимицу самым богатым нарядом одарила: платье из чистого жемчуга, фата – в три яруса с бахромой, усыпанная хрустальными звёздочками! Со временем жемчужное платье рассыпалось, а свадебная фата превратилась в жалкие лохмотья. Берёзка плакала день и ночь. Туман её жалел, застилал глаза соснам и ёлочкам, чтобы те не видели невесту несчастную и печальную.

Нужна была сила! И вот грубая мужская сила, готовая сорвать клочки, лохмотья, всё ветхое, старое, ненужное, мощным ураганом пронеслась в эту ночь!

Утро лес встретил тишиной. Туман рассеялся. Деревья стояли, закрыв глаза, боясь пробуждения. Опять подул ветер, но лёгкий, озорной, стал расчёсывать берёзку. Она очнулась, засмеялась, и ветер, слегка охмелевший от смеха, растрепал её волосы. Смех разливался тонким журчаньем ручейка, по всему лесу запели птицы. Ветерок подхватил поющих птиц и стремительно взметнул в небо. Там, раскинув крылья, полностью доверяясь ветерку, они качались на его волнах, приглашали в облачную карету и, запрягаясь в неё, с весёлым щебетом устремлялись к величавым соснам. Затем дружно принимались за работу. Пташки выщипывали обломавшиеся волосы-иглолки, ветерок начёсывал макушки. Через несколько мгновений светских дам было не узнать! Правда, они проверяли свои причёски, поворачивая головы то вправо, то влево и, оставшись довольными, благодарили мастеров изящными поклонами. Ёлочки, восхищаясь соснами-дамами, хлопали в ладошки, на которых были надеты новые лайковые перчатки. Кружились на одной ножке, хвастаясь своими обновками.

С каждым мгновением природа преображалась. И только земля, укрытая тёплым пуховым одеялом, ещё спала – тихо и спокойно. Да, она слышала звонкий смех берёзки, и птичье пенье, но проснуться не было сил. Вдруг нежное тепло скользнуло к переносице, коснулось дуги бровей, и она, улыбаясь, открыла голубые глаза: «Здравствуй, любимый».

Новые, непонятные нотки свежести ощущались в воздухе. Счастьем наполнилась её душа. Внезапно кольнуло сердце, острая боль сменилась жаром, который растекался по всему телу. Яркий солнечный луч, даря тепло, кружился над ней.

От его танца всё наполнилось светом. Тусклые краски сменились на яркие, сочные. Берёзка покрылась звенящими бубенцами, в которых прятались зелёные бусинки. Бусинкам нестерпимо хотелось пробить толстые стенки бубенцов и присоединиться к ликующей весне! Птичий хор звучал всё громче и громче, луч солнца парил над деревьями, раскачивающимися в причудливых арабесках!

Внезапно музыка оборвалась... Лес замер... На свет появился цветок...

Земля родила первенца. Маленький белый Подснежник с большими солнечными глазами, как у папы... И все вокруг улыбнулись.

Поэзия

Поэзия принадлежит к народному воспитанию.
Василий Андреевич Жуковский

Светлана ДОНЧЕНКО

г. Краснодар

Член Союза писателей России, Союза литераторов Европы, Международной ассоциации литературы, культуры и искусства. Автор 5 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских и зарубежных альманахах и журналах. Кавалер ордена Серебряного Орла, ордена «Золотая Звезда». Награждена дипломом и медалью «Литературный Олимп», медалью им. Нобелевского лауреата Ивана Бунина, дипломом «Недаром помнит вся Россия» с вручением медали «М. Ю. Лермонтов». За заслуги в области литературы удостоена почётного звания «Заслуженный писатель Московии». Руководитель Южно-российского творческого объединения «Серебро Слов».

Весеннее...

Над Россией снова злые тучи...

Над Россией снова злые тучи
Чёрные, махровые плывут.
Разгулялись вылазки гадючки
И шакальи стаи тут как тут.

Стала Русь могучей и свободной,
Как не выть шакалам по ночам.
Ненасытной завистью голодной
Рвёт им злоба души пополам.

Растерзать бы плоть России в клочья!
Да боятся сильных, как огня.
Потому и воют что есть мочи,
Русский мир на все лады кляня.

О, Россия! Матушка родная!
Твой народ – надёжный, прочный щит.
Тучи над тобою разгоняя,
Он уймёт шакалий аппетит.

Ночная молитва

Хочу молиться в тишине,
Когда рассвет в утробе ночи
Едва зачат. Луны клубочек
Плывёт на лёгоньком челне,
Да звёзды рассыпью в окне,
Как будто нет иной в них мочи,
Висят на небе. О, мой Отче,
Тебе хочу молиться я,
Пока рассветная заря
Тихонько вызревает в лоне,
Твой образ, словно на иконе,
Всплывает в небе надо мной,
Иисус Христос, Господь, Бог мой!
Спаси детей земных своих
И защити от дней лихих!
Прикрой десницей от беды,
От злобы, подлости, вражды!
И если нужно наказать,
То накажи, но убивать
Друг друга запрети, Господь!
Прошу Тебя: людскую плоть
Греховных помыслов лиши
И отмени рождение лжи.

Хочу молиться в тишине
Тебе, Господь, Тебе, Тебе,
Любимый мой, вселенский Зодчий,

Лишь Ты на свете непорочен.
Наш мир скатился, он на дне –
Трясиною почти проглочен.
Спаси и защити нас, Отче!
К Тебе с мольбой взываю я,
Пусть вновь рождённая заря
В земном не растворится стане,
И улыбнётся на иконе
Младенец Бог – великий мой.
С зарёю дух взойдёт святой!

Распятые...

Из горьких слов Вы сотворили крест
И пригласили взглядом на распятие.
Дул с моря в спину штормовой зюйд-вест,
Срывая с плеч забрызганное платье.

Любовь кружила чайкою морской,
Раскинув крылья словно для объятья.
Ваш скорый суд, он – дань молве людской.
Взойду на крест с божественной я статью.

Странный май

Расплескался закат на еловых макушках.
На иголках повисли обрывки огней.
Колокольни запели в соседних церквушках,
Отогнав от души моей хитрых чертей.

Им бы тешиться только, с надеждой играя.
Им бы грусть и тоску разливать, да печаль
На прохладных околицах странного мая,
Торопливо бегущего в летнюю даль.

Рядом стонет война и закат в чёрном дыме.
Гулко воют снаряды и смерть на крыле,
Где мальчишки-солдаты, что стали седыми,
Свой покой обрели в не прогретой земле.

Вновь фашизм шевелит
жалким, мерзким обрубок,
Он мечтает свой хвост отрастить для прыжка.
В этом мире, таком беззащитном и хрупком,
Грань у жизни и смерти, как чувство, тонка.

Расплескался закат на еловых макушках,
Ночь спешит в подворотню капризной судьбы.
Утром вновь колокольни в соседних церквушках
Нам напомнят, что мы лишь для Бога рабы.

Ирина РЕЗНИК

г. Омск

Резник Ирина Ивановна. Родилась в Казахстане. Окончила художественно-графический факультет Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького. Кандидат философских наук, член творческого Союза художников России. Член Союза писателей России. Автор 13 книг стихов и прозы. Публиковалась в российских литературных журналах (Омск, Москва, Санкт-Петербург и др.). Лауреат ряда поэтических и художественных конкурсов. Участница творческого объединения «Рисовальные понедельники» при Омском музее Народного художника РСФСР К. П. Белова. Руководитель учебно-исторического культурного центра Омского государственного университета путей сообщения (ОмГУПС). Учёный секретарь Омского регионального отделения Петровской академии наук и искусств (ПАНИ, Санкт-Петербург). Автор-исполнитель собственных песен.

«Только с ней будет сердце живо...»

Стародубки

Мне повезло, что не надули губки,
А с лёгкостью позировали вы,
Творение апреля – стародубки,
Из прошлогодней выглянув травы,

Полуистлевшим бледно-серым пледом
Покрывшим ещё сонные луга.
Сошли снега, а за снегами следом
Уходит в землю чёрная тоска,

Освободив пространство голубому
И нежной зелени, и капелькам тепла.
Цвет стародубок – кадмий жёлтый по-другому,
Я их нарисовала, как смогла,

Чтобы ноябрьскую стынью они согрели,
Чтоб их цветенью не было конца,
И, веря в звоны мартовской капели,
Зимой услышать пение скворца.

В поисках

Помнишь, как в детстве о счастье мечтали мы,
Жаждали взрослости.

Дни исчезали за синими далями,
В жизненной повести
К начатым главам новые строки
будут написаны,
Как, не теряя родные истоки,
Двигаться к истине.
Сбросив лохмотья обид неприглядные,
Лоск от гордыни ли,
Там появиться гостьей нежданной, где
Душу мне вынули.
С тайной надеждою вечно бредущего
С кружкою к паперти
Знать, что, быть может, и двери для ждущего
Наглухо заперты.
Стать бы хоругвей высоких движению
Медленно-плавному
Ориентиром для направления
В поисках главного,
Под соловьиное пенье ли, карканье
Хриплое ворона
К счастью идущим, к финишу, старту ли
В разные стороны...

Жена – мужу

Давай сейчас простим друг друга,
И ты поверь,

Что есть из замкнутого круга
Тугая дверь.
И пусть её не видно сразу,
Но всё же есть.
Не продаются по заказу
Душа и честь.
Не покупаются заботы –
К чему торги?
Ведь любят даже не за что-то,
А вопреки.
И мы с тобой любовь искали,
Тогда, давно.
Нашли, но шли за ней печали,
Всё как в кино,
Сюжет которого, похоже,
Из жизни взят.
Она же спрашивает строже,
Честней стократ.
Открыть бы дверь тугую эту
Из круга ль в круг,
Забыв, что гордость ли задета,
Иль предал друг...
Обида для души, заметьте –
Смертельный яд!
Идут за нами наши дети,
На нас глядят.

Мечта о любви

Прибавляю зачем-то боли
Во стократ.
Отпускаю мечты на волю –
Пусть летят...
Их немного, хватало места
Где-то там
В середине сердца – уместно
Жить мечтам.
Я давала им затаиться,
Не ропща.
И теснились, как в клетке птицы
Сообща.

Колотились в застое роста –
Не беда!
Исчезая, сбывались просто
Иногда...
Отпуская, оставлю всё же
Лишь одну,
Ту, которая всех дороже,
Как струну,
Без которой звучит фальшиво
Инструмент,
Только с ней будет сердце живо
Век – момент.

Ольга ФЛЯРКОВСКАЯ

г. Москва

Член МГО Союза писателей России. Театровед по образованию: окончила ГИТИС имени А. В. Луначарского. Автор 3 книг стихов. Публиковалась в журналах и альманахах России, Украины, Германии. Лауреат ряда поэтических премий, победитель и призёр ряда международных и всероссийских поэтических конкурсов. Член жюри (с 2020 года) Фестиваля исторической поэзии «Словенское поле» (Псков), член жюри (с 2018 года) поэтического конкурса Премии имени Игоря Царёва «Пятая стихия», член жюри (с 2020 года) Премии имени поэта и воина Игоря Григорьева. Член Экспертного совета всероссийского фестиваля «Русский лад».

«Для красивейших женщин земли...»

Оберег

Не жука скарабея,
 катящего солнце в овражину,
Не заглавную букву в колечке –
 серебряной прорезью, –
Я беру в обереги
 дорогу крутую и влажную,
И утиное царство
 на глади зеркального озера.

Деревянный мосток,
 и осоку, и мхами заросшую
Грудь скалы, где,
 сливаясь в единое звонами,
Колоколят ключи,
 и живёт величавое прошлое,
И легенды кружат
 над Изборском ветрами калёными.

Здесь в низинах туман
 вечерами, как леший, лохматится,
А над озером храм,
 а над храмом – небесное пастбище.
Здесь прильнуло ко мне
 отсыревшее летнее платье,
Но коснулась плеча,
 согревая, кленовая лапища.

Только здесь и тревоги,
 и страхи ночные излечатся,
Потемневший мосток
 проведёт от отчаянья к чайнюю.
Здесь мгновенье одно,
 народившись, становится вечностью,
А душе для молитвы
 даются простор и молчание.

Весна в Константиново

Памяти режиссёра Андрея Денникова

Переменчивый март доедает снега.
Голубеет дорога голубкой во мгле.
Клочковатый туман завершает бега,
Прижимаясь под утро к холодной земле.

Век тумана недолог, и в здешнем краю
Он ручной и домашний как кот на печи.
Подрастает весна, и тревожный Баюн
По оврагу хвостом в нетерпении стучит.

Здесь холмы словно складки на плате Оки,
Здесь поля отзываются в сердце тоской.
Здесь от груза неправды в себе отрекись,
Ведь иначе не выдержать этот покой!

Здесь старушки глядят на приезжих в окно:
С кистенём или с миром пришёл на порог?

А тебе показалось: ты умер давно
И в рязанскую землю блаженную лёг.

Здесь простор от остывших пожарищ горчит,
Здесь полынные зори Емелям встречать...
И опять прилетают несчётно грачи,
И внимают берёзы их шумным речам.

Ослепит чешуёй на излучке река,
Приготовится сердце в лебяжий полёт,
И под немощным снегом очнутся века,
И к щекам половодье румянцем прильёт.

И когда ты замрешь над обрывом Оки,
Где лучами изрыт оседающий склон,
Потечёт с колокольни, как с Божьей руки,
Константиновской церкви серебряный звон.

Изборск

И быстрые, и медленные воды,
на городище – ветер и простор,
и ясные прощальные погоды,
и августа рябиновый убор,

и робкое дыхание Успенья...
Три Спаса, отзвонившие зарю.
Пусть будет всё по Твоему хотенью,
я медленно и тихо говорю.

Купель охватит обжигом студёным!
Сгорят грехи, и в дар от этих мест
Блеснёт на солнце алый листик клёна –
Родной земли живой нательный крест.

Маме

В этом имени вольность Улисса,
Новгородская песня Садко...
Только белая чайка Лариса
От меня далеко-далеко.

Режет волны весёлое судно,
Парусами играет Борей...
Эта чайка ветрам не подсудна
Даже самых коварных морей!

Позабыты тяжёлые снасти,
Старый рыбарь вздохнул тяжело...
Где же ты, синеокое счастье,
Отчего стороною прошло?

Пролетело как чайка над мысом,
Растворилось в рассветной дали...
Но оставило имя Ла-ри-са
Для красивейших женщин земли.

Калина ИЗАБЕЛА ЖЁЛА

г. Познань, Польша

Поэт, переводчик, публицист, литературный критик, журналист. Автор 16 книг стихов и 1 книги критики. Перевела с русского двенадцать томов стихов и антологий. Участник международных фестивалей и поэтических конференций. Лауреат ряда Национальных и Международных литературных премий. Стихи переведены более чем на 20 языков, изданы в Польше и за рубежом.

«Бывает такая тишина»

Авторизованный перевод с польского Игоря Елисеева, Ростов-на-Дону

Перед рассветом

звук гитары
не пугает ночную тишину
он пронизывает ее
как запоздалый луч света

смолк стук топора
дрова горят в камине
а на стенах
в психоделическом танце
колышутся тени

окутанная музыкой
как шелковым шарфом
я считаю часы до рассвета

я считаю часы до рассвета

засыпает в стакане
последний забытый глоток

Весеннее впечатление

ветер мягко колышет
белые платья деревьев
лепестки кружатся
как снег

глаза фиалок кокетливо смотрят
из-под сухих веток

солнце светит сквозь
изумрудные капли листьев

весна устанавливает мольберты
с улыбкой
рисует пробуждающийся лес

Пространство и время

когда утром я отправляю
солнечное доброе утро
на твою улицу
луна смотрит в окна
зажигаются фонари
и ночь как черная кошка
забывается в угол

когда засыпая пишу
тихое сонное доброй ночи
в твои окна
смотрится солнце
птицы в ветвях деревьев
начинают громкий концерт
и город просыпается вокруг

у тебя еще созревает лето
у меня золотится осень
мы так далеки друг от друга
нас разделяют тысячи километров
другой язык
и время

можно выучить язык
можно пройти
любое расстояние
но как победить время?

Синее полнолуние

луч солнца отражён
от синевы полной луны
или тень осевшая
на позолоченной раме

это всё

у меня нет недостатка в словах
но как описать тоску по тому
что я спрятала в самом глубоком ящике
о чём я почти забыла

бесшумно подползают
давно выцветшие мечты
пробуждают беспокойные мысли

– а может это просто
вспышка солнечного света дрожит
на позолоченной раме

Ты или я

его образ
отражается в зеркале
и рядом с лицом

моим или твоим?

глаза тёмные
от страсти
волосы как серебряный
лунный свет
волосы как чёрный
бархат ночи
и улыбка

твоя или может моя?

Бывает такая тишина

когда наступает
сияющая тишина
останавливаются часы
перестают отмерять
секунды и вздохи

глаза темнеют от греха
в рассыпанных на подушке
волосах
засыпает ветер

когда наступает
сияющая тишина
я снова возвращаюсь к тебе

Дарья ФОМИНА

г. Балашиха, Московская обл.

Окончила факультет русской филологии Московского государственного областного университета, курсы литературного мастерства в Creative writing school: курс нон-фикшн Е. Ляминой и курс по написанию эмоционального рассказа М. Кучерской. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни» (отдел прозы).

«И сердцем любящим я буду ждать воскрешения Христа...»

В пруд, как в зеркало, смотрится лес.
Луч дрожит между светом и тенью.
И на вымытых окнах небес
Март рисует углём и пастелью.
А февраль все кутил и буянил.
Наконец, уходя, хлопнул дверью.
На столе на прощанье оставил
Чёрный кофе и пончик с метелью...

Март пришел. Затрещал
На реке ледоход,
Март – начало начал,
В новый мир переход.
Быстро смыла весна
Макияж с городов,
И снегов белизна
Потекла из дворов.
Я весною больна –
После злых холодов,
Я любовью полна
И волнующих снов.
И в слиянии тел
На пороге весны
Есть особый предел –
Торжество новизны.
Март! Соблазны твои
Доведут до беды,
Но так сладко двоим
Под сияньем луны.
Лёжа ночью без сна,
Я подумала вновь:
Март – ещё не весна,
Флирт – ещё не любовь.

На солнечном календаре
Стоит апрель.
И голуби на фонаре
Который день
Своим молчаньем роковым
Мне говорят
Про смерть, и зреньем боковым
За мной следят.
Иду по тонкой леске я,
По острию.
И с каждым шагом ближе я
К небытию.
Среди тернистого пути
Ищу ответ.
Есть смысл в моём здесь бытии?
А может, нет?

А где-то рай – там, высоко –
Нет, не достать...
На небе стаи облаков
Зовут летать.
И отражается Христос
На глади луж,
Ища ответ на свой вопрос
В пространстве душ.

На даче

Двери раскрыл, как объятия, дом,
Земля уже чуть нагрета,
И дворник машины, как метроном,
Ритм отбивает ветра.
Над озером чайка кричит «привет» –
Я тоже по ней скучала.
Прогулка, чтение, мягкий плед –
И всё, начинай сначала.
Зимой долгой я жду весны,
Чтоб въехать в посёлок дачный,
Какие в марте мне снятся сны,
Расскажет диван чердачный.

Весенний чай

Мы обнаружили с тобой –
Скворечник пуст.
Зеленым облаком – листвою
Покрылся куст.
Как долго остывает день,
Закатом схвачен,
И в рост пошёл от дуба пень,
Что был так мрачен.
Ожил крыжовник у окна,
Весной разбужен.
И птицы, в поисках зерна,
Летят на ужин.
Над чашкой теплится дымок,
Мой чай янтарен,
Из букв, из символов, из строк
С утра заварен.

За дверью ссоры я оставляю,
Погоды тёплой буду ждать.
Апрелю двойку я поставлю –
Пусть май приходит исправлять.
Свои обиды позабуду,
Начну всё с чистого листа.
И сердцем любящим я буду
Ждать воскрешения Христа.

Николь ВОСКРЕСНАЯ

г. Владивосток

Николенко Анастасия Алексеевна. Родилась 10 апреля 1990 года.

Кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и права ВВГУ. Член Союза писателей России.

Автор 5 книг стихов. Публиковалась в ряде российских литературных журналов и альманахов, в китайском журнале «World poetry» (09.2022). Лауреат и дипломант городских и всероссийских литературных конкурсов (2007 – 2016). Лауреат-победитель международного литературного конкурса «Петроглиф» (в номинации «Поэзия», 2022), Республика Карелия (Петрозаводск).

«...знаки капель на мокром стекле...»

Тот, кого поцелует русалка,
будет навечно жив.
Солёный ветер, слезам не верь.
От слов нет проку, они как ножи,
Заточены под трепетную руку,
хозяина, которого любит зверь,
а любая встреча разлуку.
И даже если рассвет обманчив и лжив,
не ждать его не посмей.
Любой обрывающийся мотив
лучше того, что навевает скуку.

Espinoso

Стеклянная пыль тумана,
повсюду ты и нигде,
Как тонкая грань обмана
и отраженья в воде.

Нет времени, чтобы вдохнуть
и, выдохом не прикасаясь,
предощущенья спугнуть,
лишиться их опасаясь.

Колючий и колкий миг,
оставит тревожное жженье.
Как в отраженье двойник,
меняется в воображенье.

Лжецы и развратники горьки на вкус,
невинность тошнотворно сладка.
В этих улицах каждый трус
геройством торгует с лотка.

Любовь – жабу в груди согрев,
её больше не утаить.
Слишком много различных дев
предлагают себя испытать.

В этом городе много чумных,
в этом городе все одинаковы.
Ангел с птичьим клювом среди чудных
возвещает и плачет. А кто не заплакал бы?

Шиповник на этой стороне холма как кровь,
на другой – побелел.
Тот, кого обходит любовь,
ожидает иной удел –
шторм предчувствуя и беду,
обходить стороной других.

И в кромешном своём бреду
слышать голос, который тих.
И, как птиц побоявшись – «спугну»,
слой за слоем, словно триптих,
на бумагу, бледную как луну,
наносить за стихом стих, за стихом стих...

Сердце пустует, клетка без птицы,
некому больше петь.
Я зачеркнула эти страницы,
жизнь без которых хуже, чем смерть.

Мне не нужна красота твоих роз,
в этой зиме они ни к чему.
Если ты думал, что это всерьёз,
вечно мне мёрзнуть на этом снегу.

Вечно скитаться из ада в ад
и прощения просить.
Разве тот виноват,
кто умеет любить?

В это путешествие можно взять только себя,
да пару воспоминаний.
Закружит, убаюкает мама-земля.
Мир – коробка с куклами без названий.

Тяжело писать, пальцы вязнут.
Дисгармония точек, светящихся вне.
Монологом пустым и бессвязным
знаки капель на мокром стекле.

Серединное существо,
между всем и ничем только звук.
Но уже не позвать его,
Только буквы роняю из рук...

Тело моё проводник,
имя мне легион.
Каждая плоть – тростник,
не называй имён.

Порча на сорок узлов,
и рецепт ядовит.
Не оставляй следов,
делай вежливый вид.

Всё, зачем ты придёшь,
станет твоим потом.
Если наследство нож,
горе тому, кто с кнутом.

Ирина АПАРЧЕНКО

г. Ангарск, Иркутская обл.

Родилась в 1959 году на севере Красноярского края. В 1982 году закончила физико-технический факультет Новосибирского электротехнического института. В Ангарске живёт с 1983 года. Работала на электролизном химическом комбинате, инженер-метролог. С 2005 года состоит в Ангарском литературном объединении при ИРО СП России. Публиковалась в местных СМИ и коллективных поэтических сборниках, а также в литературных журналах «Сибирь» (Иркутск), «Северо-Муйские огни». Автор книги стихов «Имя моё – Женщина».

«Поменялись созвездия...»

Булева алгебра (И-ИЛИ-НЕ)

Прилипли килограммы
На праздничной волне...
Худеть придётся, дамы,
В формате ИЛИ-НЕ...

Был в праздник знатный выбор:
Икорка И салат,
Была «под шубкой» рыба
И к чаю шоколад.

В меню порой мелькали
И сёмга, И лаваш,
Прозрачно намекали –
Пора свернуть кураж...

И как бы ни манили
Коньяк И каберне –
Переходить на ИЛИ,
А может, даже НЕ...

На тренажёрах – пыльно,
Разгула сладок вкус!
И на весах стабильно
Всё плюс, И плюс, И плюс...

Нырять в будни с миром,
Чтоб уяснить скорей:
НЕ курочка под сыром,
А – суп И сельдерей!

НЕ принесёт успеха
С конфетами борьба –
Лишь норма «в три ореха»,
И творог. И ходьба!

И на весах нахально
Я встану по весне,
Ведь ИЛИ – так реально!
А может, всё же НЕ?..

Ты как, Наташа?

Разбушевавшийся январь
Застыл снегами,
Уже висит неделю хмарь
В морозной гамме.

И ртутный столбик опустил
Холодный мёрз,
И люд привычный загрустил –
Опять за сорок.

По одному в домах друзья:
Горька пропажа...
Вдруг голос в трубке: «Это я!
Ты как, Наташа?

Тепла ли кофта, есть ли хлеб,
Конфетка к чаю?».
И вмиг – не так мороз свиреп,
Не докучает...

Пространство отзвенело льдом
И надколосось...
Своим теплом раскрасил дом
Знакомый голос.

Пусть дети где-то далеко,
И день их занят...
Мы на «душевный непокой»
Сдаём экзамен.

И поддержать – звонком, плечом –
Лишь воля наша.
Спросить, как будто ни о чём,
«Ты как, Наташа?».

Вечность на ожидание

Кипятком
завариваю ройбуш.
Стрелка секундная еле движется.
За коротенький скок воробушка –
Вся жизнь
От аза до ижицы.
Позвони.
Даже бездушная чайная ложка
Напряжённым звенит металлом.
Вечность – это немножко...
Похищала тебя у Времени.
Мне тебя не хватало.

Вдох:
Поменялись созвездия
Девы и Скорпиона...
Выдох:
Это – возмездие...
Считаю до миллиона.
В котором часу разлука?
В котором веке свидание?
Ни единого звука.
И вечность – на ожидание.

Высокий слог истаял в одночасье,
Обидные слова сжимают рот.
Я думала, что пишется – на счастье!
А вышло, как всегда, наоборот.
Фантазия нелепости рисует,
Ведь непокорность нынче не в чести...
Мне б ни к чему не прикасаться всуе,
И с честью – что отпущено – нести.

Лидия ПАЩЕНКО

г. Омск

Лидия Николаевна Пашенко родилась в д. Любимовка Исилькульского района Омской области. Окончила Московский институт НХиГП им. Губкина. Работала ведущим инженером в Институте проблем переработки углеводородов Сибирского отделения РАН. Член Омского областного литературного объединения им. Я. Т. Журавлёва. Автор ряда книг. Публиковалась в антологиях произведений омских писателей «Годовые кольца» (2012), в сборниках «Журавлиный оклик» (Омск, 2013) и «Журавлёнок», в омском альманахе «Тарские ворота», в поэтической антологии «Когда сильна уверенность в тебе. Омск. XXI век», в журналах «Иртышг-Омь», «Преодоление», «Северо-Муйские огни», «Саксагань» (Кривой Рог). Стихи вошли в серию миниатюрных книг «Поэтическое слово. Омские поэты. Антология», посвящённую 300-летию Омска (2016). Литературный редактор журнала «Иртышг-Омь».

«А у нас во дворе...»

Воды талые омыли землю
после зимней сечи,
Гулкой радости – раздолье:
ширь бескрайняя чиста!
Прочь вы с глаз моих, печали!
Брошу плат цветной на плечи,
Ворот распахну, раскрою
для сладчайших слов уста.
Кто, прекрасней всех на свете,
встал от зимней спячки стылой?
По утрам кого встречали?
Сказы в ночь о ком вели?
Это юный свежий ветер
да свет-батюшка Ярило, –
Жизни цвет, начал начало,
господарь всяя Земли.
Мне глядеть – не наглядеться
на весенние проказы:
Ветер сдёрнул, озоруя,
с почек хрупкие щитки, –
Словно пухлые младенцы,
почки выглянули разом,
Свету белому даруя
клейких листьев завитки.
Глянь, в небесном тигле жарком
солнце плавит руды лихо,
Чтобы золотом явиться
пробы высшей чистоты.
... Капли золота в лужайках
остывают к ночи тихо, –
На рассвете превратятся
в одуванчики-цветы...
Вешним утром, с мирозданьем
сердцем слившись, веру ищем
В то, что радости – бессмертны!
Видим знаки на челе:
Жизнь дана не в назиданье
и не милостыней нищим.
Жизнь – букет даров несметных!
Вёсны – тоже в их числе.

Приезжай!

Слово старомодное «истома»
Просится на волю с языка:
Голову дурманя, вон из дома
Манит дуновенье ветерка.

Из-под спуда снов глухих, незрячих,
Потянувшись к данности иной,
Вылетает, словно детский мячик,
Новых ощущений рой цветной!

Жизни свет во мне и вне – струится,
Радужной исполнен красоты:
Нежно розовеет медуница,
Горицвета солнечны цветы.

Погляди-ка: белою опушкой
Сад украсил лиственный наряд;
На басах от радости царь-пушкой
Гром бабахнул над землёй: «Виват!».

Ожиданье счастьем дразнит, блазнит...
И куда так много мне одной?
Приезжай скорей, родной, на праздник –
Праздник Любования Весной!

Белые гости

«А у нас во дворе...» –
Начинается в старенькой песне...
Искони во дворах
Неизбежен обмен новостей.
А вот в нашем на днях
Получилось куда интересней:
Принимали врасплох
Неожиданных странных гостей.

В захолустном углу
На верхушку зелёного ильма
Опустилась, как снег,
С неизвестно какой высоты
Белых стая ворон...
Словно в кадре старинного фильма
Расцвели на ветвях
Белокрылые птицы-цветы.

Потрясающе то,
Что не каркала стая, а пела:
Сорок соло слились
Словно в храме небесном – хорал.
И зашла тишина.
И воспела душа «а капелла».
Сделать «селфи» прохажив
Обомлев, прозевал.

Будет долго, наверное,
Чудо свидетелям сниться,
Шевеля в глубине
Подсознания смутный фантом:
*«А у нас во дворе
Белоснежно-нездешние птицы
То ли были вчера,
То ли будут когда-то потом...».*

Алёна ИВАНОВА

г. Озёрск, Челябинская обл.

Лингвист. Автор 2 книг стихов. Публиковалась в российских и зарубежных литературно-художественных журналах, антологиях, коллективных сборниках. Участница пяти Международных Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья «Липки» (2013, 2015 – 2018). Победитель литературных конкурсов от городского до международного уровня.

«Сквозит мечта из-под ресниц»

Юная Весна

Ты – словно вечная Весна,
Что расцветает вновь за летом.
Твой голос-трель из снега сна
Оттает мир в лучах рассвета.

И первый выглянет цветок –
Как ты, изысканный и милый.
Взовьётся звуков завиток,
И жизнь проснётся с юной силой.

Так разбуди улыбкой птиц,
Согрей же доброту в ладонях!
Сквозит мечта из-под ресниц
В глазах по-вешнему бездонных.

Да, и природы красота,
И чудеса её подвластны
Той, кто пленительно проста
И так естественно прекрасна.

Тебе – на вербе новый цвет
В пушистых шапочках из фетра,
В ручье умытый солнца свет
И листьев смех над шуткой ветра.

Как вся ликующая новь
Струится в мартовскую дверцу,
Так вдохновенье и любовь
В твоём благоухают сердце.

Признание

Как я люблю тебя... Рассеивает тюль
В рассветном небе, словно сумрак, слабый шёпот.
И гаснет взгляд. Заря. Но вздох, как поцелуй,
Лёд серых стен надеждой пламенной растопит.

Как я люблю тебя? Всем сердцем и душой,
Всем существом своим, всем разумом и телом!
Взмывает чувство, скинув тайны капюшон.
А высота небес не ведает пределов...

Как я люблю тебя – об этом знают ночь
И та звезда, что по щеке её катилась,
Ведь лишь во сне дано судьбой мне превозмочь
Дневной реальности саднящую бескрылость.

Как я люблю тебя, душа кричит. Но вновь
Ей не хватает слов и в голосе нет силы.
И всё ж незримая безмолвная любовь
Стрелой поэзии отчаянье пронзила.

Как я люблю тебя! Срывается в полёт
Моё признание пульсирующей искрой.
Кто рай любви обрёл, пусть, к счастью, не поймёт,
Как – вопреки всему, безмерно, бескорыстно –

Как я люблю тебя. Покуда наяву
Томятся сирые часы в пыли песочной,
Лишь для тебя одним тобою я живу
И верно жду из года в год в тиши полночной.

Как я люблю тебя!..

Цвет и символ

Розы шепчут тому, кто атласную
Разноцветную тайну пригубит.
Воплощают любовь розы красные;
Но не все их в реальности любят.

Ведь нежны, словно снег, розы белые –
Чистота во плоти совершенной.
К ним прикованы взоры несмелые,
К ним стремятся с улыбкой блаженной.

Цвета белого дня та прекрасная
В центре сада, заботой объята.
А в тени, в одиночестве – красная,
Словно пламенный отблеск заката.

Лепестки истекают карминные...
Нет, не кровью. Росию вечерней.
Тоже белая, тоже невинная
Полюбила однажды безмерно.

Зарумянилась вмиг от смущения,
Разгорелась желанием страстным
Рассказать о своём восхищении –
Всей душой пожелала стать красной.

И раскрылся бутон с упованием:
Озарить и в ответ обогреться.
Полыхнуло горячим воззванием
Белой розы багряное сердце.

Кто сумеет постичь неизвестное:
Что прелестно, а что же красиво?
А цветы – ведь они бессловесные:
Только цвет откровенный и символ.

Высыхают росинки напрасные.
Слёзы сердца они не окупят.
Из любви создана роза красная;
Но взаимно, бывает, не любят.

Нина ТУРЧИНА

г. Ярославль

Турчина Нина Александровна – учитель-логопед, родилась 30 января 1984 г. в п. Рязанцево Переславского района Ярославской области. В 2012 году окончила Всероссийский финансово-экономический институт, с присуждением квалификации «Экономист». В 2016 году переквалифицировалась на педагога-дошкольника. Пишет стихи, прозу.

«Я чувствам открываю дверь...»

Март-пересмешник

Март-пересмешник, март-обманщик,
Противоречий ярких смесь,
Весны начало, он – шарманщик,
Заводит снова жизни песнь.

Играет музыка капелью
С сердечным ритмом в диссонанс;
Март снегом колким, как шрапнелью,
Всё превращает в декаданс.

Завьюжит ветер отголоском –
Зимы прощальный пирует,
Мир чёрно-белым стал наброском,
Наметив призрачный сюжет.

Беснует март. Звучит шарманка
Назло ветрам, среди снегов.
Весна начнёт свой танец Фанга,
Жизнь бьётся нервом у висков.

Весенний рондель¹

Тянутся к небу подснежники
С первых проталин весны.
Звук серебристой струны
Слышится эхом в орешнике.

Мысли бушуют, мятежники.
Рифмы метафор полны.
Тянуться к небу подснежники
С первых проталин весны.

Звон ручейков сквозь валежники.
Реки сорвались с цепи.
Воздух прозрачен в степи.
Пряно дурманят омежники²,
Тянутся к небу подснежники.

¹ Рондель в средневековой поэзии – твёрдая форма из 13 стихов.

² Омежник – род травянистых растений семейства Зонтичные.

Чудачка

По парку лёгкою походкой,
Под старым кружевным зонтом,
Шла городская сумасбродка,
С вуалью в шляпе и цветком.

Кричали ей «Чудачка» следом,
Но на лице волненья нет,
И на скамье, укрывшись пледом,
Плетёт из бисера браслет.

Воркуют голуби чуть слышно,
Как будто что-то говорят,
Зовут её гулять по крышам,
Смотреть над городом закат.

Взметнулся зонтик кружевами,
Взлетела со скамьи она
И, закружив над деревьями,
Танцует в воздухе, ушла.

А на скамье лежать остались
Браслет из бисера и плед;
Не быть как все – такая малость,
Чтоб на тебя смотрели вслед.

«Безответная любовь»

Забывтый в кафешке под вечер
Особой в пурпурном пальто,
Сложил он усталые плечи,
С надеждой смотря на окно.

Прекрасна она несомненно,
Запомнил касание рук,
Сжимая его вдохновенно,
Всегда говорила «мой друг».

Зеркальные лужи нарушив,
От туфель стучат каблучки,
И шарфик воздушный, из кружев,
Касается милой щеки.

В витринах больших отражаясь,
Особа в пурпурном пальто,
Сердечной тоской отзываясь,
Уедет в шикарном авто.

В кафе, сквозь окно наблюдая,
Пишу на обрывке листа.
История вышла простая –
Любви безответной зонта

Поцелуй

(сонет)

Ты помнишь первый поцелуй?
Невинный, трепетный и нежный.
Был на дворе тогда июнь,
И жизнь казалась безмятежной.

А в сентябре пылала страсть,
То осень с нами развлекалась,
В порыве чувств, чтоб не упасть,
К тебе сильнее прижималась.

Твой поцелуй остыл к зиме.
Холодных губ прикосновенье
Не зажигает звёзд во тьме,
Не дарит сладкие мгновенья.

Вновь за окном звенит апрель,
Я чувствам открываю дверь.

Ирина АРТАМОНОВА

г. Москва

Член Союза писателей России (МГО СПР), Союза литераторов России (СЛР). Автор 11 книг стихов и 2 книг прозы.

«... – часть Божественной Вселенной...»

Здравствуй, лес!

Здравствуй, лес, мой наставник и друг!
Я несу свою радость и боль.
Я вступаю в таинственный круг,
Излучающий только любовь.
Я сливаюсь душой с тобой,
Растворяясь в твоей тишине:
Боль уходит, и сладкий покой
Наполняет меня. Как во сне
Я брожу среди деревьев твоих,
Обнимаю и ёлку, и дуб:
Здесь я дома, среди братьев родных –
Каждый листик мне дорог и люб.
Низко кланяюсь травке лесной,
Низко кланяюсь липе, сосне.
Выхожу с обновлённой душой
В мир людей...

Я каждый раз вхожу с поклоном в лес
И чувствую восторг и благодарность.
Лес – храм святой, и полон он чудес.
Какая красота, какая многогранность!
Покой и вдохновенье, и стихи
Как будто бы с небес мне душу наполняют.
О вечных истинах в лесу я размышляю.
И мысли-строчки – ласковы, тихи –
Текут ручьём и в мой блокнот ложатся.
К берёзке каждой хочется прижаться
Щекой, погладить тёплую кору
И песни петь о счастье. На ветру
Колышутся тонюсенькие ветки,
Былинки шепчутся, и ёлочки-соседки
Друг другу комплименты говорят.

.....

Я размышлять люблю в лесу
О счастье, радости беспечной,
О смысле жизни быстротечной,
О красоте, о доброте, о том, что я в себе несу
Через потери и находки,
Шагая лёгкою походкой,
С надеждой светлой и любовью
Встречая каждую весну.
Я жизнь люблю такой, как есть.
Другой не будет в этом теле.
Совсем не нужно, в самом деле,
Напрасно плакать и страдать,
Корить других, себя ругать,
Копить обиды и печали
И всё на свете осуждать.

Вселенная мудра и вечна.
Во Всём есть Всё. И бесконечна
Возможность выбора всегда.
И выбираю только я
Дорогу жизни для себя
Осознанно или неволью,
Не думая. И – если больно
Душе – никто не виноват.
Всегда есть выход. Рай и ад –
Две стороны одной дилеммы:
Прощать или карать,
Решать проблемы
С любовью или гневом.
А я предпочитаю просто знать:
Любовь всеильна и безмерна.

Благодаренье

Спасибо, снег, за ровную лыжню,
Спасибо, лес, за аромат весенний.
Прогулки по лесу на лыжах я люблю
В день солнечный и в день метельный.
Спасибо, тело, за умение встать
На лыжи и скользить меж елей.
Спасибо, разум, за возможность знать:
Я – часть Божественной Вселенной.
Спасибо, Бог. Начало и конец всего в Тебе
И всё Тебе подвластно.
Спасибо, мамочка, спасибо, мой отец,
Меня родили в жизнь вы не напрасно.
Учусь любить, прощать, благодарить,
Всё принимать как есть, не критикуя.
Не просто жить в гармонии с собой.
Жизнь многогранна – её люблю я.

Священна жизнь

Священна жизнь в Творении Творца
Всегда и всюду, без конца
Изменчива в своём теченье,
Разнообразна в проявленье:
В снежинке и журчанье ручейка,
В явлении зари, полёте мотылька,
В проказах детских, в столах матерей,
Рожающих для Мира сыновей,
В глазах собачьих, в крике петуха
И в пьяном бормотанье мужика.
Священна жизнь. В завете «Не убей»
Призыв к любви и миру. Для людей
Есть всё, что нужно в жизни на Земле –
Не повреди ей, будь к Земле добрей.

Галина ПИАСТРО

г. Тольятти, Самарская обл.

Кандидат технических наук, доцент (техническая кибернетика). Преподаёт в Тольяттинском Госуниверситете. Пишет стихи, критику. Публиковалась в ряде коллективных поэтических сборников, в альманахе «Золотая строфа». Лауреат и дипломант всероссийских и международных литературных конкурсов. Член МСП НС с сентября 2010 г.

«Взываю к Мессии, к Аллаху, шепчу в крест нательный...»

Дар Вселенной

Вот ведь выпало Земле счастливым жребием –
Жизнь подарена всем нам дождями-каплями.
На подсохший грунт с небес десант-вторжение:
Звёздный ливень сыплет споры – жизни капсулы.
Дар Миров – протоорганикою, капсюлем.

Уникально ли, вселенскою ли калькою,
Может, Разум Мировой для продвижения –
Он в галактиках иных всё силы скапливал –
Крохи разума зачать в нас, хоть бы капельно.
Вот ведь выпало Земле счастливым жребием.

Сколько лет уже прошло от зарождения –
Отсекало время миги острым скальпелем...
Дождь всегда живой природе в наслаждение:
Обезвоживанье губит – лучше слякотно.
Жизнь подарена всем нам дождями-каплями.

Нет укрытий небоскрёбами иль саклями
От впитавших в кровь войну, как наваждение,
От потока бомб, летящих с неба-стапеля,
От прогрессоров – охотников за скальпами –
На подсохший грунт с небес десант-вторжение.

Не хочу ни катастроф, ни вырождения.
Мне – ты только б на плече от счастья плакала,
Мне бы – дождь твоих волос потоком ампельным
Накрывал меня до головокружения...
Звёздный ливень сыплет споры – жизни капсулы.

Небо нужно, чтоб с него дождинки капали...
Мировой войны итогом – поражение.
Нам не выманить раскаянием, клятвами –
Не пройдёт для нас повторно награждение:
Дар Миров – протоорганикою, капсюлем.

Как не стать бы нам природы отторжением –
Слышим птичьи трели только через кабели,
Шум моторов голосам природы – кляпами.
В водной капельке планеты отражение –
Это лапки отряхнул зуёк, оляпка ли...

Вот ведь выпало Земле счастливым жребием...

Игра с ненулевой суммой*

Молекула жизни попала в межзвёздный завод.
Посадка: приют, иль заштатный гостиничный номер.
Так, случай, со мной поиграв,
в твердь и сырость занёс.
Как слаб я сначала был,
немошен, хил – чуть не помер.

Пока ипостаси менял: кем мне быть и как жить,
Хозяйка вела себя вежливо-индифферентно.
Комфорт обеспечила сносный и терморегим:
Дружила тогда она с Цельсием и Фаренгейтом.

Но вдруг превратила
в смертельный ледник мой приют:
Никак, экономить решила, хоть на отопленье.
Язвила, мол, не был бы грешен –
жил вечно в раю...
Я в шкурах звериных дождался едва потепленья.

Всё строила козни в гостинице день ото дня –
Разиня: потоп развела. Сжить со света грозила,
Мол, вот понаехали – множится быстро родня,
Жилплощадь не может вместить всех,
ведь не из резины.

Не нужно ртов лишних. Гостиница – вечный бивак.
Почётное звание многим давалось: «Агрессор».
Я вёл убивать тех, кто сам убивал, убивал...
Куда взгляд ни кинь – развеивается знамя Ареса.

Она, как могла, поставляла питьё и еду.
Любила пасьянс –
тасовать и раскладывать карты:
Помпеи, Медина (я – скорбно про эту беду),
С лица своего стёрла Канто, Сантьяго,
Джакарту...

Я душу терзал ей, сверлил и буравил нутро,
Выкачивал соки – настроил с насосами вышек.
Она полысела от сдобренных газом ветров.
Зелёные лёгкие – где вырубал, а где выжег.

Хозяйка стонала, что нечем дышать,
свет не мил.
Приют обустроить –
я двигал прогресса сценарий.
И в доме – балкона ведь нет –
я дымил и дымил...
Рыдала в ответ она –
хлынули слёзы-цунами.

Очнулись, когда нас задела комета хвостом –
Посланица Высшего Разума –
финиш смертельный.
Успела Земля осенить себя Южным Крестом.
Взываю к Мессии, к Аллаху,
шепчу в крест нательный.

* Игры с ненулевой суммой (Non-zero-sum games).

Игры, в которых суммарный выигрыш необязательно равен нулю. Сотрудничая, оба игрока могут выиграть; соперничая, оба могут проиграть. (с)

Евгения АМИРОВА

г. Омск

Амирова Евгения Николаевна. Родилась в Армении (село Папанино) в семье военного. Детство прошло в Рязанской области. В Омске живёт с 1961 года. Окончила Омский авиационный техникум им. Н. Е. Жуковского и Омский Политехнический институт. Работает на ПО «Подёт» инженером-конструктором I категории. Публиковалась в журналах «Преодоление» (Омск), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Иртышг-Омь» (Омск), альманахах «Журавлиный оклик» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), детском журнале «Журавлёнок» (Омск), антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (2012). Член областного литературного объединения имени Якова Журавлёва. Член Российского Союза писателей. Автор книги стихов «Солнечный мотив», книг прозы «Берегиня» и «Земные тропы». Лауреат областного литературного конкурса «Сказ о славном граде Омске», посвящённого 300-летию Омска (диплом 1-й степени), финалист российского есенинского конкурса «Русь моя» (2019), конкурса «Георгиевская лента», посвящённого 75-летию Победы, дипломант международного конкурса «Они сражались за Родину» (Самара, 2021).

«Порхает бабочкой душа...»**Март**

Ещё не сгорбились сугробы,
На речке лёд сибирской пробы
Не рассекретила Весна,
В объятых снежных дремлют ёлки,
Озёр зеркальные осколки,
Осинок реденькие колки
Не пробудились ото сна...

Но прочь ушли седые вьюги –
Студёной странницы подруги,
И долгим стал весенний день.
Коты солируют на крыше,
И пряным воздухом мы дышим,
И стать хоть на вершок повыше
Мечтает старый, мшистый пень...

Сосулек звонкие капли
Под солнцем радостно запели,
Весне давая быстрый старт,
Грачи во фраках пьют из лужи,
И шало в небе ветер кружит,
И обновленье в жизни служит
Пришедший светлоглазый Март!

Дороженька

Дороженька – дорога,
А вёрст в тебе так много!
То – радость, то – тревога,
То – бег, а то – ходьба!
Колёсами разрыта,
Копытами разбита,
Дождями поразмыта
Дороженька – судьба!

По той земной дороге
Мои шагают ноги,
В ней – кручи да отроги,
Жара и холода!...
В зелёных травах росных
Опять встречаю вёсны,
Храню в пылинках звёздных
Прошедшие года.

Я падала, бывало –
Корила, не карала,

Просторы открывала,
За горизонт маня!
Испытывают Боги
На мне судеб дороги,
И ты – судья мне строгий,
Дороженька моя.

Однажды

Однажды в строгости ночи
Мне показался мир бездонным,
И я плыла в разливе сонном,
И я ловила звёзд лучи.

Туманный дальний Орион
Манил. Вселенная с размахом
В торжественных аккордах Баха
Цвела, что трепетный пион.

Живым потоком, как весной,
Рождались краски, мрак стирая,
И, словно выходец из рая,
Вращалась вечность подо мной.

А я держала шар земной
В ладонях мягких, замирая...

Душа

Порхает бабочкой душа,
Парит над жизненным капризом,
По-детски радуясь сюрпризам,
Обидой жизнь не вороша.
Порхает бабочкой душа.

Огонь её к себе манит,
С душой доверчивой играет,
Лукаво на неё взирает,
Огонь – расплавленный магнит,
К себе и тянет, и манит.

Душа сгорает, не дыша,
Но, брызнув искрой раскалённой,
Родится снова окрылённой.
И, путь свой заново верша,
Порхает бабочкой душа.

Алла ЕЛИСЕЕВА

г. Вышний Волочёк, Тверская обл.

Елисеева Алла Геннадьевна. Родилась 25 декабря 1966 года в г. В. Волочёк. Образование высшее. Руководитель литературного объединения «Вместе». Публиковалась в ряде коллективных поэтических сборников, в альманахах «Соловьиная ветка», «Тверские перекрёстки», «Своих не бросаю» и др.. Автор книги стихов «К Свету» (2016). Номинант национальной литературной премии «Поэт года». Дипломант поэтического конкурса «Соловьёвская строфа», Гумилёвского фестиваля, фестиваля искусств «Встречи на Волоке».

«Светлая мысль святость...»

Навстречу

Привет, мой друг, чего грустишь?
Дела, проблемы, заморочки?
Смотри! Ползут сосульки с крыш,
И на ветвях смеются почки!

Кричат о счастье воробьи,
И всех подряд целует ветер!
Свою удачу не проспи,
Иди скорее к ней навстречу!

В разлив небесный окунись
И в водопаде солнца грейся,
Рисуй в душе любви эскиз,
Пусть сердце рвётся в поднебесье!

Я улыбнусь тебе, ты – мне,
И загуляет жизнь по венам
Навстречу счастью и весне,
Теплу, любви и переменам!

В ускоренном режиме

Как друг на друга наглядеться?
Любовь в ускоренном режиме...
Мы утопаем в ритмах сердца
И дышим, любим в монориме.

В любви не важны расстоянья,
Но хочется в глаза смотреться,
Касаясь губ благоуханья,
Читаем мысли как пришельцы.

Судьбою связаны незримо,
Но разжимаются объятия...
Любовь в ускоренном режиме...
Лишь кровоточит чувств распятые.

Вишнёвое дыхание

К нам радостно вышли цветущие вишни,
Чтоб цветом жемчужным осыпать нас свыше,
Чтоб нежность Земли, по стволу протекая,
Вдыхать упоенно могли, расцветая,

Под трель соловья, бормотание грома
Услышали близкого счастья симптомы,
Чтоб вновь захотелось к любви прикоснуться,
Навстречу идущему вдруг улыбнуться

И вспомнить забытые в детстве желанья...
Май свежим ворвётся вишнёвым дыханьем,

Чтоб сердце открылось жемчужному Свету,
Навстречу Любви и спешащему лету.

Чудеса

Мне твердят, что чудес не бывает,
Что доказано это наукой,
Но весь опыт меня убеждает,
Без чудес появляется скука.

Ну, конечно, жить можно без чуда,
Чтоб основа – научный фундамент.
(Пусть кажусь я обычной занудой.)
Для себя это каждый решает.

Лично я – чудеса выбираю!
Мир земной полон света и счастья!
Во Вселенной богатства без края.
Изменить свою жизнь в нашей власти!

Чудеса здесь! Со мной! Они – рядом:
Мой любимый, ребёнок и кошка.
Обнимая их любящим взглядом,
Прикасаюсь к ладошке ладошкой.

Залюбуюсь рассветом, закатом,
Окунусь в струи солнца и ливня,
Наслаждаясь цветка ароматом,
Я к Земле отношусь как к святыне.

С каждым днём моя жизнь интересней,
И любая мечта исполнима!
Каждый день я с улыбкой и песней
Чудеса сотворю любимым!

Вдохнём свободу!

Взгляд подниму на небо!
Хочешь со мной летать?
Сам выбираешь жребий:
Смело вперёд иль вспять?
Вместе вдохнём свободу,
Солнца и ветра зов!
Что нам бояться брода?
Кончилось время снов.

В сердце – тепло и ясно,
С Небом заговорим.
Света цветок алмазный
Мрака разгонит дым.
В сердце – любовь и радость!
Сами судьбу творим.
Светлая мысль святость
Новый построит Рим!

Валентина ОСТАНИНА

пос. Таврическое, Омская обл.

Останина Валентина Григорьевна. Родилась в 1945 году в селе Павлоградка Омской области. Окончила Омский сельскохозяйственный техникум, училась в Литературном институте им. Горького. Публиковалась в журналах и альманахах «Сибирь», «День и ночь», «Наш современник», «Литературный Омск», «Иртышъ-Омь», «Тарские ворота», «Аргамак. Татарстан», «Александръ». Лауреат ряда региональных конкурсов, обладатель гран-при Международного поэтического конкурса «Россия, перед именем твоим...» (Москва, 2020). Член Союза писателей России, Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург). Автор 10 книг стихов для взрослых и детей. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«А ты ещё помнишь дыхание марта?..»

Пусть будет всё:
Рожденья и крестины,
Дождь проливной и ясный небосвод,
И честный труд, и помыслы едины,
И в космос в честь Гагарина полёт.
Разлуки, встречи, светлые желанья
И память, что покоя не даёт...
А если боль, то к боли состраданье.
Черты России – жизни оправданье,
Да не коснётся вас евроремонт!

В детстве всё представляло иначе.
Видно, сердце умело жалеть.
Всхлипнет ветер, у окон заплачет –
Я и ветер готова согреть.
Моросящая дробь по окошку.
Сизый, сгорбленный дым из трубы,
Словно странник в дырявой одежке,
Вечный пленник печальной судьбы.
У берёз не листочки – ладошки.
У цветов безответная жизнь.
В этом мире открыто, хорошем
С каждой птахой горюй и кружись.
На берёзах, в ботве огорода,
Открываясь печали любой,
Я жила продолженьем природы
С безутешной ранимой судьбой.

Ты ударь меня, матушка,
Веточкой вербы.
Прикажи не болеть
И в огне не гореть.
Чтоб я щедрой была
И не знала ущерб –
Мне осталась от жизни
Ещё одна треть.
В детстве знала я точно,
Что жизнь моя вечна.
Я пастушкой была –
Прутик вербы в руке.
Назначала мне смерть
Невозможную встречу
Среди ломаных льдин
На холодной реке.
Назначалась она
Среди шумного сброда,
Где, наверное, чудо
Спасло от беды –
Тот таинственный оклик
Пастушьего рода
И мерцанье неяркой,
Смирненной звезды.

Я теряла тропу
Среди глыб долгостроя,
Тяжело возвращалась
На круги своя.
Мама, мама! Как трудно
Даётся простое.
Эта веточка вербы –
Святая молитва твоя.

В тот магазин без красочных витрин
Я забрела, о простоте скучая.
Взгляд продавщицы хмуро говорил,
Что я напрасно время здесь теряю.
Но мне не захотелось отступать;
Оглядываюсь в царстве полусонном:
Вот грампластинок пыльная стопа
И туфли устаревшего фасона.
В морщинах разветвлённых зеркала,
Огромные резиновые чуни.
А в том углу, на краешке стола
Курчавый Пушкин днюет и ночует.
От суеты и клеветы далёк,
Меня настиг незрячими очами.
Так почему же людям невдомёк
Сюда входить с зажжёнными свечами?
С надеждой и суровой тоской
В углу забытом, где не видно строки,
Всей нищете, всей суете мирской
Давал Поэт бессмертные уроки.
Я место Пушкину достойное нашла
У сердца, под плащом намокшим.
И счастлива в тот серый день была,
И улыбалась радостно прохожим.

Н. Ш.

А ты ещё помнишь дыхание марта?
Сосульки, что были прозрачно тонки?
Как резво и радостно стучали парты!
Как нас будоражили в марте звонки!
Срывались быстрее и беспутнее ветра
Девчонки тихони и пацаны.
В учительской завуч и строгий директор
Не знали, как нас оградить от весны.
А ты почему-то был странно спокоен.
Светился улыбкой твой милый овал.
Ты яблока дольку своею рукою,
Как сердце, девчонке другой предлагал.
Куда увели тебя школьные карты?
Какие ты в жизни построил мосты?
Как громко стучало, разбужено в марте,
Сердечко больное тобою... а ты?
А ты ещё помнишь дыхание марта?..

Анфиса ТРЕТЬЯКОВА

г. Симферополь, Крым

Студентка КФУ им. В. И. Вернадского (факультет филологии и журналистики). Член литературно-бардовской мастерской «Таласса». Публиковалась в «Литературной газете», в журналах «Российский колокол», «Невский альманах», «Сибирский Парнас», «Истоки», «Северо-Муйские огни», «Белая скала», «Москва», «Александр», «SOULMATE», «Журнал ПОэтов», в коллективных поэтических сборниках «Кража воздуха со взломом», «Наука веселья», «Откровение-2021», «Дневник поколения». Финалист первого международного литературного конкурса поэтических переводов «Сожскія берагі сяброўства. Сожские берега дружбы».

«Отцветут сады...»

Некрасову

Вопрос доселе не решён:
Жить настоящим или мнимым?
О, Русь, кому же хорошо
Плебеем быть, не дворянином?

Так, среди равных был иным
Большой поэт немного века.
Ты, голос давший крепостным,
Увидел душу человека!

Россия взяла в нищете,
О демократии молчали,
Но появился ты и те,
Кто выразил её печали.

Ещё звучит в моей душе
Твоя страдальческая лира,
Как Герцен мне кричит уже:
Не сотвори себе кумира!

Ты впрягся и надел хомут
Главы журнала «Современник».
Любовь к чужой жене поймут,
И страсть к игре, и жажду денег...

Крамской напишет твой портрет,
Корней Чуковский оправдает
Твои грехи, ведь ты – поэт,
О ком страна моя рыдает!

Моление Сапфо к Гере

Предо мной во сне ты предстала, Гера.
Вижу образ твой, благодати полный,
Вся печаль к тебе, и любовь, и вера
И волос моих фиалковые волны.

Если помогла ты царям Атридам
Корабли поднять, – заступись, богиня,
Дай отплыть и мне. И, печаль отринув,
Я твоё до смерти буду помнить имя.

Дай продолжить мне моей жизни дело:
Митиленских дев обучаю пляскам.
В праздничные дни обнажённым телом
Будет храм твой, Гера, с песнями обласкан.

Гомер

Схоронены давно руины Трои
И ветер пыль в века разнёс с дороги,
Но жили и живут как будто боги
Ахилл и Одиссей – мои герои.

Безжалостное время хоть творенье
Моё оставило, не сохранив портрет.
Вы знаете, что я слепой поэт,
Имевший от природы вдохновенье.

А где родился я – никто не знал.
Семь древних мест на то претендовали.
Но время стерло память, и едва ли
Запомнит кто-то ваши имена.

Мой эпос как божественный чертог
Вознёсся над прошедшими веками.
И я живу с античными богами
И сам полубог, полубог.

За синей дверью

Мы стоим за синей дверью:
Я внутри, а ты снаружи.
Я люблю и свято верю,
Что и ты обезоружен.

Безысходность понимая,
Обливая сердце кровью,
Мыслью плечи обнимаю.
Отвечаю: «Не открою!».

Искушаешь. Вся как зверь я:
Там любовь, за синей дверью.

И сквозь дверь меня схватили
Руки твои сильные.
Я молитвою просила:
Милый! Отпусти меня!

На колени опустилась
И глаза вниз опустила.
Я с тобою не простила,
И себя я не простила.

Я с надеждою рассталась.
Где сейчас ты? Где теперь я?
Может это я осталась
Ждать тебя за синей дверью.

Отцветут сады,
Отцветёшь и ты.
Много утечёт
Из озёр воды.
Будет всё не в счёт:
Планы и мечты.
Лишь твои труды
Принесут плоды.

Елена МАКАРОВА

г. Пенза

Макарова Елена Юрьевна. Родилась 25 ноября 1987 года. Окончила Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского. Преподаватель иностранных языков, переводчик. Дипломант городского конкурса молодых поэтов «Вдохновение» (2005), лауреат фестиваля Д. Злобиной (2008), победитель 12-го купринского конкурса «Гранатовый браслет» (2012). Член пензенских литературных объединений «Поиск», «Берега», «Ясень». Автор 3 книг стихов и прозы.

«Красной искрой снег зажгу...»

Пополам

Разбросала мысли
По стихам,
Оживив
Привычные слова.
Я эмоции
Делю на «два»,
Пополам делю.
Мне непривычно.
Вроде почерком
Пишу обычным,
Но изящны строки.
Пальцы сами
Водят ручкой по бумаге,
И глазами
Я в твоих глазах
Купаюсь. Обожаю
Аромат сирени в мае.
Мне становятся
Привычными твои черты,
И подаренные
Вечером цветы
Утром улыбаются.
Я знаю:
Да, я романтическая такая!

Бессонница

Берёзовый сок
И неба кусок...
Луна не одна:
Снова музыка ночи
Оборванный сон,
Не стесняясь, пророчит.
Бессонница, ухая
Серой совой,
Кружит и кружит
Над моей головой.

А тёмные окна –
Большие глазницы –
Проснутся к утру.
Мало нас – единицы,
Кто ночь прожидает
И нервно
Совиные мысли читает.
Берёзовый сок
И неба кусок...

Вопреки

Заштриховываю раны
Навсегда.
Строчек сбивчивых и рваных
Провода
Растянулись по дороге
Жизни. Пыль.
И пока горит убогий

Дня фитиль,
Соберу я мыслей клочья
У реки
И звезду поймаю ночью
Вопреки!

Родная земля

Только мама моя да Родина
Приголубят нежно меня.
Та дорожка, что мною пройдена –
Лишь начало долгого дня.

Я пойду по росистой травушке,
Босиком пройду, улыбнусь.
Как заботливой, доброй бабушке,
Полю русскому поклонюсь.

Воды вешние, вишня спелая,
Стая птиц в седой вышине,
Солнце в сини, берёзка белая, –
Ах, как дорого это всё мне.

Край мой Пензенский! Земля русская!
Слышишь, льётся трель соловья, –
Звуки дивные этой музыки,
Влюблена я, мой край, в тебя!

Капля жизни

Большая комната. Огромное окно.
Картины на стенах немые,
А на столе цветы живые
И тишина глухая. Нет здесь никого.

И тусклый свет, и за окном сверчок притих,
Старинные часы бьют восемь.
В окно заглядывает осень.
И слышно лишь дыхание цветов живых...

Бусины

Я рябины кисть сорву,
Ягоды багряной.
Вновь морозом на ветру
Навела румяна.

Паутинку начертил
Льдом мороз небрежно –
И рябину загубил,
Стёр румянец прежний.

С губ дыханье соскользнёт –
Ягода оттаёт.
Вновь душа моя поёт,
Словно птица в мае.

Я рассыплю на снегу
Бусины живые,
Красной искрой снег зажгу
В холода седые!

Светлана КАЗАКОВА

г. Омск

Автор 3 книг стихов и прозы. Лауреат Омского областного конкурса «России патриот» (2007), «Омские мотивы» (2010).
Дипломант VII Международного поэтического конкурса ко дню славянской письменности и культуры (г. Шимкент, 2015).
Член творческого совета журнала «Северо-Муйские огни».

Стихи разных лет

Занавески – парусом:
Ливень за окном.
Как-то очень яростно
Громыкает гром.
И на сердце всполохи,
Солнца не видать.
Где ты, где ты молодость,
Где ты, благодать?
Где года беспечные,
Где ты, милый друг?
Опустила плечи мне
Жизнь, и я не вдруг
Научилась плакаться,
Позабыла смех –
Выцветшее платице,
Или бабий век.
Занавески – парусом,
Мачтами – окно.
В плаванье отправиться
Хочется давно,
Смыть тоску липучую
Божьей водой,
Нежной стать, пахучею
Вербочкой живой.

Хочу я верить в неизменность
Слов родниковых, животворных.
Там, где живут добро и нежность,
Не ищут правых и виновных.
Надеюсь, что весна вернётся,
Не только в смысле «время года»,
И всколыхнётся, и проснётся
Сердечко, слово... и природа.

Несчастливые жёны

Несчастливые жёны счастливых мужей,
Всё-то им не хватает для счастья чего-то...
Или мало за шлейфом мальчишек-пажей
Или стражи, быть может, в дворцовых воротах.

Несчастливые жёны красивы, умны,
Но как-то привычно сияют глазами.
Их линии жизни длинны и прямы,
А если изломы, то только бровями.

Несчастливые жёны счастливых мужей
Готовы на слове отдать все богатства
За вольное счастье слепых кутежей
И за менестрелей свободное братство.

С дворцового всё же глядеть этажа
Им как-то привычней: ленивы по сути.
Страшатся свободы и жаль багажа
И вечно стоят потому на распутье...

Женская доля

Ах, долюшка обычная,
Как солнышка восход:
Всё суета привычная –
Щи, каша да компот.
Ах, долюшка, ты, долюшка,
Не пышные коржи,
Как вечное то полюшко
И василёк во ржи.

Воспоминания о море

Я у моря одна
На холодно-прозрачной гальке.
Подползает волна.
Я хочу вслед за белою чайкой
Улететь далеко,
Задохнуться от счастья восторгом
И забыть про него...
День так тянется, тянется долго!..

Предвосхищение счастья

Оно стучится к нам капелью
и солнца лучиком закатным,
пасхальным золотым апрелем
и детским смехом... Многократно
нам будут петь беспечно птицы
кантату жизни виртуозно.
Морским прибором счастье биться
нам будет... Рано или поздно.

Молчание пусть будет интересным
Раздумьями о смысле бытия...
Но завожу я на пельмени тесто,
Чтоб ощутить, что мы одна семья.
На тёплой кухне в круг стола мы снова
В шесть рук не блюдо – лад и мир творим.
Куда важней – не сказанное слово,
Куда важней... а всё ж поговорим?

Счастье моё

А счастье моё принесло мне цветы,
А счастье со мною воркует на Ты.
Счастье моё синеглазо и нежно...
Не за горами соцветия снежные –
Стелется осень листвою по жизни,
Счастье шампанским волнуется, брызжет,
Кружит мне голову... всё ещё кружит...
Счастье моё называется МУЖЕМ.

Светлана ВОЙТКО

г. Минск, Беларусь

Светлана Войтко (SauVage) родилась в г.п. Зэльва Гродненской области Беларуси. Публиковалась в литературных журналах «Бийский Вестник», «Маладосць», «Невский проспект», «Метаморфозы», «Литерра Nova», «Между строю», поэтическом сборнике «Фонарь-2020». Победитель конкурса «Поэтический атлас – 2019» проекта «Международный фестиваль «Мгинские мосты», лауреат международного литературного конкурса «Созвездие Духовности», дипломант межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалея, поэт».

«Знаки – тени-образы бумажные...»

Февральская сирень

Снежностью дышит февральское утро.
Иней на ветках блестя перламутром.
Режет глаза луч рассветного солнца.
Еле поднявшись, с прищуром японца
Не хотя смотришь: не май за окном.
Ь – здесь не смягчает подъём

Дорогами марта

Извини, в этот раз не на крыльях,
А галопом сквозь раненый март.
По тропе серебристой, ковыльной,
Что бесследно сотрут со всех карт.

Из меня никудышнейший всадник,
Мне б не выпасть совсем из седла.
Наплевать на узоры из ссадин,
Довезти бы щепотку тепла.

Возвращаются крылья в дороге.
Ты глядишь в эту темень из сна?
Просыпайся, встречай на пороге.
За мной следом несётся весна.

Жасминовая Луна апреля

Вдруг внезапный букет жасмина.
Непонятно вообще с какого
Перепугу. И в сердце клином
Вбито: снова хочу в дорогу.

Запах в воздухе свежий, чистый,
Заполняющий всё пространство.
Напеваю неслышно, тихо,
Позабытую песню странствий.

Над балконом Луна апреля
Заплутала в дворовых ветках.
Я жасмином дышу, немея.
Пусть всё сбудется этим летом.

Майский дождь

Лепестки вьюгой ветер кружит.
Небо прячется в каждой луже.
Тень улыбки в глазах блуждает.
Растворяюсь дождями мая.

В сотнях капель так одиноко.
Сквозь листву память льёт потоком.
Мысли сносит опять в возможность
Невозможного безнадежно.

На стекле из дождя узоры,
Как и жизнь, протекают скоро.
В них, реальность сменяя снами,
Отражается всё, что с нами.

Будет солнце и день умытый.
Я останусь дождём забытым.
Пусть не выйдет коснуться взглядом,
Всё равно буду где-то рядом.

Летний тост

За одуванчики
над бездной.
Их белый пух
и невесомость.
Слегка чихнёшь –
и всё исчезнет,
и улетит
во тьмы
бездонность.
А истина – она на дне
из одуванчиков в вине.

Летняя передышка

На виражах городских потоков,
Меж бесконечных дедлайнов, сроков
Внезапно выдумать передышку,
Под липой в парке, читая книжку.

Мелькают мысли, дороги, лица,
Под шёпот ветра шуршат страницы.
А жизнь – не книжка, где все ответы.
А жизнь – как кофе и сигареты.

Предсказания сентября

Пальцы резко, остро колет холодом.
Неужели приближенье осени?
Обернётся ночь молчанья поводом,
Растворив вопросы, что ей бросили.

Сны в ночной тиши танцуют с мыслями,
Проверяя горизонты памяти.
В дневнике листы остались чистыми,
Кроме смыслов на полях, в орнаменте.

Видишь – не хватает слов для важного,
Это всё на грани понимания.
Знаки – тени-образы бумажные
Вновь плетут узоры предсказания.

Ксения АКСЁНОВА

г. Липецк

Родилась в Липецке, окончила ЛГПУ имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, преподаватель кафедры английского языка ЛГПУ; переводчик, кандидат филологических наук. Публиковалась в журналах «Урал», «Звезда», «Кольцо А», «Формаслов», «Петровский мост». В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Сквозь ночь, не разнимаясь, говорить...»

Седой пылью и горечью
роится эта мгла.
Ей снится клёкот горликий
и пение щегла.
А в зарослях безвременья,
по речке неживой
мой дед идёт, растерянно
качая головой.
Суровый, смуглый смолоду,
но светлый добела,
и нет в нём злого холода
последнего тепла.
В матроске, в новых валенках,
над снегом семеня,
он голосом поставленным
читает «Жди меня» –
сквозь снега злое крошево,
в моём читает сне.
И нет другого прошлого.
И будущего нет.

Я хочу, как водомерка,
тоненькая вся,
ничего не исковеркать,
бережно скользя –
по пруду твоей тревоги,
утешенья для
буду бегать быстрого
и легко петлять.
Отвлечёшься – заглядишься...
Но пойдёшь за той,
чьё манящее затишье –
берег золотой.

Со всей самоотдачей
без глупой суеты
животный и горячий
в ночи накроет стыд.
Мне вспомнится такое,
что оторопь возьмёт –
тяжёлою рекою
польётся ржавый мёд...
Во сне, в ознобе липком,
где полночь глубока,
прожорливая рыбка
поймает рыбака.

В тесноте прошедшего и пустого
приглушённым светом былых обид
я полна, как прежде, и я готова

ничего не помнить и не любить,
не любить и прыгнуть как можно выше,
затерявшись в омуте облаков,
словно обезумевший лётчик вышел
в оголённый космос – и был таков.

Идти сквозь иголку верблюдом –
слепая игра. Наугад
блуждать между бредом и чудом,
в плену говорливых цикад.

Ни зла, ни обмана не видя,
гляжу в горизонт слюдяной,
и время прошедшее в виде
пустыни ложится за мной.

Я правил игры не нарушу,
хоть выбор мучительно прост,
И чем безрассудней, тем лучше –
идти напролом, в полный рост.

Душа, идущая на свет,
как на невидимый магнит,
сквозь толщу тьмы и бездну бед
всё говорит и говорит
с тобой на странном языке –
из междометий, снов и слёз
о том, что в собственной тоске
ты невесом и безголос,
о том, что в замкнутом лесу
от непроглядной тишины
тебя когда-нибудь спасут.
Когда-нибудь спасти должны.

Сквозь ночь, не разнимаясь, говорить
о важном, о ничтожном – вперемешку,
наматывать мерцающую нить
на спицы памяти. Наматывать, не мешкать.
Нам будет сниться всё, как не во сне:
за сквером – сквер, а дальше, в подворотне –
твоя рука, скользкая по мне,
и ускользающая я, почти бесплотно,
в пустой туман иллюзий и цитат,
в молчание, в пространство междометий...
Но я так рада, рада, что ты рад!
Мы в нашем сне – встревоженные дети.
И он идёт кромешной пеленой,
слепой молниеносный ливень в мае.
Поговори, поговори со мной,
я все твои слова запоминаю!

Валентина ЕФИМОВА

г. Санкт-Петербург

Родилась в 1993 г. в городе Чита (Забайкальский край), с 1995 г. жила в Нижнем Новгороде. С 2012 по 2014 гг. проходила обучение в Санкт-Петербургской Государственной Химико-Фармацевтической Академии. В дальнейшем – в РГПУ им. А. И. Герцена по направлению «Психолого-педагогическое образование». Пишет стихи с 12 лет. Участник литературной студии. Публиковалась в Сети. В журнале «Северо-Муйские огни» публикуется впервые.

«Из шести миллиардов обмана...»

Всё скрывается за мелочами...

Всё скрывается за мелочами.
Я заварила себя молочая.
Горький вкус разбудил тревогу,
Что спала с моей недотрогой
Совестью. Грустные песни
В мою голову кипами влезли.
Ноты, строчки, пустые чернила –
Я их с нежностью долго хранила,
Чтобы вмиг разразиться шквалом
Из отрывков ночных подвалов
Тараканьих забегов ночью.
Вместо всех многоточий – точки.
Мне осталось сидеть и слушать,
Как за окнами ветер кружит
И разносит по мирному небу
В то, что всё хорошо будет, веру.

Мокрые улицы

Мокрые улицы – мокрые кошки.
Дождь поливает сгоревший асфальт.
Ночь. В темноте лишь сверкают окошки,
Да и разбитый от горя фонарь.

Звёзды продрогшие спрятались в тучи,
Нужно поспать хоть немного за ночь.
Где-то в квартире объятия жгучи,
Ну а с утра разбегутся все прочь.

Прочь по дорогам, роняя секунды
И собирая их сумкой в часы.
Хочешь совет? Не обычный, а мудрый –
Сердце людей не кидай на весы.

Напиши мне письмо

Напиши мне письмо,
Можно даже без слов.
Просто белый листок
Посреди полюсов.
Нижний Новгород – Питер.
Звук шагов по бульвару.
Я свяжу тебе свитер –
Не настигнет прохлада.
Расскажу о весне,
Что приходит зимою.
О внезапном тепле
Среди снежных покоев.
И о грусти ветров
Прошепчу этой ночью.
Разрисую покров
Жизни. Точка за точкой.

Можно даже без слов,
Лист бумаги в конверте...
Я из всех голосов

Твой услышу в рассвете.
Просто нужно, чтоб помнил.
Чтобы чувства не гасли.
Дай свои мне ладони...
Написал не напрасно.

Остываю

Я остываю быстрее,
чем ты успеваешь читать эти строки.
Я забываю о прошлом,
рифмуя созвездья галактики.
Я остываю, впуская дым и выпуская потоки.
Я забываю о нашей не истинной практике
В чтении глупых, запутанных и рваных линий.
Ладони теперь в чём-то липком
и несколько красном.
Ты же знал, я не люблю роз.
Букет белых лилий

Гораздо милее,
чем этот набор всеми тасканный.
Шипы? Ненавижу.
От них на мне боль и царапины.
И кожа становится странно ненужной мне.
Зачем? Я снимаю её. Только крапины
Исчезнут со временем в блеклой луне.

Ты любишь меня...

Ты любишь меня настолько сильно,
Насколько могут позволить себе
Только бездельники и поэты.
Когда я вижусь с тобой,
То будто бы...
Сразу пришла раздетой.

Я таких ещё не встречала...

Я таких ещё не встречала.
Подожди ещё пару минут.
Все часы заведём сначала,
И пусть люди вокруг уснут.

Мы, как бабочки, будем кружить
Над небрежно раскинутым смыслом.
Кто сказал, что нельзя нам жить?
Взмахи чаще, движения быстры.

Мы из брызг составим фонтаны.
Нас же много, и мы так похожи.
Может быть, для стихов слишком рано,
Но не уличный ты мне прохожий.

«Больше дружбы», – сердце сказала.
А мы бабочки – лишь бы летать.
Из шести миллиардов обмана
Я тебя лишь смогла разгадать.

Юлия ГРАЧЁВА

п. Развилка, Московская обл.

Родилась в 1975 г. Имеет высшее экономическое образование, работает в научном институте газовой отрасли. Пишет стихи с 2017 г., автор 2 книг: «По закону солнечного круга» (2019) и «Дорога на ладони» (2021). Публиковалась в ряде коллективных поэтических сборников, в литературном журнале «Союз писателей» (Новокузнецк).

«Дорожная песня»

На горе Моисея

Как труден путь паломника в ночи.
Слабели ноги, поднимаясь в гору.
Все вместе, бедняки и богачи,
Тянулись змейкой вверх по коридору.

Во тьме не видно, сколько впереди
Пройти осталось, путники вздыхали.
А россыпи из камня на пути
Им о земных грехах напоминали.

К рождению зари они дошли.
Трудна была для всех людей дорога!
И, словно оторвавшись от земли,
Присели в тишине в гостях у Бога.

Толпа молчала, словно осознав
Всю тщетность суеты, обид и споров,
Лишь на одну ступень мудрее став,
Идя всю ночь на Моисея гору!

В награду людям за ночной поход
Грехи молитвой сброшены, как ноши.
Пылал вокруг божественный восход,
И солнцу люди хлопали в ладоши!

Первый рафтинг

Жарит солнышко в июне,
Кочегаря день.
В шлеме и в гидрокостюме,
Прячем лица в тень.

Дрожь в коленях, смех нервозный –
Страх у новичков.
Смотрит наш инструктор грозный
Как на дурачков.

Речка обдаёт прохладой,
Принимая рафт.
Слушает реки рулады
Каждый аргонавт.

Первый дружный грохот вёсел –
Удаль молодцов!
Ветер брызги вверх подбросил,
Окатив гребцов.

Визг летит вдоль по ущелью
Ледяной реки,
Бурный хохот и веселье,
Шутят остряки!

Гонит речка всё быстрее
Наш воздушный плот.

Ближе, громче и мутнее
Тот водоворот!

Пальцы рук оцепенели
От стальной реки.
Нервы женщин на пределе –
Замерли смешки.

Скоро узкий вход, и банду
Выплюнет фонтан.
«Всем вперёд!» – даёт команду
Грозный капитан.

Нас швыряет, окунает,
Накренился плот.
Вдруг река нас отпускает –
Взят водоворот!

Скалы отражают эхо
Облегченья вздох.
Миг наполнен громким смехом –
С нами в лодке Бог!

Капитан был так серьёзен,
Нагоняя страх,
А теперь, в шутиливой позе,
С вёслами в руках.

Плеск воды, звучащий в песне,
Голос ветерка:
Всех прекрасней и чудесней
Белая река!

На прощанье снимем фото:
Солнце, речка, рай...
Только грустно отчего-то
Покидать тот край!

Дорожная песня

Из осени в лето открытая створка,
Стройнее берёзки, пышнее дубы.
По ленте графитовой с горки на горку
Лечу, оставляя с отметкой столбы.

Люблю в унисон, подпевая мотору,
Колесам, пристукивать в такт по рулю.
Я еду к теплу по родному простору,
Привет октября передать журавлю.

Летят за окном деревеньки и сёла.
На тысячи вёрст всё леса да поля!
И льётся раскатистой и развесёлой
Дорожная звонкая песня моя!

Сатира и юмор

... обличение злонравия подлинно не осудят любители добродетели. От злонравных ничего не ожидаю, хуление и хвалу, гнев и любовь их равно презираю.

А. Д. Кантемир – величайший поэт-сатирик первой половины XVIII века, зачинатель русской басни.

Ольга БОРИСОВА

г. Самара

Член Союза писателей России, Европейского конгресса литераторов (Прага). Автор 13 книг стихов, прозы, публицистики (документально-исторических книг о Болгарии). Председатель Самарской региональной организации РСПА, главный редактор альманахов «Параллели» и «Крылья», член редакционного совета журнала «Белая скала», литобъединения «Точки» при Совете по прозе СПР. Стипендиат Министерства культуры РФ. Организатор международного фестиваля «ЛитКузница».

Холодильник

Рассказ

- Коль, а Коль, съездил бы завтра в город, – накрывая на стол, произнесла Маша.
- Чё я там не видал?
- Мать звонила, просила помочь холодильник купить.
- У неё же есть «Атлант». Поломался что ли?
- Работает. Что с ним делается.
- Так зачем ей ещё один? – удивился Николай, вставая с дивана.
- Вот спроси её, зачем... Денег поднакопила, решила вложиться.
- Странное вложение. Не живётся ей спокойно и нам не даёт.

Николай в селе слыл мужчиной скупым и молчаливым, как говорят «себе на уме». Ничем особо не выделялся: среднего телосложения, ростом невысокий. Недавно ему стукнуло пятьдесят лет. Юбилей отметили скромно – вдвоём, за обеденным столом. Дети приехать не смогли. У дочери в это время состоялась защита дипломной работы, а сын жил в другом городе. Его не отпустили с работы.

– Сейчас купить, проблем нет. И помогут выбрать, и привезут, и поставят куда укажет, – продолжал возмущаться Николай. – Лишь бы человека с места сорвать.

– Ну, ты же её знаешь. Боится, что обманут, подсунут не то, – ставя на стол дымящиеся жирные ароматные щи, уговаривала мужа Маша. – Коленка, поезжай! А то потом жизни нам не даст. Всё время попрекать будет. Старость она такая...

– Да уж... Точно, что упрёками изведёт. Ладно, звони ей, скажи, что приеду.

Утро выдалось морозным. Ночью выпал снег. Николай, выйдя на улицу, поёжился. Накинув на голову капюшон пуховика и затянув потуже шарф, отправился на остановку. «Вот взбрело же в голову холодильник покупать в такой мороз», – бурчал он, пробираясь по заснеженной улице. Вскоре появился автобус, и мужчина уехал.

Холодильник покупали долго. Тёща приставала к продавцам, постоянно что-то от них требуя. В конце концов, остановилась на сером и большом «Bosch». И вот стараниями грузчиков громоздкая иностранная новинка устроилась на кухне рядом со стареньким белорусским «Атлантом». Кухонное пространство сразу вдвое уменьшилось, вызвав недовольство тещи. Как только грузчики ушли, она надумала холодильник передвинуть:

– Николай, давай перетащим его ближе к окну, а то мешает он здесь.

– Галина Ивановна, у меня сил не хватит эту махину сдвинуть. Его четыре грузчика еле внесли, а вы хотите, чтоб я один справился. Пусть стоит, где поставили.

– Вот мужики хилые пошли! Давай я помогу.

Они с трудом сдвинули громадину с места.

– Видно, нам не справиться. Придётся Федьку-соседа позвать, – решила она.

Высокий, широкоплечий, с небольшим округлившимся животом, в спортивном помятом трико и футболки цвета апельсина на кухню зашёл Федька. Он оглядел холодильник:

– Да! Крутую вещицу купила. Выкинь старый, а этот поставь на его место! И все проблемы!

– Как же я его выкину?! Он хоть и старый, но ещё исправно работает. Вам бы всё выкинуть.

– Лады, куда ставить, показывай!

Потребовалось много усилий, чтобы водрузить холодильник на новое место. Галина Ивановна постояла, посмотрела и предложила сдвинуть его в другой угол.

– Нет, дорогая теща, – возмутился Николай. – От перемены мест ничего не изменится. Пусть теперь стоит здесь, а мне домой пора.

Тёща горестно вздохнула, надеясь надавить на жалость, но на мужчин это не подействовало. Они, отвернувшись, что-то весело обсуждали.

– Тогда давайте обмоем покупку. Закон такой, а то работать не будет.

Она поставила на стол бутылку водки, порезала маринованные огурчики, колбасу и другую снедь. Незаметно, за разговорами мужчины опорожнили содержимое бутылки, и Николай засобирался домой.

– Пожалуй, я тебя до остановки провожу, – решил Федька. – Это тебе не деревня, а город! Да и остановка у нас возле особого места – у дурдома. Не дай Бог, кто-нибудь напугает.

Они шли по плохо расчищенной улице и говорили о жизни, работе, женщинах и всякой ерунде. Николай неожиданно поскользнулся и с трудом удержался на ногах.

– Ну и дороги у вас, а ещё город называется. У нас в селе и то чище! Трактор проходит регулярно.

– А, ну их! – махнул рукой Федька.

Кто те, которых «ну», Николай так и не понял. Но понял одно, что в городе не всё так просто.

На остановке людей не было. Видимо, автобус только что ушёл. Им ничего не оставалось как ждать следующего.

– Холодает, – поёжился Федька.

– Да, морозец приличный. Позвоню-ка жене, пусть баньку протопит. После дороги не грех косточки прогреть.

Он полез в карман, куда обычно клал телефон, и, не обнаружив в нём мобильника, стал судорожно рыться в карманах джинсов. Николай мгновенно протрезвел.

– Я, кажется, потерял телефон, – слегка заикаясь, произнёс он.

– Ты по карманам пуховика пошарь, может, туда положил.

Обшарив все карманы, Николай развёл руками:

– Точно, потерял.

– Я знаю, где он, – радостно воскликнул Федька. – Пошли назад, он там, где ты поскользнулся.

Они вернулись и стали искать пропажу, внимательно оглядывая дорогу, но обнаружить телефон не удалось.

– Надо в снегу поискать, – предложил Федька. – Видимо, упал в сугроб. Давай ты с этой стороны тропинки, а я – с другой.

И они приступили к поиску мобильника. Разгребая руками сугробы, словно лопатами, мужчины прорывали траншеи, оставляя за собой снежные барханы. На миг отрываясь от занятия, спрашивали друг друга: «Ну что, нашёл?». Получив отрицательный ответ, продолжали раскопки. Внезапно раздавшийся строгий голос заставил друзей поднять головы. Перед ними, стоящими на четвереньках, предстал полицейский:

– Что ищем? – он внимательно посмотрел на друзей.

– Мы... ничего, – промямлил Федька при виде грозной фигуры блюстителя порядка.

Полицейский оглянулся, окинул взглядом психбольницу и, еле сдерживая улыбку, предложил:

– Пойдёмте, я вас отведу в обитель. Там тепло и, наверное, все ужинают. А на улице холодно, замёрзнете. А если снова покопаться пожелаете, то завтра придёте.

Наконец сообразив, что тот принял их за психбольных, Николай осмелился:

– Я из села, Калиновки. Сюда приехал, чтоб тёщи помочь... – он осёкся. Если сказать, что приехал в такой мороз, чтобы купить Галине Ивановне холодильник, то их точно отправят в дурку.

– Домой еду, – продолжил он, – да вот незадача, поскользнулся и нечаянно выронил мобильник. Теперь с товарищем ищем его.

– И что, нашли? – блюститель порядка недоверчиво окинул его взглядом.

– Нет, – грустно вздохнул Николай.

– Дорогой? Как называется?

– Смартфон Samsung Galaxy M52. Жена на юбилей подарила.

– Да, недешёвый... Жаль.

– Жаль, – вторил он. – Полчаса уже ищем. Видимо, кто-то подобрал.

Николай почувствовал, что ему поверили.

– А вот и автобус, – махнул рукой Федька. – Побежали, а то ещё час битый его ждать придётся...

Усевшись на пустое сидение и чуть отдышавшись, Николай вздохнул с облегчением. «Ну его, этот хваленый город! Чуть в психушку не попал. Скорее в родную Калиновку, домой, к жене!»

А дома его ждал горячий ужин, уют и натопленная печь.

– Коль, мама звонила, про холодильник рассказала. Говорит, что большой и красивый. Может, и нам такой купить? Наш-то совсем уже старый.

Уплетая тушёную картошку с мясом, муженёк промычал что-то нечленораздельное.

– Да, чуть не забыла. Придётся тебе снова в город наведаться.

Николай застыл, держа ложку у рта:

– Зачем?

– За телефоном.

Муженёк удивлённо посмотрел на жену.

– Ты его зачем-то в новый холодильник положил. – И, улыбнувшись, добавила: – Он звонком маму до полусмерти напугал.

Тамара ГОРДИЕНКО

г. Севастополь, Крым

Поэт, прозаик, журналист. Член Национального союза писателей Украины, Европейского конгресса литераторов, Международного сообщества писательских союзов. Почётный член Севастопольской академии наук.

Мир выжил, потому что смеялся

Всем известно, что чувству юмора нельзя научиться: оно или есть, или его нет. Как правило, свои юмористы есть в любой социальной среде, легендарные или живые: поручик Ржевский, Василий Тёркин, Аркадий Райкин, Михаил Жванецкий... Вокруг таких людей постоянно образуются целые группы людей, как, например, в начале тридцатых годов прошлого века в редакции газеты «Гудок» собрались Валентин Катаев, Илья Ильф, Евгений Петров, Юрий Олеша.

Есть примеры, когда, когда юмористы заселяют целые города, такие как Габрово или Одесса.

Одесситам принадлежит изречение: «Мы можем жить без хлеба и мяса, но не проживём ни дня без анекдотов!».

Давайте сегодня поговорим об анекдотах.

Словарь даёт следующее толкование слову «анекдот»: это невероятный случай, происшедший с кем-то, часто имеющий парадоксальную, смешную концовку.

Говорят, что анекдот завезли в Россию иностранцы в эпоху – кого бы вы думали? – ну, конечно же, Петра Первого!

И первой мишенью для анекдота стали сам Пётр, его придворные, фрейлины, шуты.

Рассказывают, например, что любимый шут Петра Первого – Иван Балакирев – одну из ассамблей наговорил много лишнего. Желая остановить его и вместе с тем наградить, государь приказал, как бы в наказание, по установленному порядку ассамблей, подать кубок Большого Орла.

– Помилуй, государь! – вскричал шут, упав на колени.

– Пей, говорят тебе! – сказал Пётр гневно.

Балакирев выпил и проговорил умоляющим голосом:

– Великий государь! Чувствую вину свою, чувствую милостивое твоё наказание, но знаю, что заслуживаю двойного, нежели то, которое перенёс!

Для восприятия анекдота необходимо воображение, определённый интеллектуальный уровень и чувство юмора. Люди с ограниченным чувством юмора часто мучают рассказчика дополнительными вопросами, пробуют разобраться в анекдоте. Просьба объяснить, в чём юмор, вызывает у рассказчика чувство, что он имеет дело с занудой, которому анекдот даёт классическое определение: «Зануда – это тот человек, кому проще отдалиться, чем объяснить, что ты его не хочешь».

Когда анекдот слушает зануда, анекдот не доставляет удовольствия ни одному из партнёров. «В присутствии зануды все шутки глупы и неприличны», – сказал Козьма Прутков.

Анекдоты не щадили никого. Очень часто от них доставалось великим людям:

– Мой муж из любого пустяка готов сделать трагедию! – жаловалась однажды своей приятельнице жена Вильяма Шекспира.

– Играйте свободнее, раскрепоститесь! – приказывал на репетиции артисткам крепостного театра граф Шереметев.

Существовали целые сериалы анекдотов о знаменитых русских литераторах:

Однажды во время путешествия по Испании Гоголю пришлось остановиться в одной заброшенной гостинице. Гоголь пожаловался хозяину на то, что кругом грязь, бельё засаленное. Тот ответил: «Сеньор, нашу незабвенную королеву Изабеллу причисляют к лику святых, а она во время осады несколько недель не снимала с себя рубашку, и эта рубашка, как святыня, хранится в церкви. А вы жалуетесь, что ваша простыня нечиста, когда на ней спали только два француза, один англичанин и одна дама очень хорошей фамилии. Разве вы чище этих господ?!»

Однажды Пушкин сидел в кабинете графа С., утверждает анекдот, и читал какую-то книгу. Сам граф лежал на диване. Рядом на полу играли двое его детишек.

– Саша, скажи что-нибудь экспромтом! – обратился к Пушкину заскукавший граф.

– Детина полу умный на диване, – мгновенно ответил поэт.

Граф оскорбился.

– Александр Сергеевич, вы забываетесь! – высокомерно проговорил он.

– Ничуть! Вы, граф, просто невнимательно слушали и не поняли меня. Я сказал: дети – на полу, умный – на диване!..

И ещё один анекдот из девятнадцатого века – об изворотливости чиновников, которых в народе называли канцелярскими крысами:

Деловой канцелярист с чиновником отправились однажды в уезд по важному делу, но в пути случилось несчастье: чиновник заболел да в тот же день и умер.

Что же делает канцелярист?

Он подумал-подумал, взял перо и написал:

«Рапорт» от такого-то чиновника в такой-то уездный суд.

20 сентября от приключившейся внезапно мне апоплексии я умер, а посему и прошу уездный суд сделать законное распоряжение насчёт сдачи бумаг, при которых дежурствует теперь бесценно находящийся при мне канцелярист, которого рекомендую с отличнейшей стороны. За смертью же своей я рапорта не подписываю, а только для лучшей вероятности сего происшествия прикладываю казённую печать!»

Кстати, а что же в наши дни?

А то же самое. Анекдоты перестали рассказывать вычурным языком, они стали проще и смешнее, потому что отражают реалии уже современной нам жизни.

До сих пор вызывает улыбку анекдот из тридцатых годов.

Во время поисков экспедиции Нобиле было объявлено, что все сообщения об экспедиции передаются бесплатно.

Еврей посылает телеграмму из Жмеринки в Киев:

«Мойше ищи Нобиле не найдёшь – купи пять мешков муки!..»

Анекдоты шагали в ногу с историей, зачастую помогая человеку остаться человеком даже в самых невыносимых условиях. Иногда эти анекдоты были «чёрным юмором» недоброй памяти тридцать седьмого года:

- Тебе сколько дали?
- Десять лет.
- За что?
- Да ни за что!
- Врёшь, ни за что дают только пять!

Вот анекдот более близких к нам лет, но, по сути, на ту же тему:

– Зачем ты зарезал свою козу? Ты же сам говорил, что она даёт много молока, да ещё и такого вкусного!..

– А ты бы выдержал, если бы тебе под окном всё время кричали: «Ка-гэ-бэ, ка-гэ-бэ-э-э!..»

Анекдоты часто рассказывают о какой-то определённой профессии: геологах, моряках, военных. Вот пример военного анекдота.

Армейская газета объявила конкурс на рассказ из пятисот слов и получила среди прочих следующий опус: «Сержант Быдлов приказал построить себе индивидуальный сортир, которым потихоньку пользовались все солдаты. Однажды он застал в нём одного и всем им дал хорошую взбучку. Тогда солдаты подпилили стойки у сортира, и сержант провалился вниз».

Написано тридцать четыре слова. Остальные четыреста шестьдесят шесть слов произнёс сержант Быдлов, выбираясь из выгребной ямы».

Долгое время рекорд по числу анекдотов держало знаменитое «Армянское радио». Удачная форма «вопрос – ответ» имела широкие возможности для создания парадоксов.

– Правда ли, что академик Амбарцумян выиграл в лотерею сто тысяч рублей?

– Конечно, правда. Только не академик Амбарцумян, а сапожник Абовян, и не в лотерею, а в карты, и не сто тысяч, а три рубля, и не выиграл, а проиграл.

Несколько десятилетий очень популярными были анекдоты о Чапаеве.

Ординарец Чапаева Петька входит в комнату и видит, что Василий Иванович, стоя на столе в грязных сапогах, вкручивает лампочку.

– Василий Иванович, – с досадой говорит Петька, – ты хотя б газетку подстелил, что ли?

– Спасибо, Петька, я и так достану.

Стоило появиться фильму «Семнадцать мгновений весны» – и хлынули потоком анекдоты о штандартенфюрере Штирлице, пародирующие работу разведки.

Штирлиц сидел у окна.

В спину дуло.

Штирлиц встал и закрыл форточку.

Дуло исчезло.

Парадокс – изюминка анекдота. Он ценен своей непредсказуемостью. Наиболее частый его источник, вызывающий смех, – это неожиданное сравнение.

Разговаривают две женщины:

– Ты столько раз уже была замужем! – завистливо говорит одна.

– Ах, дорогая, – вздыхает удачливая подруга, – замужество напоминает мираж в пустыне с дворцом, пальмами и верблюдом. Первым исчезает дворец. За ним – пальма. И тебе остаётся только верблюд!..

А вот пример дипломатического анекдота:

– Господин Киссинджер! Что такое «челночная дипломатия»?

– О, это универсальный метод! Поясню на примере: вы хотите методом челночной дипломатии выдать дочь Рокфеллера замуж за простого парня из глухой сибирской деревни.

– Это невозможно! Каким образом?

– Очень просто. Я еду в сибирскую деревню, нахожу там простого парня и спрашиваю: «Хочешь жениться на американке?». Он: «У нас и своих девок полно». Я: «Да, но она дочь миллиардера». – «О! Это меняет дело».

Тогда я еду в Швейцарию на заседание правления банка. Спрашиваю: «Вы хотите иметь президентом ядрёного сибирского мужика?». – «Фу-у», – говорят в банке. «А если при этом он будет зятем Рокфеллера?». – «О! Это меняет дело!».

Еду к Рокфеллеру. Спрашиваю: «Хотите иметь зятем русского мужика?». Он: «У нас в семье все финансисты!». Я: «А он как раз президент швейцарского банка!». – «О! Это меняет дело. Сюзи, поди сюда! Мистер Киссинджер нашёл тебе жениха. Это президент швейцарского банка!». Сюзи: «Эти финансисты все такие дохляки!». Я: «Да! Но это ядрёный сибирский мужик». Она: «О-о-о! Это меняет дело!».

Неиссякаемы анекдоты на тему «тёща – зять».

Жена говорит мужу:

– Мама приезжает двадцать второго июня, в четыре часа утра.

Муж (задумчиво):

– Как в 41-м...

Тёща гневно говорит зятю:

– Каждый вечер вы рассказываете моему внуку сказки. Не могли бы вы объяснить, почему все они заканчиваются одинаково: «Они поженились и жили счастливо, потому что невеста была сиротой...»?

Беседуют два друга.

– Ты где в этом году решил провести отпуск? – интересуется один.

– Да вот сына хочу свозить в деревню, показать ему козла. А то он его представляет только со слов тёщи.

А вы не задумывались, почему так много анекдотов про тёщу и нет анекдотов про свекровь?..

Разгадка проста: у невесток очень хорошо развито чувство самосохранения.

И всё же один анекдот о свекрови я нашла.

Рожает молодая француженка. Ей говорят:

– Примите поздравления, мадам! У вас – сын.

– Я уже ненавижу эту мерзавку! – гневно восклицает она.

– Кого, мадам?!..

– Ту, которая уведёт моего дорогого мальчика!!!

Анекдоты не ограничиваются только темой «тёща – зять», часто затрагивая семью, отношения «родители – дети», «любовь и секс». Вот, например:

«Я люблю тебя!» – говорят русские.

«Я кохаю тебе!» – говорят украинцы.

«I love you!» – говорят англичане.

И только китайцы молча делают своё дело.

– Говорят, ты встречаешься с Танькой из девятого подъезда, – обращается отец к сыну.

– Ну, встречаюсь. А что, нельзя?

– Да нет, почему же... Я в твоём возрасте тоже с ней встречался!

Еврейская тема – это наиболее распространённая и многообразная форма, отражающая все сложные перипетии человеческих судеб. Гонения и напасти, выпавшие на долю еврейского народа, породили единственную форму надёжной самозащиты – неистребимое чувство юмора.

Например:

– Вы еврей?

– Нет, просто что-то нездоровится.

Или:

Машину еврея останавливает инспектор ГАИ:

– Вы почему превышаете скорость?

– И какой же русский не любит быстрой езды?!

– Какие права у еврея?!

А вот ещё:

– Сара Абрамовна, если вы позволите мне пожарить мою яичницу на вашем сале, я, так и быть, позволю вам сварить вашу курицу в моём супе!..

Мой знакомый врач очень любит рассказывать анекдоты на медицинские темы, и сам же первым заразительно смеётся:

Пациент робко спрашивает у врача:

– Доктор, я буду жить?

Ответ:

– Будете. Но хрено-о-о-во!!!..

Медсестра:

– Больной, этот одноразовый шприц абсолютно стерилен. Но для большего вашего спокойствия я ещё вытру его о халат!..

Анекдоты часто рассказывают о моряках, геологах, дистрофиках, лохах-интеллигентах. Интересен анекдот начала девяностых:

– Я купил костюм и кресло.

– О, да вам повезло!

– Да, конечно. Но костюм – водолазный, а кресло – гинекологическое.

Понедельник. Хмурое утро. К пункту приёма посуды подходит бомжеватый поэт с целлофановым пакетом в руках. Заглядывает в окошко. Там сидит нахмуренная с похмелья молодая бабёнка и курит.

– Простите, леди, а вы бутылки из-под виски принимаете?

Бабёнка поднимает на него мутные глаза, пускает кольцо дыма и отвечает:

– Нет тары, сэр.

Сегодня одними из самых популярных стали анекдоты о блондинках, высмеивающие разительное несоответствие их фигуры – 90х60х90 – и их ума.

Идёт блондинка вечером по тёмному парку. Вдруг слышит:

– Стоять!

Она остановилась.

– Лежать!

Она легла.

– Ползти!

Она поползла.

Вдруг слышит:

– Девушка, что с вами? Вам плохо?.. Я тут собаку дрессирую, смотрю: вы ползёте!..

Иногда несоответствие параметров блондинок и их ума только кажущееся.

Гаишник останавливает машину, летящую по городу с недопустимой скоростью. Подходит. Видит за рулём блондинку.

– Почему превышаем? – спрашивает он её.

– А я, когда два стакана коньяка выпью, всегда еду со скоростью двести двадцать! – беззаботно улыбаясь, отвечает она.

Гаишник, чувствуя, что деньги у него уже в кармане, везёт её к начальству.

– Вот, – говорит он, – пьяная за рулём.

Майор, чувствуя, что деньги у него в кармане, заставляя блондинку дуть в трубку. Странно – трезвая. Заставляет дуть ещё раз. Трезвая.

– Ты чего это её привёз? – свирепо спрашивает он подчинённого гаишника. – Она же трезвая как стёклышко.

– А вы его слушайте, слушайте! Он вам сейчас ещё скажет, что я ехала со скоростью двести двадцать! – безмятежно улыбаясь, говорит блондинка.

Иногда слушаешь анекдот и поражаешься его остроте, злободневности, юмору. Думаешь, до чего же умные люди сочиняют анекдоты!

Но ни для кого не секрет, что зачастую жизнь подбрасывает нам ещё те анекдоты!

Много лет назад я работала заведующей библиотекой в воинской части. Анекдот из моей практики. Как-то в библиотеку пришёл читатель – молоденький солдатик:

– Дайте мне книгу, которую написал этот...

– Кто?

– Ну, этот... как его...

Мялся, мялся – и выпалил:

– Оборжак де Сирано!

Я желаю всем, чтобы даже 1 апреля никто не путал Бабея с Бебелем, Бебея – с Гегелем, Гегеля – с Гоголем, Гоголя – с моголем!.. А Сирано де Бержерак – с Сирано де Оборжаком!..

Улыбок вам, розыгрышей и весёлых обманов! И, конечно же, новых анекдотов!

Помните, мир выжил, потому что смеялся!

Творческий совет журнала

Александрова Александра Александровна (Красноярск)
Астраханцев Геннадий Дмитриевич (Ангарск, Иркутская обл.)
Буров Юрий Николаевич (Санкт-Петербург)
Веколова Анастасия Юрьевна (Самара)
Головизина Ольга Павловна (Липецк)
Долбышева Ольга Николаевна (Черемхово, Иркутская обл.)
Дроздов Сергей Дмитриевич (Серпухов, Московская обл.)
Ефимова Тамара Владимировна (Северомуйск, Бурятия)
Жилкин Анатолий Михайлович (Иркутск)
Забарова Светлана Викторовна (Санкт-Петербург)
Кобелев Александр Афанасьевич (Новонкутск, Иркутская обл.)
Казакова Светлана Ивановна (Омск)
Карпов Леонид Семёнович (Кестеньга, Карелия)
Линник Ольга Владимировна (Омск)
Моргунов Юрий Михайлович (Шушенское, Красноярский край)
Мирошникова Галина Николаевна (Усть-Муя, Бурятия)
Подзарей Анатолий Иванович (Протвино, Московская обл.)
Попова Елена Алексеевна (Усть-Кут, Иркутская обл.)
Попова Евгения Владимировна (Новосибирск)
Поломошина Наталья Суреновна (Северомуйск, Бурятия)
Сайферт Ирина Алексеевна (Таксимо, Бурятия)
Смирнов Михаил Иванович (Салават, Башкортостан)
Сафиулин Максим Сергеевич (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Фокина Ольга Викторовна (Усть-Илимск, Иркутская обл.)
Шерстнёв Анатолий Юрьевич (Северомуйск, Бурятия)
Эхтибаров Фархад Гюлаббас-оглы (Северомуйск, Бурятия)

Секретарь правления Совета **Перемитина** (Галютева) Лилия Александровна
Председатель правления Совета **Логинова** Татьяна Борисовна

Из Устава журнала «Северо-Муйские огни»

Общие положения к Уставу

Журнал «Северо-Муйские огни» является авторским литературным изданием, ставящим себе целью духовное и творческое объединение свободных мыслителей и художников, творящих в духе любви к природе, людям, во имя процветания мирового экологического сообщества.

Цели Журнала полагаются в публикации и широком распространении подобного рода литературных произведений как известных писателей, так и начинающих, акцентирующих своё творчество на укреплении отношений природы и человека.

Журнал «Северо-Муйские огни» создан в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и является некоммерческим изданием, объединяющим физических и юридических лиц, занимающихся литературным и другим творчеством, признающих Устав и цели Журнала.

1. Основные цели и задачи

1.1. Основные цели:

- всестороннее развитие культурных связей, сотрудничества между писательскими организациями и союзами на основе развивающихся литературных процессов в России; поддержка и развитие литературных процессов;
- укрепление взаимного сотрудничества и участие в процессах, происходящих в сферах культуры, искусства, образования, спорта;
- участие в процессах укрепления духовных ценностей гражданского общества;
- оказание творческо-практической помощи различным литературным объединениям, содействие в становлении гражданского общества и утверждение принципа социальной справедливости, содействие утверждению равноправия представителей разных национальностей, проживающих в России, взаимного уважения их интересов и ценностей;
- создание необходимых условий для свободного развития новой высокодуховной литературы на основе многонациональной языковой культуры;
- развитие и укрепление возможностей литературной деятельности для начинающих писателей.

1.2. Основные задачи:

- осуществлять любую незапрещённую законодательством России деятельность для выполнения уставных целей;
- осуществлять издательскую деятельность;
- участвовать во всех литературных процессах в любых формах их интерпретации;
- осуществлять периодическую публикацию всех форм литературных произведений;
- сотрудничать с литературными объединениями, писательскими союзами, обществами.